13-й отдел НКВД

Павел Барчук

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Уход из убойного отдела на заслуженную пенсию и домик на берегу моря – вот мои планы на ближайшее будущее. Три раза «ха-ха» – сказала Судьба и закинула меня в 1941 год. Оказаться в теле родного деда, сотрудника таинственного 13-го отдела НКВД, – легко. Предотвратить роковое событие – да пожалуйста. Но на деле вышло иначе. Теперь передо мной задача похлеще, чем поимка маньяка. Пока я не сделаю то, что должен, возвращение обратно отменяется…

- Павел Барчук
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25

Павел Барчук
13-й отдел НКВД. Книга 3

Глава 1

Я сидел на земле, среди достаточно редких деревьев местного, очень знакомого парка, бестолково пялясь на лежавший рядом труп. А это несомненно был труп. Тут даже профессионального освидетельствования не надо. Ошибиться сложно. Причем, не обычный, как бы странно это не звучало, случайно найденный труп. Очень сильно хочется списать на то, что отправившись гулять в ночи, ну, мало ли, уже понятно, со мной все, что угодно может приключиться, наткнулся на жертву маньяка. Увидел, ошалел, упал без сознания. Господи, какой бред… Жаль, что подобная версия сразу отпадает по причине своей абсурдности. Потому как я не барышня и от вида мертвых в обморок не падаю. Даже если допустить, что пришел бы сюда случайно.

Тряхнул головой, пытаясь привести себя в норму. Мозг, как маленькие железные шарики, перекатился от одной стенки черепной коробки к другой, весело при этом звеня. Опять вот это уже привычное после перемещения из прошлого времени во время настоящее, состояние тупой головной боли.

Тут же волной цунами накатили воспоминания о последнем, что окружало меня пять минут назад. А в моем восприятии это было именно пять минут, не больше. Такое чувство, будто закрыл глаза и почти сразу их открыл.

Двор убогой деревни, бегущая по нему Александра, Мацкевич на пороге, Лиза, которая словила пулю, предназначавшуюся мне, и Звезда Давида, именно в тот момент решившая вернуть все назад. Черт… Лиза. От мыслей о девчонке, а точнее о том, что с ней произошло, внутри сразу заныло и засвербило. Будто голодная злая крыса стала прогрызать себе дорогу на свободу. Только прогрызать из моих кишок. Аж скрутило от боли. Честно. Просто перед глазами стояло бледное лицо Лизоньки. Красивое, но какое-то застывшее. Без малейшего выражения страдания. Просто оно было спокойное и даже равнодушное.

Умерла? Или… Может, спасли? Умом понимал, не́кому. Там – село, в котором не то, чтоб врача нет, даже завалящего ветеринара не найдется. Чисто физически пулю вытащить некому, как и оказать необходимую помощь. Опять же, большой вопрос, куда попала эта пуля. Было ощущение, будто в район сердца. Но это не точно. И главное, что совсем не понятно, по какой причине Звезда Давида активизировалась в тот момент? До Москвы я не добрался. Книгу не забрал. Что именно оказалось

главным, самым решающим фактором? Выстрел Марты?

Я снова покрутил головой. Похоже, меня перекинуло домой, и судя по окружающей обстановке, это реально дом. Имею ввиду, включая время, события, обстоятельства. Знаю наверняка и парк, и крыши домов, виднеющиеся вдалеке. Провел тут всю сознательную жизнь. Предположительно, время мое. В изменённой реальности, где остался Советский союз, насколько помню, парк отсутствовал. Там была спортивная площадка на этом месте. Но надо ещё убедиться. А то, может, лес есть, но кроме привычного леса, в остальном – какая-нибудь, не дай бог, кайзеровская империя вокруг. Тут уже не знаешь, с какой стороны ждать подвоха. Выйду на улицу, а там фашисты маршируют. Тьфу-тьфу… Типун мне на язык.

Голова гудела, а мысли категорично отказывались работать в штатном режиме. Подобное состояние всегда остаётся у меня в момент перехода из прошлого к будущему или обратно. Видимо, не приспособлен я для таких путешествий. Тяжело переношу.

Снова поднял руку, разглядывая ее содержимое, которое, честно говоря, лучше бы предпочел не видеть. Потому как не нравилось мне все это. Очень сильно не нравилось. Было ощущение большой подставы. Нож оказался испачкан чем-то темным. В ночи сложно разглядеть подробнее, даже не смотря на фонари, которые от места моей дислокации находились далековато. Поднес лезвие к носу и втянул воздух носом. Пахнет кровью. Свежей. Несомненно кровь. Хреново…

И ладони в крови. Пальцы тоже. Опустил взгляд на джинсы. Отчётливо виднелись темные пятна. Похоже, одежда тоже в крови. И вряд ли она моя.

Ни черта не понимаю. Ещё эта душевная, отвлекающая боль от мысли, что девчонку убила чертова Марта. Господи, никогда не молился, но хоть бы ее спасли. Пожалуйста. Буду ходить в церковь, каждый день. Брошу пить, курить, ругаться матом. Только спаси ее. Понимаю, что это маловероятно. Но, в конце концов, есть же Наталья Никаноровна. Неужели она ничего не предпримет? Странно, конечно, следом за боженькой, вспоминать демона, однако, спроси меня сейчас кто-то, что готов отдать за Лизину жизнь, наверное, ответил бы, все. И не важно, кому.

Надо сосредоточиться и понять что происходит именно сейчас. Это прежде всего. Вот, например, зачем мне нож?

Повернул голову налево, где лежала убитая девушка. Картина та же. Виденная мной неоднократно на фотографиях с прошлых мест преступлений. Один в один. Глаз нет. Уверен, если сейчас

загляну в рот, который безвольно открыт, оно и понятно, его раскромсали отвратительным образом, то языка тоже не будет.

– Аа-а-а-а-а-а-а!

Крик раздался с другой стороны, причем сразу же оборвался, столь же внезапно, как и начался. Я посмотрел теперь направо. Там, на расстоянии метров пяти – семи стояла женщина, лет сорока, с собакой на поводке. Ну, как собака… Пародия. То ли мопс, то ли микроскопический бульдог. Хрен разберёшь. Сейчас в моде эти маленькие скулящие существа, по недоразумению названные псами. Она, похоже, выгуливал питомца и случайно оказалась рядом с этими кустами. Вообще, конечно, немного странное место для убийства. Можно и по приличнее найти. Такое, где ни один свидетель не появится.

– Здравствуйте. Все нормально.

Я поднял обе руки, пытаясь ее успокоить. Этакий жест мира. Потом сообразил, что вряд ли успокаивает когда ночью в лесу человек, сидящий на земле рядом с убитой зверски особой, размахивает ножом, уверяя, будто все отлично.

– Блин. – Разжал пальцы, позволяя с глухим стуком орудию убийства упасть на землю.

– Да… ага… все хорошо… – заторможенно повторила женщина, а потом вдруг очень резко развернулась и бросилась бежать, оглашая окрестности истошным криком «Помогите!»

Собака летела следом за ней, надрываясь истеричным лаем. Причем, скорость хозяйки была так велика, псина не успевала своими короткими ножками, а потому реально практически неслась по воздуху за счёт натянувшегося поводка.

– Ну, все. Мандец. Сейчас тут будет весь район. – Сказал вслух, а потом пришло внезапное озарение. Просто будто в спину кто-то подтолкнул к верному направлению мыслей.

Ешкин же ты кот. Вообще-то, я нахожусь рядом с очередной жертвой маньяка. А это, несомненно, работа того самого убийцы, которого пытался найти последние месяцы. В руке, моей, на секундочку, руке – орудие убийства. Причем обе конечности – в кровище. Но главное, я при всем желании не смогу объяснить, как и зачем оказался тут в подобном виде. Потому что не существует объяснения этой ситуации. Разумного, имею ввиду. Без упоминания мистической составляющей данной истории.

В этот момент взгляд упал на запястье второй руки. Захотелось очень громко ругаться матом. Там имелись несколько царапин. Судя по внешнему виду, оставленных женщиной. Ногти. Борозды ранок однозначно выглядят, как след от женских ногтей. Да ну нахер…

В этот момент во мне, наверное, сработало, наконец, чувство,

старое, как мир. То, что присутствует у каждого человека, независимо от возраста, пола и жизненного опыта. Инстинкт самосохранения. Я вдруг очень ясно понял, надо валить. Надеяться на то, что мента станут слушать и поверят сразу же – дело очень глупое. Думать обо всем лучше на приличном расстоянии от этого места и от этого трупа. Потому как, ко всему прочему, я ни черта не помню. Вернее, помню 1941. Помню деревню, Мацкевича, Лизоньку. Помню все, что происходило с бабкой-демоном. Помню внезапно нашедшегося брата Иваныча и все, что он рассказал. Помню, как вообще началась эта история. Включая поминки деда, Клетчатого, даже ту изменённую реальность, где провел пару дней. Но, хоть убей, не помню, как оказался именно здесь, в парке рядом с убитой девушкой. И это не старая жертва из первых трёх. Ни хрена. Новая.

Вернее, теоретически, мое наличие тут, а не в 1941 – работа Звезды Давида. Но какого черта я очнулся в столь сомнительном виде и в столь сомнительных условиях. Как бы то ни было, сейчас надо исчезнуть со всех радаров. Я – мент. Я знаю, что говорю. Пояснять явившимся патрульным, а они сто процентов того и гляди явятся, кто такой Иван Сергеевич Симонов, не улыбается. Документов с собой нет. Даже если это будут знакомые пацаны, то первое, что придет в голову, Симонов чокнулся и пошел убивать. Ну, потому что я бы так и подумал на месте любого ППСника. По крайней мере, раньше, этак на пару своих мистических командировок назад, именно версия о причастности человека с ножом в руке к убийству, несомненно первой пришла бы мне в голову. Кем бы этот человек не являлся. Ибо все предельно ясно для постороннего взгляда. Есть труп, есть орудие убийства, есть я, по уши в крови жертвы, а вот почему-то ни на секунду не сомневаюсь, что это именно кровь убитой девушки.

Сука, сука, сука… Да как вообще вся творящаяся в последнее время вокруг меня хрень из обычной задницы превратилась в особо глубокую задницу.

Я вскочил на ноги. Крик случайной свидетельницы эхом доносился со стороны домов. Там сто процентов уже нашлись ещё люди. У нас же народ до жути любит все такое. Стоят, наверное, камеры на телефонах настраивают и посты строчат. Ночь на улице, но теплая, летняя. Народу гуляет до хрена. Скорее всего, вызвали ментов. Очень хочется выйти из парка к истерящей владелице мопса и сказать с серьезным лицом: «Вызывали полицию? Мы уже здесь».

Но ни хрена, конечно, не смешно. Если это действительно моя реальность, то через кусты можно выскочить к новостройкам, потом начинается старый квартал.

Больше не сомневаясь ни в чем, ибо сомневаться уже опасно для собственного благополучия, рванул в ту сторону, где имелся шанс скрыться от несущихся на меня тараном проблем. Быстро нагнулся, подхватил с земли нож, а потом начал действовать.

Кусты практически перескочил одним заходом. Кенгуру в Австралии нервно вздрогнули от конкурента. Несся, будто заправский африканский козел во времена засухи к водопою. Судя по реакции тела, оно – мое, родное. Ощущаю, как перекатываются мышцы, как напряжён пресс. Все на месте. Физическая форма такая же, какая имелась на момент моей первой встречи с Клетчатым.

Расчет, к счастью, оказался верным. Все нормально с окружающей действительностью. Новостройки те, что и должны быть. Потом – старый район. Метнулся в глубину пятиэтажек, где максимально мало света. Теперь должны быть гаражи. Там можно сесть и подумать.

Едва оказался среди железных коробок, в которые местные мужики ставили своих лихих коней, нашел взглядом самый темный угол, там ещё имелись сваленные деревья, направился к ним и в изнеможении плюхнулся на стволы берёзок. Знал, что они тут. Буквально несколько дней назад сосед, перед годовщиной деда, который имел гараж уже много лет, рассказывал, как они с мужиками обрубили все деревья вокруг. Чуть сильный ветер, так ветки ломаются и летят. Выходит, точно вернулся домой. Совпадений таких не может быть.

Посмотрел на нож в своей руке. Куда его теперь? Оставлять орудие убийства нельзя было. Оно целиком и полностью обляпано моими пальчиками. Это практически то же самое, что явиться в родной уголовный розыск с заявлением, товарищи, я малясь сошел с ума, начал убивать. А вдруг… правда. Вдруг на самом деле сошел с ума? На фоне всего, что произошло. Вдруг с момента, как меня вернула Звезда Давида, прошло гораздо больше времени, а я просто сам превратился в маньяка. Потому что предыдущие жертвы не могли быть убиты мной. Точно. В то время… А что в то время? Каждое убийство происходило, когда был дома. Один. Может, и не случилось никакого перемещения во времени? Может, не был я ни в каком 1941? И маньяк с самого начала это – Иван Сергеевич Симонов собственной персоной? Просто не помнил своих действий. А теперь настало прозрение?

Положил нож рядом и полез в карман. Пусто. В другой карман. Только ключи от квартиры. Звёзды нет. И креста нет.

Я закрыл лицо ладонями, а потом вдруг начал смеяться. Серьезно. Просто хохотать. Ну, весело же. А что? Жил такой мент, жил, потом у него потекла крыша и он начал убивать людей. Но в

его воспаленном мозгу нарисовалась история, в которой он перемещался во времени, встретил существо из ада, даже два, увлекся девчонкой, которую из-за него же и убили. Ну, такое оправдание для самого себя. Больное сознание сочинило, чтоб усыпить бдительность своего хозяина.

Но в этот момент вдруг, как наяву, увидел Лизу. Она словно оказалась рядом. Настоящая. Даже запах ее почувствовал. Вспомнилась та ночь, которую мы провели в Москве, перед тем как уйти к немцам. Ее горячее дыхание, стоны. Вспомнилось, как она лежала в моих руках во дворе дома, на окраине маленького села, и как я прижимал ее к себе. Нет. Не могло это привидеться. Точно было. Знаю. Лиза точно была.

Сиди, не сиди, надо что-то делать. Однозначно меня хотели подставить. Единственное объяснение. Вопрос лишь один. Явно вернулся я не в тот момент, когда очнулся среди деревьев. Потому что, звёзды нет. А она должна быть. Про крест ничего не говорю, бог с ним. Святая вещь. Кто там разберётся, как она работает. Когда переместился в изменённую реальность Советского союза, проводник был при мне. Соответственно, выходит, между тем, как чертова штука закинула меня обратно, в свое тело, и убийством прошло сколько-то времени. День, два, неделя. Не знаю. Когда началась история с Клетчатым и поминками деда, тоже было лето.

Первым делом, мне нужно попасть домой. И сделать это необходимо именно сейчас. Потом уже не смогу.

Тетка, увидевшая меня на месте преступления, незнакома. Не встречал ее никогда. Пока расскажет, пока менты составят фоторобот. Пока вычислят, кто именно там находился, пройдет не меньше нескольких часов.

Я снова встал на ноги, прихватив нож, а потом направился в сторону дома, но обходными путями. Задача номер один, избежать любых встреч.

К счастью, в данном случае мне подфартило. Обошел парк стороной, и мелкими перебежками попал к своему подъезду. В квартиру поднялся по лестнице, перешагивая несколько ступенек сразу. Тихо открыл замок и скользнул внутрь.

По квартире носился, как ураган. Помыл руки, умылся, почистил зубы, сам не знаю при чем тут зубы. Психологическая, наверное хрень. Потом переоделся. Вещи свернул и сунул в мусорный мешок. Их возьму с собой. Надо уничтожить. Лучше всего – сжечь. Нашел банковские карточки. Деньги правильно будет снять сейчас. Где-то в ближайшем банкомате. По камерам найдут конечно, где обналичился, но если сделаю это рядом с домом, будет непонятно, куда направился потом. Светиться

в других районах нельзя. Несколько раз облазил все углы в поисках чертовой Звезды Давида. Не было ее и все тут. Куда мог засунуть? Не понятно. Телефон разбил, предварительно сломав симку. Остатки мобильника сунул в пакет с вещами.

Уже выходя из квартиры, вспомнил об очень важном. Метнулся к шкафу, достал коробку с медалями деда. Фотография была на месте. Взял ее и сунул в кошелек. Благо, небольшая, вполне поместилась. Не знаю, зачем и почему, но она сейчас была мне просто необходима. Это словно его поддержка в тяжёлый момент. А момент, прямо скажем, мандец, какой тяжёлый. Теперь все. Что мог, сделал. Дальше остаётся надеяться на удачу и собственные силы, включая мозг. Нет безвыходных ситуаций. А уж в этой я обязан разобраться.

Не оглядываясь, вышел из квартиры.

Глава 2

Вопрос на миллион: Куда пойти, если пойти некуда? А это, к сожалению, правда. Утром у ментов будет полностью вся информация относительно того, кто конкретно был рядом с убитой. Подозреваю, вокруг трупа и скорее всего на нем – куча моих отпечатков. Ровно, как под ногтями – кусочки моей кожи. Уверен, царапины у меня на руке тоже неспроста. Они свежие. Свидетельница, увидевшая всю эту чудную картину, я и мертвая дама, поможет с фотороботом. Было относительно темно, но все же.

Мои друзья, товарищи, знакомые в большинстве своем – менты. Либо имеют общие связи в данной сфере. То есть, явиться к кому – то из них могу, конечно, но наша встреча будет крайне недолгой. Думаю, даже сдадут, куда надо, сами. С порога оправдываться, мол, я вообще ни при чем, понятия не имею, кто ее убил, тоже такое себе вариант.

Вот и выходит, идти мне некуда. Гостиницы исключаются. Съёмные квартиры, которые посуточно, если рассмотреть… Но опять же, приличные варианты, там попросят документы. Тоже не сильно много времени потребуется, чтоб найти Симонова Ивана Сергеевича.

Могу покинуть город пешком, автостопом. Но вопрос аналогичный: куда двигаться? Да и зачем? Мне нужно разобраться со всем на месте. Пока не знаю, как именно, но нужно. Вообще не планировал бегать оставшую жизнь по просторам родины. Да и… черт. Я должен узнать, что произошло не только здесь, но в 1941 тоже. Какого дьявола меня вышвырнули в тот момент, когда книга ещё не была возвращена?

Какая из задач, убийца или прошлое, важнее, сложно определить. Маньяка найти необходимо, это факт. Но ещё больше мне не нравится, что столь внезапно все изменилось с книгой. Бабка-демон конкретно говорила, ее нужно забрать. А тут вдруг, война окончена, всем спасибо, до свидания Ваня. Связано с Алексеем? Или что? Какая же дебильная у них манера. Сами что-то там решили, не посоветовались, не сообщили и все, давай, аревидерчи.

Вопрос в том, как осуществить все это? Даже маньяка проще найти здесь, чем самостоятельно попасть туда, в 1941. Тем более чертова Звезда Давида пропала. Но! Как помнится, а помнится очень хорошо, после моего возвращения в изменённую советскую

реальность, бабка-демон там имелась. Правда, может дело как раз в том, что реальность была изменённой. Но здесь, сейчас так-то тоже какой-то дебил продолжает убивать женщин. И цель его, несомненно, ритуал по вызову потусторонних сил. Выходит, как ни крути, сначала нужно найти след маньяка. От него уже можно двигаться в заданном направлении, потому что звучит это странно, но цели у нас с убийцей, похоже, аналогичные – встретиться с демоном.

Учитывая, что очнулся рядом с очередной жертвой, получается присутствует во всем ещё одна интересная история, помимо предыдущих. Я не знаю личность маньяка. Сколько ни пытался разыскать, обнаружить, вычислить, один хрен топтался на месте. Ни следов, ни улик. Но сто процентов, он знает мою личность. Потому как случайным совпадением все произошедшее этой ночью быть не может. Третье лицо не имело бы информации о готовящемся убийстве. Даже, если маньяк действует с чьей-то помощью, в любом случае, инициатива подставить меня могла происходить только от него. Значит, он знает, кто я такой. Причем, не просто в отношении убийств. Не просто то, что Симонов – это мент, расследующий дело. Он знает, как минимум, о моей связи с потусторонними существами. Потому что в любом другом случае я не оказался бы по уши в этом дерьме. Короче, с какой стороны не глянь, а все упирается в того, кто готовит сейчас ритуал именно здесь, в данное время, в данном месте.

Обдумывал всю ситуацию, сидя в ночной забегаловке на окраине города. Это было какое-то заведение, средний вариант между кафе и разливухой.

Несколько столов с клеенчатым покрытием, старые стулья с деревянными спинками и шикарнейшее меню, в котором верхом кулинарного искусства были «чебуреки домашние». Их, собственно говоря, и заказал. Ещё двести грамм водки, соленья. Мне жизненно необходимо было выпить. Прям вот жизненно необходимо. Всё-таки, стресс имелся приличный. Но более всего беспокоил момент, что я не помню ни черта. Факт того, что между перемещением и убийством прошло какое-то время, несомненно имеется. То есть меня вернули раньше, чем я очнулся в лесу. Так что, твою мать, происходило между этими двумя событиями?

– Приятного аппетита. – Официантка поставила передо мной тарелку с двумя чебуреками, мисочку, в которой плавали в рассоле огурцы и помидоры, а также графинчик водки с рюмкой.

Я поблагодарил, не отрывая взгляда от столешницы. Думал

о своем.

– Симонов, ты?

В голосе девушки сквозило сомнение. Я поднял голову и уставился на стоявшую рядом официантку. Лет двадцать восемь, может, тридцать. Этакий типаж комнатной собачки. Аккуратное, кукольное лицо, невысокий рост, миниатюрная фигурка, даже волосы собраны в два хвоста, вызывая ассоциации с кокер-спаниелем. Не сказать, что красавица, но и ничего отталкивающего. Просто типаж не мой. Но вот она глядела на меня с какой-то тайной надеждой в глазах, хлопая длинными нарощенными ресницами.

– Ты Симонов? – Повторила девушка.

– Ну, смотря что ты имеешь ввиду. Теоретически, да. Симонов. Не знаю, тот ли, который нужен тебе. – С интересом разглядывал светловолосую болонку. Вот. Понял, кого конкретно она напоминает. Болонка. Курносая, симпатичная, декоративная собачка. Но только, хоть убей, не было момента узнавания с моей стороны. Такое чувство, будто вижу ее впервые.

– Иван. Ты Симонов Иван? – Девушка улыбнулась, отчего на щеках у нее появились хорошенькие ямочки.

– Так. Два из трёх. Имя и фамилия – в яблочко. Остаётся ещё отчество, но, подозреваю, там тоже выйдет совпадение.

– Ну, ты чего? – Она поставила поднос, который до этого держала в руках, на стол, слегка сдвинув принесенную еду, если это можно так называть, а потом уселась на свободный стул.

Учитывая, что на улице дело шло уже к рассвету, а заведение, хоть и было круглосуточным, судя по отсутствию посетителей, особо спросом среди местных не пользовалось, не нашлось возражающих против ее желания поболтать с гостем забегаловки. Человек за стойкой, которая, наверное, была здесь типа бара, глянул в нашу сторону равнодушным взглядом и замечания девушке делать не стал.

– Лариса я. Артёмова. Мой старший брат учился с тобой в одном классе. Никита Артёмов. Не помнишь?

– Никита… Никитос. Помню. Как же! – Действительно, в голове всплыл образ светловолосого парня с такими же мелкими чертами лица, как у этой симпатичной болонки. Такой и правда имелся. Мы даже кружились в одной компании, периодически ходили на тусовки. Он сидел в классе прямо за мной, кстати.

– Ну, вот! – Девушка расплылась довольной улыбкой.

– Слушай, вот тебя не помню. Извини. Правда не помню.

– Не удивительно. Вы были уже взрослыми, практически мужчины. По крайней мере, вели себя так. – Она искренне

рассмеялась. – Вечно накуритесь за домом в гаражах, а потом «звёздочкой» руки мазали. Чтоб родители не поняли. Думали, это запах скрывает. А в итоге воняло и ёлками, и табаком. А я младше на три года. Конечно, не обращал внимания даже. Хотя, я-то в тебя была влюблена. Как многие девчонки в школе.

– Ой, да хватит тебе. Скажешь тоже. – Махнул рукой, мол, ерунду болонка говорит.

Если честно, помню, что одноклассницы нет-нет писали всякие смешные любовные признания. Но я в то время был увлечен девочкой из параллели. Мы с ней вроде как «встречались». До смерти родителей, по крайней мере, если память меня не подводит. Девочку звали … Марина. Да. Была она может и не первой красавицей, но одной из самых привлекательных в нашей школе.

– Серьезно. По тебе очень многие сохли. А я в первых рядах. Два последних года, которые ты учился в школе, подкидывала тебе валентинки на День всех влюбленных. В раздевалке находила твою куртку и клала их в карман. Без подписи. Мне казалось, ты обязательно поймёшь, что это от меня, осознаешь, будто сильнее, чем я, тебя никто любить не будет, а значит, разышешь, прижмешь к груди и будем мы вместе до конца жизни.

Лариса легко и весело рассмеялась. Видимо, воспоминания и правда были ей приятны. Я же ничего сказать не мог по этому поводу. Валентинки? Возможно. Было что-то такое вроде. Да. Открытки в виде сердца со стихами о любви, но без подписи. Значит, от нее. С другой стороны, получается когда мне исполнилось семнадцать и я пошел в одиннадцатый класс, ей – четырнадцать. Естественно, пусть и сестра товарища, она была для меня пустым местом.

В этот момент играют гормоны, а значит, хочется чего-то посерьёзнее прекрасной возвышенной любви. И уж на ребенка я бы точно не посмотрел.

Помнится, даже при том, что я, вроде как, встречался с Мариной, попутно имелись другие увлечения. Естественно, это были девушки постарше. Типа, встречи без обязательств. Ну, а что делать? Секс и все его прелести интересовали чрезвычайно, а в этом плане толку от дамочек, которым за двадцать толку было всяко больше.

Я отличался всегда достаточно высоким ростом, плюс физические данные очень даже приличные. По юности занимался плаваньем, немного ходил на Ушу. Поэтому часто с пацанами мы ехали в центр, где в ряд имелись несколько ночных клубов. Учитывая, что было это в начале 2000х, конечно, «клуб» – слишком громкое название для провинциальных заведений, где

просто можно было напиться и снять кого-то. Внутрь не заходили, но вот рядом со злачным местом, караулили случайных весёлых подружек. Там, прямо напротив, имелся небольшой парк с лавочками. Вот мы занимали их и тусовались, в ожидании удачи. Кстати, работало. Было все, и взрослые девочки, и горячий, хотя, во многом бестолковый, секс.

– Ты как сам то? Сто лет тебя не видела. Чем занимаешься? Последнее, что слышала, ты после школы ушел в армию а потом уехал куда-то на север. Я тоже уезжала. В Москву. За лучшей жизнью. – Лариса грустно улыбнулась. – Как видишь, попытка была неудачной. Только с родными разругалась. Не общаемся сейчас. Никита женат, кстати. У него семья. Но как вернулась, даже не встретились ни разу.

Девушка продолжала рассказывать, а я внимательно слушал, параллельно соображая. Она не знает обо мне ничего, выходит. С родственниками в ссоре. Вернулась из Москвы не так давно. Это тоже огромный плюс. А главное, меня с ней никто никогда не свяжет.

– Ну, так что? Женат? – В ее глазах было очень заметное ожидание. Похоже, я симпатичен ей до сих пор. Черт… Мелочь, а приятно.

– Нет, – Отрицательно покачал головой. – Семьи тоже нет. А дела… Ну, так сейчас… Не очень. Кое-какие проблемы.

– Серьезные, наверное, если сидишь ночью тут. – Она обвела взглядом более, чем скромную обстановку кафешки. – Я даже работать сюда пошла от безысходности. Не было вариантов больше.

– Не то, чтоб серьезные, но приятного мало. Думаю, куда податься. Так вышло, даже остановиться на пару дней негде.

Сделал паузу, давая ей возможность осмыслить сказанное.

– Ой, да пойдем ко мне… – Она тут же смутилась. Мило очень, кстати. Сначала щёчки немного покраснели, а потом все лицо залилось краской, по самые корни волос. – Ну, в смысле, хочешь, сдам тебе комнату? У меня «двушка». Снимаю тоже.

– Тебе это не будет в напряг?

Даже не стал ломаться или строить из себя недотрогу. Конечно, для меня данный вариант подходит идеально. К нему и вел. У этой особы Симонова Ивана Сергеевича никто искать не будет. Сама она явно не ведёт светский, активный образ жизни. Под рабочим фартуком я заметил простые джинсы и футболку с немного потянутым, потертым вырезом горловины.

– Нет, конечно. Рада помочь. Тем более, так понимаю, обратиться тебе не к кому? Растерял всех знакомых? Ну, понятно, конечно. Многие, наверное, как Никита, семейные. Да и вообще.

Тоже недавно вернулся? Надоело на севере? Холодно.

– Ага. – Потом вспомнил Сирийскую жару и мысленно усмехнулся. – Надоело, и не осталось тут никого. Все верно говоришь.

– У тебя же… родителей ещё тогда, давно не стало? А дедушка был. Где он?

– Ну… был. Теперь, нет.

– Поняла. Слушай, хочешь дождись меня. Покушай пока. Чебуреки, кстати, действительно вкусные. Их по особому рецепту наш повар делает. Не хочешь тут быть, тогда дам ключи, адрес… А я сменюсь скоро и тоже приду.

– Да не. Подожду. Правильно говоришь. Покушаю, наверное. Да и выпить хочется. Не то, чтоб бухаю. Не переживай. Очень редко. Сейчас момент просто такой. Народу нет все равно никого. Может, со мной посидишь?

Ларису и правда вообще никто не дергал. За стойкой ошивался все тот же парень, который оказался и барменом, и администратором в одном лице. В смене были ещё повар и охранник, но последний уже часа два спал в подсобке. Прекрасно. Чем меньше людей нас видят вместе, тем лучше.

Мы проболтали до семи часов утра. Как-то незаметно я уговорил всю принесенную водку, потом заказал ещё. Не брала, зараза. Вообще не пьянел. Такое чувство, будто организм переключился на рабочий режим. Подобное происходило, когда я оставался долгое время на позиции, ожидая цель. Срабатывал определенный механизм. Значительно сокращалась жажда, практически исчезало чувство голода. Даже в туалет не хотелось. Натурально рабочий режим. Состояние, в котором тело работает на каких-то определенных резервах. Так и сейчас. Пил, но не пьянел. А вот чебуреки ушли за моё-моё. Соленья тоже. Лариса успела рассказать о себе все в подробностях.

Как уехала в Москву в восемнадцать, сразу после школы, поддавшись на уговоры подруги, что стало большой ошибкой. Там тоже ей предложили должность официантки, но с дальнейшим развитием и карьерным ростом. В итоге ресторан оказался вовсе не столь хорош, как обещалось. Нет, посетители и правда были очень богатыми людьми, но именно поэтому считали, будто им позволено все. Тем более, заведение являлось закрытым, наподобие клуба по интересам. Соответственно, предложений сомнительного толка было много. Лариса, воспитанная немного иначе, всего этого опасалась, а потому пришлось уходить. Следующей ступенью стало заведение попроще, потом ещё попроще. По итогу вышло, денег, которые она зарабатывала, хватало только на квартиру и на скромное

пропитание. Тем более, изначально жилье они сняли с той самой подружкой, а после ухода из закрытого клуба, Лариса ей стала как бы не нужна. Промаявшись в столице почти десять лет, вернулась в родной город.

Наверное, можно было бы устроиться в приличный ресторан, действительно настроиться на карьеру в данной сфере, но из рассказа, да и по поведению девушки, я сделал вывод, натура не та. Лора, она попросила называть ее так, не имеет жесткого характера, внутреннего стержня. Реально декоративная болонка. А это, как ни крути, для столицы, где на твое рабочее место всегда найдется куча желающих, которые дышат в спину, мечтая точно так же устроить жизнь в Москве, является важным моментом. Лора же наоборот была слишком мягкой, доброй, даже какой-то наивной. Это ее естественное состояние. Поэтому, в определенный момент поняла, надо ехать обратно. Там, хотя бы, пусть и прекратившие общение после ее отъезда в Москву родные, но все же, они не чужие, посторонние люди. Да, не разговаривают, не звонят, не пишут. Мать, отец и брат упорно считали, будто она чуть ли не на панели трудится, в своей этой столице, но в случае крайней нужды, все же не оставят на улице. Да и годы идут, хочется семьи. Все девочки так устроены, наверное. Им любовь подавай, совместный быт, детей. В столице в этом направлении у Ларисы тоже не складывалось. В общем, все обозначенные факторы подтолкнули ее к возвращению. Пока что семья не особо рвется к налаживанию связей, но скорее всего, со временем все изменится.

Я заверил девушку, что непременно изменится и, конечно, все будет хорошо. Она бросала на меня в ответ многозначительные взгляды, потом смущалась и опускала глаза. Я не ошибся, весьма заметно, что симпатия с ее стороны есть. Причем, достаточно сильная. Типа первая любовь. Что-то из этого разряда.

Когда пришла на работу ее сменщица, Лариса убежала из зала, дабы переодеться. Вернулась очень быстро, и мы, наконец, вышли на улицу.

– Далеко?

– Нет. Соседний двор. – Она сразу поняла, о чем я спрашиваю.

– Отлично. Идём тогда. Поспал бы с огромным удовольствием, если честно. Да и тебе тоже надо после работы.

Девушка кивнула, соглашаясь, подхватила меня под руку и мы пошли в нужную сторону.

Глава 3

Дом Ларисы и правда оказался совсем рядом. Это просто отлично. Шататься по улицам мне сейчас крайне нежелательно. Того и гляди, розыскная ориентировка появится.

Учитывая, что было утро, и люди с раздраженными лицами активно топали на работу, вернее кто-то топал, кто-то ехал, я пониже натянул на лицо бейсболку и всю дорогу изображал активное внимание к говорящей без остановки девушке. Вообще, она сильно напоминала в этом плане протекающий на кухне кран. Даже если вода не льется сильной струёй, то все равно капает без перерыва. Так и Лариса. Что-то рассказывала особо бурно, но даже, когда история подходила к концу, один черт не останавливалась, переходя попутно к следующему, более активному повествованию.

Наверное, понимаю, по какой причине до сих пор эта симпатичная болонка не замужем. Потому что с ней рядом можно сума сойти от нескончаемого потока информации. Насколько знаю нашего брата, подобная разговорчивость сначала кажется милой, потом немного утомляет, а потом просто бесит. Я знал уже не только подробности ее жизни, но и детали судьбы повара Ахмеда, который приехал из солнечного Таджикистана, охранника Анатолия, разводящегося с женой, и сменщицы Ирки, которая по заверению Лоры являлась той ещё стервой.

Но в данной ситуации мне это, конечно, было на руку. Чем больше говорит болонка, тем меньше говорю я. Потому как о себе рассказывать точно ничего не собираюсь. Ради ее же, кстати, блага в том числе.

Квартира, куда мы пришли, выглядела очень скромно. Сразу понятно, жилье съемное. В комнатах стояло по дивану, несколько стульев, шкафы для вещей, причем даже не купе. Обычные, трехстворчатые. На полу – какие-то потёртые паласы. К счастью, хоть и стареньких, но телевизора имелось всё-таки два. По одному на комнату. Постели были заправлены синтетическими пледами. Кухня порадовать обилием современной техники не могла. Скромный набор – чайник и микроволновка. Но все это было незначительным по сравнению с тем, что меня безумно порадовало наличие ноутбука и интернета. Сейчас это очень к месту. Нужна информация. В том числе, хочу посмотреть, что там мировая сеть предлагает по демонам. Книга, которую прочел в прошлом, особо толку

не имела. Да, понятно про Клетчатого. Но я с ним по сути и не пересекался, кроме первой встречи. Видимо, Белиалу поручили меня проверить на благонадёжность, так сказать. Поглядеть, как буду себя вести. А ну, если бы вылупил глаза и побежал по зданию Лубянки, оглашая его криками. Или с дракой требовал бы показать, где прячутся скрытые камеры и режиссер данного шоу. Или стал требовать бы аудиенции у Сталина, выражая рьяное желание сообщить о готовящейся войне. Да мало ли, что мог исполнить современный человек, оказавшийся в подобной ситуации. Вот, я так понимаю, именно поэтому за мной прислали Клетчатого. Если бы начал творить какую-то ересь, уверен, мне не дали бы просто напросто развернуться. Привычно добанули бы по голове, что бывало не раз, и вернули обратно. Почему-то уверен, так и планировалось. Тем более, раз Наталья Никаноровна неоднократно повторила, что прошлое менять нельзя. Причем, формулировка достаточно пространная. Ведь спасти Василия – это тоже изменить прошлое. Но здесь они были всеми руками «за». А вот вещь, попавшая туда, где быть не должна, сыграла очень большую, даже роковую роль. Так и не выяснил, почему в том, советском варианте будущего, дед пошел на предательство. Может, это не принципиально важно, конечно, раз сейчас, к примеру, все так, как должно быть, но чисто для самого себя интересно. Про Лизу тоже. Она ведь прожила удивительным образом очень много лет, оставаясь в одной поре двадцатилетней девчонки.

Как только вспомнил про блондиночку, в груди снова защемило. Воображение услужливо подсунуло картину, которая и без того запечатлелась в моем сознании намертво. Момент, когда держал Лизу на руках.

Тут же тряхнул головой, отгоняя непрошенные мысли. Нельзя раскисать. Только не сейчас. Нужно действовать. Но перед этим, важно понять, то, что пока ещё кажется мне неизвестным.

– Я в душ. – Сообщила Лариса, глядя на меня с намеком, а потом тряхнула головой, позволяя волосам, которые больше не были собраны в два хвоста, рассыпаться по плечам.

Хорошая, конечно, девочка. Не совсем в моем вкусе, правда. Но дело даже не в этом. Честно. Просто сейчас уж точно не хочу никаких интрижек. Даже случайных. Тут все пошло через одно место, и пока не поздно, надо остановить этот поток проблем.

– Ага. Пока поковыряюсь в интернете. Не против? – Изобразил из себя дурачка, который вообще не понимает, о чем идёт речь.

Болонка не имеет столько наглости, чтоб предложить мне переспать в открытую. А намеки можно очень долго

игнорировать.

Вообще, если что, мужики не шарят во всех этих взглядах, вздохах и извечном женском «догадайся сам». Серьезно. Нам это вообще не понятно. Нам надо говорить в лоб. Конкретно. Откуда я знаю, например, чего она мне подмигивает? Может, у человека нервный тик. Может привычка такая. Может, делать не хрена. А вот когда женщина выходит в нижнем белье, но ещё лучше, без него, а потом говорит, идём в постель, тогда уж очевидно, дело движется к сексу.

Слава богу, от не особо способной на решительные действия, Ларисы точно столь радикальных поступков ждать, к счастью, не приходилось.

– Интернет… – Она заметно расстроилась. – Ну, да. Конечно. Бери ноутбук в комнате. Что-то серьезное?

– Ага. Спасибо. Надо изучить некоторые сведения. Да и так. Работу погляжу.

Дождался, пока она исчезнет в ванной, метнулся в спальню, ухватил нужный мне предмет и вернулся в кухню, устроившись за столом. Попутно навёл себе чая с лимоном. От водки толку не было, только голова начала гудеть. Лично мне сладкий чай с лимоном помогает избавиться от нежелательных побочных эффектов алкоголя.

Открыл ноут, включил и первым делом вбил в поисковой системе «демоны». Начнем с общих данных. Просто сдается мне, момент понимания, чего именно хочет добиться Наталья Никаноровна, чуть ли не важнее остального. Да, слышал про «белых», «черных» и все такое. Но я многое не могу логично объяснить в ее поступках. Там, где по идее, она должна «топить» за черных, бабка-демон вдруг поступает совсем иначе.

Однако, как ни странно, не смотря на то, что век нынче современный, информации обо всем столько, что хоть одним местом ешь, а вот о демонах я бы не сказал, будто очень уж много ее имелось. По большому счету, одно и то же и очень общими словами.

Если соединить прочитанное мной в более-менее удобоваримый формат, то выходило, демоны и правда были созданы Богом, как несколько раз вскользь говорила Наталья Никаноровна. Произошло это «потрясающее» событие в сумерки перед первой субботой. То-то по пятницам народ тянет набухаться до зелёных чертей. Вот оно чё, получается. День рождение демонов у нас в этот день. Я мысленно хмыкнул над своим же комментарием, а потом снова сосредоточился на чтении статей.

Так. Прежде, чем он, то бишь, бог, успел доделать их, то

бишь, демонов, наступила ночь, и потому демонам не досталось тел. Ага. Это, значит, объясняет, почему они предпочитают являться в образе дымчатой дряни, как опять же рассказывала бабуля. И почему им требуются конкретные тела для существования среди людей.

Далее, по одной из ссылок я прочел ещё такую интересную вещь. Мол, различие между терминами «демон» и «бог» прослеживается не всегда, так же, как не прослеживается связь демонов исключительно с силами зла или добра. О, как… Этот вывод меня немного удивил. Получается, привязывая бабку-демона к чистому злу, я ошибаюсь? Так что ли? То есть нет данного понятия «черные» и «белые»? Хотя, Наталья Никаноровна, рассказывая мне про все эти шахматные партии, уточнила ещё тогда, мол, как вы, то есть, мы, люди, считаем. Присутствовала эта сносочка в ее словах. Мол, на полярные цвета поделили именно мы их. Добро и зло, плохо – хорошо. А по сути, все не так принципиально, что ли?

А потом, вообще, наткнулся на крайне интересную статью. Вопрос к ней выглядел очень, очень странно, но в то же время логично.

Мол, бог не допускает распространения зла, а демоны творят зло.

Неужели они, в этом отношении, превосходят бога своим могуществом? Завис немного, переваривая фразу. Черт… Но по сути так и есть. Получается, эта самая сила, которую привычно называют «бог», не в состоянии усмирить демонов и дьявола? Они могущественнее, выходит?

Мне, кстати, данное слово кажется каким-то … неестественным что ли. Проще думать о некой безликой силе, главном разуме, не знаю. Ну, да черт с ним. Сейчас не об этом.

Так вот, далее шло пояснение и ответ на этот вопрос. Бог, вроде как, есть абсолютное Добро или абсолютная Любовь. Он действительно не желает распространения зла, никогда не благоволит грехам. Возможность же демонов строить козни, совершать злые дела связана не с тем, что Господь, якобы, не в силах им противостоять, а с совершенно другими причинами.

Творя ангелов, а демоны, выходит, это и есть падшие ангелы, которые пошли против воли создателя, бог специально наделил их свободой проявления воли и свободой нравственного выбора. Именно свобода обеспечивала им изначально возможность определиться: выбрать добро либо зло.

В противном случае они не смогли бы стать добродетельными в полном понимании этого слова, потому что, по утверждению автора статьи, подлинная, совершенная

добродетель основывается и формируется на свободном, а не на принудительно привязанном внешней непреодолимой силой стремлении к Добру.

В свою очередь само понятие о свободе не предполагает, что в случае, если ангелы избирают зло, их тут же за это накажут, уничтожив на месте. Такая «свобода» не была бы свободой. Типа вот, выбирайте. Аа-а-а-а… Выбрали не ту сторону, ну сорян. Хрясь, и нет головы. Или чего там ещё надо отнять у ангелов, чтоб они умерли. Господи… Прямо до ужаса напоминает сцену из фильма: Морфиус и две таблетки – красная и синяя, а потом вопрос, что выбираешь, Нео?

Поэтому злую деятельность демонов нельзя связывать с якобы неспособностью бога им противостоять. Бог грехов не любит, конечно, и потакать этому не собирается, однако разрешает, (вот оно ключевое слово!) грешить демонам. Но при этом, возможность совершения демонами грехов не превосходит границ, установленных богом. То есть они способны грешить ровно настолько, насколько им позволяет Господь.

Между тем бог, подстраивает свои планы так, что даже злые дела падших духов, по итогу оказываются направлены к добрым последствиям.

Я оторвался от монитора и завис, уставившись в одну точку. Хрена себе… Как неожиданно. Во-первых, теперь более понятно, чего Наталья Никаноровна все про эту свободу выбора и невмешательство талдычила. В том и суть. Человек сам должен выбрать, как ему поступить. Взять тот же пример бабки-демона про соседа, что если она решит меня убить, то ей нужно действовать не прямо. Хотя, при желании, голову открутит в долю секунды. Видел некоторые моменты демонстрации силы. Причем, уверен, это была лишь крохотная часть возможностей Натальи Никаноровны. Так вот, внушит она соседу мысль, будто я путаюсь с его женой. А дальше – его личный выбор. Если соберёт вещи супруги и выкинет их на улицу, молча, без разговоров, это одно. Ну, а если реально возьмёт ружье и пойдет мне голову расхерачит, так это – совсем другое. Его выбор. Сознательный.

Во – вторых, и это самый интересный момент, выходит, демоны, дьявол, все они делают лишь то, что по сути им позволено. А позволено именно для того, чтоб люди могли реально понять, каково оно, добро. Не будет зла если, то как разберёшь. Или, к примеру, представим, все, нет ада, нет этих, «черных». Вокруг только добродетель и благолепие. И-и-и-и-и? То есть все, выбор отпал. Но тогда и цена добродетели упадет до нуля…

В общем, загнался я по полной программе, когда мое

внимание привлекла мелькнувшая у входа в кухню тень. Поднял взгляд и подавился чаем, который именно в этот момент решил отхлебнуть. На пороге комнаты сидел очень черный, очень жирный кот. Сидел и смотрел на меня наглыми глазами.

– Офигеть… Наталья Никаноровна?

Я медленно встал из-за стола, подошёл к животному и опустившись на колени, наклонил голову, чтоб его морда оказалась напротив моего лица.

– Наталья Никаноровна, это Вы?

Скотина чихнул, а потом принялся умываться одной лапой.

– Иван… Ты чего? Это мой кот. Василий. – Именно в этот момент, по закону подлости, из ванной, которая располагалась рядом с кухней, появилась Лариса.

Черт. Некрасиво вышло. Будь это демон, болонка бы его не увидела. А так теперь получается, демона нет, зато псих есть.

Могу представить, как смотрелась представшая перед Лорой картина. Сидит кот, никого не трогает. А напротив стою чуть ли не на карачках я. Тычусь ему в морду лицом, да ещё и разговариваю.

– Ага. Понял. Василий. – Встал на ноги, отряхивая коленки. – Просто показалось…

– Иван, – Болонка усмехнулась, – Это – обычный кот.

Она поправила полотенце, закрученное на голове, и собиралась уйти в комнату.

– А ну, стоять…

Девушка замерла, потом, неторопясь, снова повернулась ко мне лицом.

– Откуда это странное уточнение? Что кот обычный? А?

Я сделал шаг в ее сторону. Затем ещё один. Лариса попятились назад, одной рукой придерживая полы халатика, держащегося на честном слове, а точнее, на тоненьком поясе, завязанном бантиком. Похоже, процесс соблазнения всё-таки предполагался, однако, сейчас перестал ее беспокоить по причине моего изменившегося поведения.

– Ты чего, Вань?

– О, как. Ваня. А только что был Иван. И с чего бы тебе, милая, знать, что я встречал необычных котов?

Наклонился, снял с ноги тапочку, пару которых мне дала хозяйка по приходу в квартиру, подкинул ее, то есть тапочку, естественно, не хозяйку, в руке, несколько раз, а потом прицельно, очень резко метнул снаряд в Ларису.

Девушка, взвизгнув, уклонилась.

– Эй! Ты чего? Совсем чокнулся? Крыша поехала?

– Э-э-э-э, нет, милая. Крыша у меня поехала не сейчас,

а гораздо раньше. При нашей первой встрече. И я говорю в данном случае не про кафе. Сдается мне, ты не тот человек, за которого себя выдаешь. Да и вообще не человек.

Почему меня переклинило? Да потому что интонация, с которой Болонка произнесла ту самую фразу, один в один была, как говорила Наталья Никаноровна. Да ещё это уточнение про кота. Подтекст был там определенный.

– Вань, ты меня пугаешь. – Девушка продолжала пятиться назад и мы уже оказались в коридоре.

– Ну, не все же тебе меня пугать, милая.

Я беглым взглядом окинул помещение. Рядом с вешалкой стоял маленький пуфик. Круглый, компактный, но очень тяжёлый. Эх… если я всё-таки ошибаюсь, очень сложно будет объяснить свое поведение. Особенно врачам, когда они приедут чинить девушке разбитую голову. Но вывести бабку-демона на чистую воду можно только силой. Сама хрен признается, хитрожопая стерва.

Быстро нагнулся, ухватил пуф рукой. Черт. И правда тяжёлый. А потом со всей дури метнул его в Ларису. Увернуться, отскочить, она уже не могла. С одной стороны была стена, с другой – дверь в комнату. Закрытая.

Аж сердце остановилось, честно. В последнюю секунду все же подумал, что ошибся. Потому как взгляд у болонки стал настолько испуганный, что меня прошибло холодным потом. Твою ж мать…. Неужели просто совпадение… Сейчас разнесу голову ни в чем не повинной девочке.

Однако, ровно за секунду до того, как пуф вхерачился в голову Ларисе, а я к тем уголовным статьям, которые маячили на горизонте, успел добавить ещё одну, девушка резко выкинула руку и поймала его, будто это не тяжёлый предмет мебели, а теннисный мяч.

Усмехнулась нагловатой, до боли знакомой улыбкой, чуть подкинула пуфик вверх, едва не пробив потолок, поймала на лету без малейшего напряга, хотя мне, к примеру, чтоб кинуть, напрячься пришлось, а затем поставила рядом.

– Ох, и настырный ты Иван. Зато, смотрю, ума то поднабрался. На чем я спалился? На коте?

– На нем, Наталья Никаноровна. Или лучше по-прежнему звать Вас Лорой?

Болонка громко, от души рассмеялась.

– Да что уж там. Давай теперь на «ты». После всего, что между нами было… Так ведь у вас, людей говорят.

Глава 4

– Ну… – Лариса сидела за кухонным столом, напротив меня, потягивая свой любимый чай. Она жмурилась от удовольствия и данная картина вызывала в моей душе очень теплые, почти ностальгические чувства. Реально. Никогда бы не подумал, что такое возможно. За это относительно непродолжительное время я успел, в некотором роде, привязаться к бабке-демону. Она стала частью моей жизни. Далеко, конечно, не лучшей, но тем не менее.

– Что, «ну»? – Я плеснул кипяток в чашку, окунул туда пакетик, при виде которого болонка поморщилась, намекая, что подобным образом заваривать его нельзя. Сама она кинула весьма приличную горсть рассыпного, крупнолистового в заварник.

– Как дела, Иван? Что нового? – Смех да и только. Глянешь со стороны, практически родственники, встретившиеся в конце долгой разлуки.

После сцены с пуфиком и признания своей демонской натуры, Лора шустро переоделась в нормальную одежду, натянув спортивные штаны и футболку. Потом заявилась на кухню, сообщив мне с довольным лицом, что нам надо поговорить. Я был исключительно не против, и даже всей душой «за».

– Ты же знаешь, как дела. Раз произошла наша «случайная» встреча. – Притянул к себе чашку и тоже отпил. Это была уже третья по счету порция. При всей моей любви к чаю с лимоном, пока мы перейдем к главной сути, похоже, начну его ненавидеть.

– Может, и правда, случайно. – Лариса усмехнулась очень знакомой улыбкой Натальи Никаноровны. Вот ведь интересный момент. Сидит бабка в другом теле, а на чужую рожу все равно постоянно ее ужимки лезут.

– Да перестань. Давай уже по делу. Что не так? Почему Звезда вернула меня обратно домой, в момент… в момент, когда Лиза… – Я замялся. Говорить это вслух не хотелось. Страшил ответ, который мог услышать.

– Когда Лизка-дура под пулю полезла? Ты про это? – Лариса вдруг с грохотом шлепнула чашку на стол, расплескав содержимое, а потом, приподнявшись со стула, очень неожиданно отвесила мне приличную оплеуху. Не сильно, конечно, но обидно.

– Эй! Ты чего?! – Я потер тут же загоревшееся ухо. – Нарываешься, опять? Прям не терпится тебе проверить, дам сдачи или нет.

– Ты зачем мне ведьму испортил? – Она оперлась ладонями о столешницу и теперь нависала надо мной, сверкая гневным взглядом.

– Да в смысле?! Кого я испортил? Никого не портил. А Лиза… жива, кстати?

– Кстати?! – Передразнила меня бабка-демон. – Сгубил мне ведьму, а теперь строит из себя дурака.

– Слушай… Я, конечно, скучал по твоим закидонам. Честно. Но все же, давай обойдёмся без вот этих муде на воде. В данном случае, имею ввиду твою дебильную манеру напустить туману и держать интригу до последнего. Как видишь, от интриг, твоих именно, ещё раз уточняю, одни проблемы. Что с Лизой?

– Да ничего. Жива Лизка. Только лучше б померла, честное слово. Ты вообще понимаешь, что девка натворила? – Лариса, наконец, убрала руки со стола и уселась обратно на стул. Всё-таки, нависающий над головой демон немного нервирует. В каком бы она виде не была, теперь я уже не делаю таких ошибок, не забываю, кем является на самом деле существо внутри симпатичной девушки.

– Ну… Типа спасла меня? – Ответ очевиден. Девчонка, как ни крути, реально меня спасла.

– Тьфу ты, мляха муха… Два дебила. Ты и она. Не случилось бы с тобой ничего. Не время для этого. Ранила бы Марта и все. Тебя бы – просто ранила. А рядом, так-то, на секундочку, была Лизка. Уж что-то, а пулю она бы вытащила. И подлечила бы. Все. Ни проблем, ни забот. А вот Марту бы грохнули. Дед этот, который хозяин дома. То есть, все счастливы, все хорошо. Вот так должно быть. Нет! Ни хрена. Захотелось вам с Елизаветой в Ромео с Джульеттой поиграть. И это не считая того, что ведьма… Ведьма! Вдумайся в то, что говорю. Пожертвовала собой ради тебя. Это, знаешь ли, в спектр ведьминских услуг точно не входит. Не существует данного пункта в прайсе. Не для того они особыми рождаются. Чтоб всяких кретинов спасать ценой своей жизни. Это первое. А второе, не тем силам Лизка служит. Вообще не тем. Там наоборот. Погубить, извести, проклятье какое навесить. Потому и наказана за своеволие. Жива, но закрыта. Ничего больше не может. Вообще. Видеть перестала. Чувствовать перестала.

– Твою мать… И… как она? – Я понимал, о чем говорит Лора. Все особенности, которые в Лизоньке были, это – ее суть. Ее слух, зрение, обоняние. А теперь девчонка будто ослепла и оглохла. Вот так, наверное, она ощущает свое новое состояние.

– Ты знаешь, так счастлива. Радуется. Поет и танцует. – Болонка всплеснула руками, а потом прижала их к груди, сложив

пальцы замочком, а губы – бантиком.

– И чего, вот, издеваешься? Я же серьезно.

– Если серьезно, так не надо ерунду спрашивать. Страдает. Переживает. Мучается. Очевидно же. Она со своими особенностями с детства живёт. Думаешь, легко всего враз лишиться? А ей, между прочим, надо было с одним делом чекистам помочь. На благо Родины, так сказать. С нужным делом. И что? Теперь? Ничего!

– Стоп! Сразу отматываем назад. – Я отодвинул чашку, чтоб не мешала, а то при такой экспрессии разговора, точно перебьем посуду. Она, между прочим, чужая. – Ты пришла сюда не просто так. Лиза должна была помочь чекистам. Ок. Поэтому снова сидишь напротив меня? Так? Ведь если здраво рассудить, я свое получил. Жизнь моя вернулась.

– Ой, да что ты? – Лариса откинулась на спинку стула, сложив теперь руки на груди крест-накрест. При этом она смотрела даже не с иронией. Чистый сарказм плескался в ее глазах. – То есть обвинение в убийствах, которое совсем не за горами, тебя не напрягает? Ты же мент, в состоянии оценить ситуацию. Соображаешь, что не выкрутишься. Все улики теперь указывают на тебя. Уж поверь. Шок, конечно, будет у многих. Это ведь такой скандал, такой скандал…

– Аа-а-а-а-а-а-а… Я понял. – Встал из-за стола, подошёл к окну, посмотрел на улицу пару минут, выстраивая мысли в ряд. Необходима была эта пауза. Ну, конечно! Все очевидно! Потом снова повернулся к Ларисе, которая наблюдала за моими перемещениями молча.

– Убийства… Это твоих рук дело. Вот почему не помню промежуток между возвращением и очередным убийством. Я реально вернулся, походу, в свою жизнь. Обычную. И с дедом все нормально, скорее всего, было. Он прожил свои годы, как и должен прожить, без всяких неожиданностей. Поступок Лизы… обнулил все? Да? Книга эта ваша, дьявольская. Все ее действие в отношении моей семьи сошло на «нет», благодаря девчонке. Сейчас именно про себя говорю. Про себя и свою жизнь. Ведьма пожертвовала собой. Либо, как вариант, книгу все же ты забрала. Уж не знаю как, скорее всего, это тоже связано с Лизонькой. Но! Она потеряла все свои способности и это нарушило какие-то другие твои планы. Поэтому для меня ты решила создать условия, в которых я не просто не откажусь вернуться, но и захочу сам. Соответственно, быстренько состряпала мое участие в четвертом убийстве…

– Пятом. – Перебила Лора.

– Не понял…

– Чего не понял? Пятое убийство. Месяц почти прошел. Была ещё одна жертва сразу после возвращения. Дело у тебя окончательно забрали после этого. Тем более, там следственный комитет теперь носом роет. А чего роют, коли толку все равно не будет. – Слышать от молодой современной девушки говор Натальи Никаноровны было очень странно. Хотелось подойти, тряхнуть ее, чтоб на свет божий вывалилась именно бабка. А то такое ощущение, будто она просто сидит в болонке, как маленькая матрёшка в большой.

– Почему не будет? Аа-а-а-а… черт. Ты знаешь, кто убивает. Так ведь? Что ж я туплю… Конечно, знаешь.

– Так ведь. – Лариса спокойно кивнула, соглашаясь. Она даже не планировала спорить. – Знаю, конечно. Это же для меня старается человек. Ради нашей будущей встречи. Нехай старается. Пока что.

– Да ты… блин. Ты понимаешь, он людей убивает. Женщин. Кромсает их. В смысле нехай старается?

В этот момент я все-таки не выдержал. Переклинило меня. От того, насколько равнодушно она говорила о людях, которые стали жертвой этого психа. Подскочил к Ларисе и забыв, что передо мной, не считая содержимого, по сути, девчонка, раза в два меньше со всех сторон, и в высоту, и в ширину, ухватил ее за ворот футболки, подтянув вверх.

Болонка опустила взгляд на мои пальцы, сжимающие ткань, а потом очень спокойно сказала.

– Руки убрал. Пока они у тебя есть, эти руки. Я ж сломать могу. Убивать не буду, просто сломаю. Будешь ногами жрать. И то не факт. Может их тоже заодно оторву.

Пришлось отпустить. Не по причине страха, а исключительно из-за благоразумия. Не первый раз с ней дело имею. Уже давно пора понять, силой тут ничего не решить. Только если хитростью. На каждую крутую задницу, вполне известно, что всегда найдется. Спокойно, Ваня. Спокойно. Сейчас надо играть по их правилам. Чтоб потом установить свои.

– Ладно. Говори, что хочешь. – Осторожно убрал руки от болонки, попутно поправив ее футболку.

Сел обратно на стул. Внутри была какая-то пустота. С одной стороны, конечно, рад, что Лизонька цела-невредима. Но с другой, выходит, проживет она обычную жизнь и здесь, в моем времени, мы не встретимся. Да и жизнь ли это? Именно для нее, имею ввиду. Можно сколько угодно размышлять, плохо или хорошо, то, что девчонка умеет. Тем не менее, могу представить, насколько ей сейчас тяжело.

– Так знамо дело, Иван. Ситуацию исправить. Ты мне ведьму

испортил, ты и починить должен. – Лариса сразу посветлела лицом и стала очень даже милой.

Ох, как мне это все не нравится. Вот чувствую всеми доступными и не очень местами, опять бабка-демон мутит свои делишки. Она же не умеет по-другому. Вообще.

– Почему ты думаешь, что я не согласился бы помочь без шантажа в виде трупов? Это же Лиза. Уверен, не нужно сильно быть гением, чтоб понимать, ты прекрасно знаешь, как я к ней отношусь.

– Почему… Почему… – Лора задумчиво потерла подбородок, изображая глубокий мыслительный процесс, а потом вдруг хлопнула ладнью по столу, радостно улыбаясь. – Так потому, что ты уже отказал. Просто не помнишь. Я ж, как порядочный человек, попросил. Всё объяснил. Но ты в тот момент, ещё не наигрался в Ромео. Как услышал, что Лизка жива, сразу, значит, успокоился. Сказал, мол, так будет лучше. Путь она проживет нормальную жизнь и благополучно отчалит на небеса. Дословно не повторю, но вроде такого прозвучало. Дюже ты переживал, что из-за тебя Лизка могла погибнуть. Сказал, лучше вам и не встречаться вовсе. Как сложилось, так сложилось, тем более, раз все вернулось на свои места. Во-о-о-о-от… Пришлось действовать иначе. А что делать?

– Ясно… – Я провел ладонью по лицу, словно снимая паутину. Отчего-то было такое ощущение, что невесомая липкая хрень осела на кожу.

Бабка-демон брешет, как пить дать. Не во всем, конечно. Насчёт Лизы – это правда. Но вот с остальным, как всегда, присутствует двойное, а то и тройное дно. Прям покоя ей нет, что девчонка теперь чекистам нужную помощь не окажет. Ага. Непременно. Только о чекистах демон и беспокоится. О чекистах с Советским Союзом на пару. Даже не смешно, ей богу. Это хитрожопое существо обычно за одним поступком скрывает ещё десять, а уж под ними, одно настоящее. И то не факт.

– Ладно. Но у меня есть условие.

– О как… Интересно. Давай. Жги, Иван! – Лариса откровенно насмехалась.

– Имеется несколько вопросов, на которые я требую ответа. – Смотрел на болонку внимательно, серьезно. Не буду поддаваться на ее провокации. Пусть хоть извертиться вся.

– Принцип невмешательства… Помнишь? – Девушка подняла указательный палец вверх.

– Помню. Это чисто любопытство. Почему ты всегда в женском теле, а говоришь о себе в мужском роде? Наталья Никаноровна, Елена Ильинична, теперь вот – она. – Кивнул

на болонку. – Каждый раз выбираешь женщин. В чем смысл? Подумал бы, что и демоны бывают разного пола. Но ты все равно при разговорах о себе используешь именно мужской род. Значит, точно не баба.

– Эм… Неожиданно. – Лариса реально удивилась. Думаю, она ждала от меня каких-то более глобальных вещей. Что-то типа судьбоносных фраз или вопросов. Но никак не любопытство подобного рода. – Ну… хорошо. Я проспорил. Это наши заморочки. Когда решали с Белиалом, кто и как пойдет, я проспорил. Теперь вынужден все время быть женщиной. Его это сильно веселит. Ну, типа, прикол такой, если по вашему. Да и не только его веселит, если честно. Вернусь, ещё долго будут глумиться, сволочи. И представь, в моем случае, «долго» имеет совсем другие масштабы.

– Понял. Второй вопрос. Ты – Бегемот?

– Э-э-э-э… нет! – Болонка вскочила со стула и отошла к двери. – Что за неприличные вопросы? Это, как у женщины за возраст поинтересоваться. Нас не спрашивают об именах. Мы сами скажем, если сочтем нужным.

– Господи…

– Не надо отца приплетать! – Лариса вдруг резко и очень неожиданно успокоилась. Хотя, это надо взять на заметку, последний вопрос ее реально заставил нервничать.

– Просто скажи, да или нет?

– Нет! Я не Бегемот. Гляди-ка. Просвещенный он. Бегемота знает. Все?

– По вопросам, да. А теперь давай договариваться.

– В смысле? Ты же сказал, задашь вопросы и все.

– Что за глупость? Нет, конечно. Сказал, что задам вопросы чисто ради любопытства, но не говорил, будто это и будет ценой за помощь.

В комнате повисла пауза. Болонка смотрела на меня с некой долей удивления. Будто впервые увидела.

– Ох, Иван… А ты и правда поумнел. Повзрослел. Набрался всяких премудростей. – Бабка-демон погрозила пальцем. – Я ведь могу ничего не платить за твою помощь. Оставить с убийствами на шее и все.

– Можешь, но только по-прежнему сидишь на этой кухне, в этом теле и пытаешься договориться. Значит, не только мне это нужно, но и тебе. Даже тебе, наверное, сильнее. Ну, что я? Найдут, осудят, впаяют максимальный срок. Ок. Ну так у меня никого и ничего нет. Ни семьи, ни жены, ни детей. Сяду. И что? Противно, обидно, мерзко, но в принципе, за свою совесть спокоен, знаю, что не убивал. Помру без душевных терзаний.

Зона… Ну, ничего. Отсижу. А вот тебе сильно припекает. Очень сильно. Так что? Договариваемся или как?

– Договариваемся. – Лариса кивнула. При том, что она выглядела спокойной, или очень хорошо делала вид, будто все идёт по плану, тем не менее, я несомненно видел, бабка-демон напряжена. Слишком хорошо уже ее изучил. Интересно девки пляшут…

– Ты спасёшь мне жизнь. Один раз. Как и было. Объясняю, почему вот такое условие. Я знаю, что этот момент произойдет. И мне там не выжить без твоей помощи. А выжить надо. Так что вот моё условие. Я отправляюсь с тобой и помогаю во всем. Ты спасёшь меня в Сирии.

– Договорились. – Лариса шагнула ко мне, протягивая руку, которую я, на секунду засомневавшись, все же в итоге пожал.

Глава 5

– По голове бить не дам. Даже не пытайся. – Сразу предупредил Ларису, помятуя о прошлых ситуациях с перемещением. У них какая-то тяга к членовредительству. Надоело, честно говоря.

– Ой, кому нужна твоя голова. – Она отмахнулась, будто я сказал несусветную глупость. – Это ерунда, баловства ради было. Ничего там ценного, кстати, в ней нет, чтоб сильно волноваться.

– Ну, знаешь, кому как…

Нормально? Балуются они. Мне такое баловство боком выходит. Точнее, не мне, а деду. Кстати…

– Я опять в тело Иваныча? По-другому, никак? Может, там, например, боевой товарищ? Нет?

– Ну, ты глупых то вопросов не задавай. – Болонка положила руку ладонью вниз на стол, а когда убрала, там лежала Звезда Давида. – Конечно. А куда хочешь? Есть конкретные пожелания? В Сталина? В Гитлера?

– Очень смешно. Просто дергаюсь каждый раз, чтоб не навредить Иванычу. – Фокус, конечно, произвел на меня впечатление, но постарался не показать, насколько. Просто она реально появилась из воздуха, Звезда. Рука Ларисы была совершенно пустой до этого. Бабка-демон редко снисходила до того, чтоб демонстрировать какие-то подобные штуки. Как правило это случалось в виде чистой импровизации, в момент, когда она злилась. А тут прямо наглядно и откровенно.

– В этом суть, Иван. В этом суть… – Многозначительно протянула болонка, а потом перевела взгляд на проводник, лежавший на столе. – Бери. Твое. Не стесняйся. На хранении у меня было.

– Ага. Конечно. – Я послушно потянулся за Звездой. У нее, между прочим, имелось лишь пять лучей. Даже интересно, как Лариса собирается привести эту штуковину в рабочее состояние.

– Чего хочешь сейчас? Ну? Так. Откровенно. – Ее взгляд был привычно насмешливым. Каждый раз, когда думаю, что способен перехитрить это существо, тут же возникает ощущение, будто оно надо мной просто глумиться, и там на каждое мое действие имеется несколько вариантов противодействия.

– Хочу, чтоб все быстрее закончилось. Бесконечная какая-то кутерьма. Ушел, пришел, ушел, пришел. И главное, не вижу

финальной цели. При таком раскладе, вы меня можете до конца жизни дергать.

– Можем. – Лариса, соглашаясь, утвердительно кивнула. – И будем, если понадобиться. Видишь ли, Иван, дед твой особый человек. Он, можно сказать, между смертью и жизнью по границе прошел. И там не остался, и сюда вернулся не полностью. Мать – то его сильно просила за младшего. Так просила, что услышали. И ты у нас парень не простой. Отец твой был обычный. Так себе. Ни плохо, ни хорошо. Ни рыба, ни мясо. Одно время и к нему приглядывались. Как все он. Никакого изюму. Но вот ты… Так что, знаешь, не могу обещать, что мы больше не встретимся, когда всё закончится в этот раз.

А вот такая откровенность мне совсем не понравилась. Это что, выходит? Жить, как на вулкане? А вдруг опять заявится парочка мутных личностей и отправит меня хрен его знает, куда? Так ещё это «хрен его знает, куда» обычно имеет множество вариантов итога. Вот оно мне надо? Сейчас бы все завершить и до свидания. Хотелось бы пожить нормально. «Как все, обычно» меня наоборот устраивает.

– Ты, Иван, об этом пока не думай. Не это сейчас важно. Помни про наш уговор. Тебе надо Лизку в норму привести. Понял? И давай без фокусов. Ты правильно размышлял прежде, нет у вас будущего. Так что не́чего себе голову дурью забивать и девку мне портить. У нее своя судьба. Понял?

Лариса вдруг нагнулась вперёд, ухватив своей рукой мою руку. Ту самую, в которой была зажата Звезда Давида.

– Не прощаюсь, встретимся скоро. Ты теперь парень опытный, гораздо быстрее пойдет наше дело.

Пока болонка говорила все это, ее пальцы с каждым словом сильнее сжимались в кулак, автоматически сдавливая мои. Я уже чувствовал, как лучи Звёзды впиваются в кожу. Дёрнулся, пытаясь вырвать конечность. Куда там! Хватка была такая, что не пошевелить рукой вообще. При этом глаза болонки начала затягивать знакомая чернота. Такое ощущение, будто со всех сторон в центр радужки собиралось что-то пугающе темное. Я хотел отвернуться, потому как зрелище, честно говоря, не из приятных, но тоже не смог. В ту же секунду в голове будто что-то щелкнуло, взорвалось. Я моргнул и уставился, от изумления приоткрыв рот на … Тихонова, который сидел напротив меня за столом, застеленным темно-зеленым сукном.

– Ну, не сука тебе… – Вырвалось вслух на эмоциях.

– Сука. – Согласился Никита Пахомович. – Потому и надо к нему подобраться. Это – финальная часть. Самая сложная.

Вообще-то, мое высказывание, конечно, в первую очередь

относилось к бабке-демону. Не знаю, о ком говорил Никита Пахомович. Эта сволочь, Наталья Никаноровна, несколько раз отправляла меня, то туда, то сюда, путем причинения различных травм, а по сути, можно было вот так. Просто вручить Звезду Давида и сверкнуть своими черными зеньками.

– Значит, Иван, как и говорил, дело серьезное. Отправитесь в тыл врага. Ориентировочно высадка на 26 августа. Там вас будут ждать. Партизанское соединение. Место будущей работы – Ровно. Цель, конкретно ваша с Натальей Никаноровной и Елизаветой – прикрывать, оказывать помощь определенному человеку. Встретитесь с ним перед тем, как состоится вылет. Это один из самых опытных, самых надёжных разведчиков. Состоит в 4-м управлении НКВД с января этого года, но готов для предстоящего дела идеально. Ещё до войны много времени провел среди немцев. Ему тогда «слегендировали» профессию инженера-испытателя московского авиационного завода. Чтоб ты понимал, именно при его участии в квартире военно-морского атташе Германии в Москве фрегаттен-капитана Норберта Вильгельма Баумбаха был вскрыт сейф и пересняты секретные документы. Участвовал в перехватах дипломатической почты, когда дипкурьеры останавливались в гостиницах, в частности, в «Метрополе», смог попасть в окружение военного атташе Германии в Москве Эрнста Кёстринга. Это позволило наладить прослушивание квартиры дипломата. Его готовили именно для подобной деятельности, той, которая вам предстоит. В Германии он наблюдал за бытом и нравами, знает все до мельчайших подробностей. Лично общался с высокопоставленными чинами Третьего рейха. Удивительная штука, Иваныч, но он потрясающе сильно похож на истинного арийца. Владеет шестью диалектами немецкого языка. То есть, выясняет, откуда родом его собеседник, и словно по щелчку пальца переключается на нужный диалект. Зимой ему «слегендировали» новую биографию. Теперь это – немецкий офицер, обер-лейтенант Пауль Вильгельм Зиберт. Вам он будет представлен под именем Николая Грачева. Большего сказать не могу. И без того сейчас озвучил секретную информацию, лишь потому, что задание предстоит, мягко говоря, не из простых. При всей его подготовке, есть опасение, что возможен риск провала. Поэтому с ним в качестве страховки, идете вы. Елизавета, конечно, до сих пор в себя не пришла, хотя уж с октября-то минуло почти десять месяцев, но Наталья Никаноровна уверяет, со дня на день станет лучше. Все вернется обратно. Не верить ей нет причин. С первой минуты нашего сотрудничества, не смотря ни на что, княгиня ни разу не подвела.

Особенно после той истории, что приключилась с вами по дороге в Москву из Калинина.

Я моментально напрягся. Вот эта дорога из Калинина в Москву интересовала меня в подробностях. А в частности, как Лиза оказалась жива. То, что бабка-демон приложила руку, это даже без сомнений. Но как именно, хотелось бы знать. А в лоб и не спросишь.

Я опустил взгляд, бегло осматривая себя. На мне была форма, но обычная. Имею в виду, летний вариант. За окном – вполне себе зелёные деревья. Учитывая обозначенную Тихоновым дату и озвученный срок, прошедший с момента той ситуации в деревенском дворе, сейчас, скорее всего, август 1942 года.

Я незаметно огляделся. Повернул голову сначала в одну сторону, потом в другую. Будто шея затекла. Сидим в книжном хранилище. Лубянка.

Из-за книжных полок послышался звук шагов. Как в песне. Я узнаю ее из тысячи. Что-то типа того. Наталья Никаноровна ещё не показалась на глаза, а я уже знал, это идёт она.

– О-о-о-о-о, Иваныч. Здравствуй. Давно вернулся? Никита Пахомович так и не рассказал нам, куда тебя отправил на два месяца. – Бабка-демон в своем знакомом, привычном виде, это несомненно, смотрелась очень органично.

И костюмы ее эти, и жабо, и шляпка с ридикюлем. Может, конечно, я просто привык считать именно такое лицо настоящим, но оно ей однозначно шло больше прочих.

– Сегодня он вернулся, Никаноровна. – Ответил за меня майор. – А все говорить вслух, необязательно. Ты, мне кажется, и без того знаешь больше положенного. Лучше скажи, как там Елизавета? Нужна она сильно. Сама понимаешь.

Меня немного удивило то, каким тоном Тихонов говорил с бабулей. В голосе майора больше не было строгости или металла, как раньше. Они будто стали… черт… ну, да. Они будто стали хорошими знакомыми. Назвать друзьями все же не могу.

– Нормально Елизавета. Говорю тебе, товарищ майор, все будет хорошо. Девочка приходит в норму. Сразу предупреждала, без последствий все, что случилось, не останется.

При этом Наталья Никаноровна мимоходом, но так выразительно на меня посмотрела, что я без сомнений понял, вот это «приходит в норму» относится к моему договору с ней. То есть, она обещает Тихонову, что все наладиться, лишь отталкиваясь от моего присутствия. Это, конечно, круто, но, как всегда, в открытую играть бабуля не может. Прежде, чем сжала мою руку, когда мы сидели за столом, конечно же, ни слова

не было сказано о том, как конкретно я могу помочь Лизе. А теперь и спрашивать бесполезно. Будет опять рассказывать о невмешательстве и о том, что в будущем говорить о прошлом можно, а тут хрен тебе, а не подсказки, Иван.

– Присоединяйся. Обсуждаем с Иванычем предстоящее дело. – Майор указал бабке-демону на один из диванов. Я же сидел на стуле, как раз напротив самого Тихонова.

– Ты за гауляйтера? – Небрежно поинтересовалась Наталья Никаноровна, устраиваясь поудобнее.

Тихонов еле заметно поморщился.

– Наталья… не привыкну никак к твоим фокусам. Решение принято только сегодня днём, а ты уже в курсе.

Я вопросительно посмотрел на майора. Что за невиданная хрень? Слово немецкое, но означать может, что угодно. Однако, тот пока пояснять не спешил. Более того, вообще сослался на срочные дела и вышел из хранилища, пообещав скоро вернуться.

– Слушайте, тут буду все же на «Вы». Странно, если пацан начнет «тыкать» пожилой женщине. Меня… блин… то есть деда два месяца не было? – Реально начинаю путать себя и Иваныча. Этак скоро начну его жизнь своей реальностью считать. Опасно.

– Угу. – Наталья Никаноровна откинулась на спинку дивана, вытянув ноги, и прикрыла веки. – Тяжело после молодого тела эту рухлядь носить…

– Могу посочувствовать, но сразу говорю, это будет неискренне.

– Даром мне твое сочувствие не нужно, – Бабка-демон махнула рукой. – Да. Тихонов тебя отправлял в специальный лагерь. Профессиональная подготовка, так сказать. Ничего нового. Для тебя. Для Иваныча, да, было полезно.

В этот момент вдалеке хлопнула входная дверь. Сначала думал, майор так быстро вернулся. Но звук шагов однозначно казался более лёгким. Когда Лиза вышла из-за стеллажа, внутри как-то сначала все замерло, а потом появилось ощущение радости. Может, даже, счастья. Не знаю. Мне не с чем сравнивать. Я улыбнулся, искренне, от души, вскочил со стула и в два шага оказался рядом.

– Здравствуй. – Взгляд блондинки был холодным настолько, что можно замораживать лед.

Я вроде протянул руку, планируя ее обнять. Не совсем уж охаляпить, но всё-таки как-то проявить те эмоции, которые девчонка вызвала своим появлением. Однако подобная встреча мало располагала к душевности. Вообще не понял, в чем прикол? Она злиться почти год? А Лизонька однозначно злилась. Не надо

обладать даром чтения мыслей, чтоб это понять. У нее на лице было написано огромными буквами, а не пошел бы ты, Иван, на хрен. Уж эти сигналы я прекрасно вижу. Да и сложно не увидеть, если интересующая меня особа смотрит свысока, разговаривает через губу.

И что я сделал не так, интересно?

– Видишь, Лизка, Иван вернулся. – Наталья Никаноровна приоткрыла один глаз, все так же полулежа на диване.

– Вижу. Не знала, что ты здесь.

Последняя фраза явно предназначалась мне. Так. Ладно. Очевидно, я в «черном списке». Осталось выяснить, с какого перепуга. Может, винит меня во всем? По крайней мере, это единственная причина, которая хоть как-то может объяснить ее поведение.

– Буду ждать тебя дома.

А вот это уже было сказано Наталье Никаноровне. Потом девчонка развернулась и просто ушла. Ни тебе до свидания, ни вообще каких-то других слов. Молча.

– И что это было? – Я развел руками, потому что, между прочим, было даже немного обидно. Я, конечно, к бабской дури привычный, но от Лизоньки не ожидал. В свете последних событий, которые мы пережили, она казалась мне другой.

– Как тяжело то… – Наталья Никаноровнам приняла сидячее положение, а потом посмотрела на меня так, будто это я идиот. – Иван, ну ты голову то включи! Все, что между вами происходит, это происходит между вами! Только в те моменты, когда ты здесь. А потом возвращается Иваныч, и он этого не помнит. Для него Лизка – реально сослуживец. И вот представь состояние девки. То мужик ее в койку тащит. То бегает, как от прокаженной. Это же все было с тобой, а не с твоим дедом. Он как в себя придет, ни черта не понимает, с какого перепугу Лизка ему глазки строит. И старается ее избегать. А девку тоже пойми. Для Лизки все это выглядит так, будто Иваныч издевается. Вот и не хочет больше никаких надежд питать. Ясно?

Вот это, оказывается, номер выходит… Слова бабки – демона упорно не хотели исчезать из моей головы. Просто, даже в мыслях не было никогда, что на происходящие между мной и девчонкой события нужно смотреть отталкиваясь от того, кто в этот момент является Иванычем. Но по сути, все очевидно. Действительно, дед никак не может помнить того, что делал его внук. Скорее всего, каждый раз, когда его сознание возвращается, он, обнаружив провалы и темные пятна в своих буднях, банально ссылается на какие-то естественные для этого причины.

А я, главное, периодически загоняюсь, как мы с дедом

ухитрились в одну женщину влюбиться, моральные терзания испытываю, размышляю об этичности данной ситуации, а Иваныч вообще не при делах. Так получается? С одной стороны все слишком сложно, а с другой – честно говоря, стало значительно легче от полученной информации.

Ешкин же ты кот… Представляю, что думает обо мне Лизонька. Псих, не иначе. Или просто мудак. По факту переспал с ней, а потом начал делать вид, будто ничего не произошло без каких-либо объяснений. Не то, чтоб я всегда отличался исключительной порядочностью, всяко бывало. Но с женщинами предпочитал говорить в открытую. Даже если это были случайные, короткие связи, обозначал сразу. От ответственности точно никогда не бегал. Люди взрослые, что тут из себя изображать. Особенно неприятно, что все это происходило после того, как девчонка, пусть даже по заверению Натальи Никаноровны, очень ни к месту, решила спасти мою жизнь.

– Иваныч! О чем думаешь? Слушай внимательно. – Тихонов, вернувшийся почти сразу после ухода Лизоньки, из-за чего разговор с бабулей, как уже водится, прервался на самом интересном месте, зыркнул на меня недовольным взглядом. Майор даже нахмурился, сурово сведя брови.

Он сидел на привычном месте, за столом, мы с Натальей Никаноровной, напротив. Это было что-то наподобие военного совета и планирования предстоящего задания.

– Тут я, Никита Пахомович. Тут. – Вынырнул из своих размышлений о девчонке. Майор прав. Об этом подумаю потом. Сейчас необходимо сосредоточиться на деле.

– Ну-ну… Так вот… Работаете по линии «Т». Террор. Ясно? Беспощадное уничтожение врага, а не только разведданные. В первую очередь, нас интересует рейхскомиссар Эрих Кох. Город Ро́вно сейчас – столица рейхскомиссариата по его решению. Там находятся основные учреждения оккупационной администрации, тыловые части, управление экономикой округа, судебные учреждения и резиденция самого Коха. Главная цель – его ликвидация. Отряд «Победитель» под командованием Медведева ждет вас на месте. Они десантированы на житомирщине ещё в июне, почти два месяца назад. Это группа Судоплатова. Там отлично подготовленные люди. Триста километров они прошли незамеченные пешком. Сейчас, ведут свою деятельность в ровненских лесах.

– Вот тот, кто нас интересует. – Тихонов положил передо мной и Натальей Никаноровной черно – белое фото.

Мужик, изображённый на снимке, сильно напоминал Гитлера, только лицо значительно покруглее. Возможно, из-за

таких же маленьких усиков, как и у фюрера, возникало ощущение схожести с руководителем Третьего рейха.

Бабка-демон потянулась к столу, взяла изображение в руки, глядя на него с интересом. Повертела, рассматривая, а потом вернула обратно.

– М-м-м-м-м… Какой сложный мальчик… Много комплексов. Особенно по поводу внешности. Поэтому усы себе прицепил, как у Адольфа. Пытается соответствовать образу. Жесток, собака, без меры. Неоправданно. Ну, ты знаешь, Никита Пахомович… не хочу расстраивать, однако, умрет он своей смертью.

Майор недовольно прищелкнул языком, выражая сожаление. Информация, озвученная Натальей Никаноровной его явно озадачила и дале расстроила.

– Уверена? – Он внимательно посмотрел на бабку-демона, ожидая ответа. Надо же. Настолько стал доверять товарищ майор государственной безопасности бывшей светлейшей княгине?

– Ни в чем нельзя быть уверенным. Никогда. Сколько раз говорить. Я тебе не гадалка из цыганского табора. Будущее переменчиво. У каждого своя дорога. Если в какой-то точке человек в малейшем, крохотном вопросе или сомнении поступит не как обычно, не соответственно своему характеру, своей натуре и своим привычкам, многое сразу может измениться. Сейчас говорю тебе так. Именно сейчас. В данную минуту. Но это не значит, будто нужно однозначно отталкиваться от того, что я вижу. Надо пробовать.

– Я понял… – Майор снял фуражку и провел рукой по волосам, приглаживая их. Он практически незаметно, отлично данный факт скрывая, тем не менее, слегка нервничал. – Хорошо. Продолжим. Вы будете заброшены в сарненские леса под Ровно. В отряде вас будут знать, как «Княгиня», «Ведьма» и «Студент». Подробности и детали своих легенд получите в самолёте. Вам некоторое время придется провести в партизанском соединении, чтоб подготовиться вполне хватит. Позывной Грачева – «Колонист». Он – руководитель группы.

– Ох, Никита Пахомович, что ж такая скромная, модно сказать, скудная фантазия у чекистов. – Усмехнулась бабуля. – Княгиня и Ведьма… Можно не пояснять. Вполне понятно, кто из нас троих кто. Когда вылет?

– Сегодня ночью. – Тихонов снова вернул головной убор на место, а потом встал из-за стола и прошел к полкам. Ему явно было тяжело нам говорить то, что он планировал сказать, поэтому майор не поворачивался лицом и в глаза не смотрел, ни мне, ни бабуле. – Не буду скрывать, обратно вы, скорее всего, не сможете вернуться, пока части нашей армии не войдут

на территорию Ровно. Пока не точно, однако, думаю, так и будет. Не могу признать, будто данная перспективе сильно мне нравится. А точнее, не нравится вообще. Но… Здесь нет места личным амбициям, эмоциям и чему-то ещё. Сведения, находящиеся сейчас в Ровно, поступающие туда с периодичностью, те люди, которых мы должны уничтожить, гораздо важнее, чем мои мысли по поводу вашего участия. Не думал, что у нас сложится настолько отличная группа. Говорю честно. Когда было принято решение о создании 13-го отдела, сильно сомневался. Однако… Вот как оно все вышло. Мы уже не встретимся до вашего вылета. Просто хочу, чтоб вы знали, я рад был работать с вами.

– Да ты нас раньше времени то не хорони, Никита Пахомович. – Наталья Никаноровна подмигнула мне, кивнув в сторону Тихонова, который в этот момент стоял полубоком, разглядывая корешки книг, а соответственно, жеста бабули – демона не заметил. Судя по всему, эта язвительная особа намекала на трогательность момента.

– Ни в коем разе! – Майор все же повернулся лицом, прошел к столу и снова уселся на место. – Это так, на всякий случай. Задачи, который вы будете получать в Ровно слишком важны. Все. Отправляйтесь домой. Вечером Грачев будет у вас. Потом – вылет.

Мы с Натальей Никаноровной молча поднялись на ноги и послушно двинулись к выходу. Но в последнюю секунду я все же остановился, вернулся к Тихонову, и пожал молча майору руку. Потом уже вышел вслед за бабулей.

Как ни странно, когда догнал ее, она даже не стала глумиться или комментировать все это, хотя подобная реакция, как и поведение, были более уместны для ее мерзкого характера.

– Вы странно покладисты, Наталья Никаноровна. – Подстроится под мелкий старушечий шаг, пытаясь идти вровень.

– Настроение такое Иван. Я – женщина пожилая. Сильно подвержена его перепадам. – Ответила бабуля совершенно серьезно. Ее, как и Тихонова что-то беспокоило. Видео это наверняка.

Мы покинули здание Лубянки, оказавшись на улице. Бабка-демон махнула рукой, задавая мне направление, куда нам предстояло пойти.

– Двигаем туда. Времени не сильно много, если честно. Заскочим в одно место. Его обязательно надо посетить.

Я не стал уточнять, куда именно, потому как, знаю Наталью Никаноровну уже неплохо. Насколько это, конечно, применимо в данном случае по отношению к данному существу. Если бы она хотела мне сообщить конкретный адрес, то сделала бы это

изначально. Раз молчит, соответственно, что-то затевает.

– Скажите, по поводу Лизы. Понимаю, любой вопрос с моей стороны вызовет стандартный ответ. Мол, нельзя вмешиваться. Но всё-таки, один маленький нюанс. Это касается только нас? Посторонние предметы, люди, события, имеют отношение?

– Ох, Иван… – Наталья Никаноровнам посмотрела на меня снизу вверх. То ли Иваныч стал чуть выше, то ли она, как все пожилые люди, а законы физиологии никто не отменял для данного тела, не смотря на его содержимое, начала расти вниз. – Знаешь, по началу с тобой проще было. Тупил много, но зато и вопросов задавал мало. А ещё меньше пытался играть во взрослые игры. Но ты знаешь, отвечу, пожалуй. Да, это касается вас двоих.

Мы свернули с главной улицы в какие-то дворы, прошли их насквозь и снова оказались у проезжей части. Москва, конечно, больше не выглядела, как тот город, который я застал в октябре 1941. Больше не было страха, не чувствовалась паника. Люди, которых, все равно встречалось нам предостаточно, словно ощутили уверенность в том, что враг все равно рано или поздно будет разбит.

– Ладно. А чисто любопытства ради. Что с Мацкевичем и Мартой? Реально интересно. Вы говорили, у Генриха была важная роль, но по сути, так понимаю, он ее уже выполнил. Не помер ещё?

– Иван… – Многозначительно протянула бабка-демон.

– Да все, все… Отстал.

В этот момент Наталья Никаноровна свернула в очередной раз и остановилась. Я, естественно, тоже.

Перед нами была церковь. Серьезно. С удивлением посмотрел на бабулю, которая замерла напротив, рассматривая место, где ей быть, как бы, не положено.

– Вы хотите попасть в храм? Я не сошел с ума?

Видимо в моем голосе было слишком много недопонимания ситуации. Ну, а как иначе. Вообще-то Наталья Никаноровна – демон. Я все понимаю, но тем не менее, во всех ужастиках, где фигурировали одержимые или что-то подобное, во всех мистических историях с участием потусторонних существ, эти самые существа никак не могли войти в то здание, которое вроде считается домом силы, им противоположной.

– Мне оно даром не надо. Но когда понадобиться, то запросто. Если ты об этом. Вся вот эта ересь, в которой, переступи я порог, меня охватит огонь, пронзит свет, разорвет на части благодать – чистой воды ересь и есть. А вот ты иди. Тебя ждут. Причем, уже давно.

Глава 6

– Иван! Вернулся.

Я остановился у входа, едва переступив порог, потому что во-первых, отродясь по церквям не ходил, как себя правильно вести, понятия не имел. Во-вторых, не вкурил, кого именно ждать, и о ком говорила бабка-демон.

К счастью, сразу же увидел знакомое лицо. Навстречу мне шел отец Алексей, в рясе, с крестом, тем самым, кстати, деревянным, на груди. Широко раскинув руки, он приблизился и обнял. Мужик, между прочим, заметно поправился, посвежел. И теперь, когда его лицо не напоминало одно сплошное месиво, реально было видно, что с дедом они сильно похожи.

Наверное, я даже был рад его видеть. В ответ тоже обнял, похлопывая по спине.

– Ну, как оно? Наталья Никаноровна сказала, тебя отправляли в какой-то специальный закрытый военный лагерь для углубленной подготовки. Подробностей не стал добиваться, понимаю, информация секретная. Идём на улицу, там поговорим.

Брат Иваныча слегка прихватил меня за плечо, направляя обратно к выходу.

Мы спустились по ступеням. Бабули видно не было. Уже успела куда-то смыться. Я повертел головой, но так нигде не и не заметил.

Прошлись с Алексеем вокруг церкви, потом немного посидели на лавочке, которая находилась за храмом. Он откровенно был рад видеть брата. То и дело, трогал меня за плечо, улыбался, смотрел так, как могут смотреть только люди, искренне тебя любящие. Семья.

Я косился на крест, но спросить в лоб, конечно, не мог. Раз он у священника, значит, по идее, это было желание и решение Иваныча. Странно, спустя столько времени, поинтересоваться, с чего это я эту вещь решил оставить у брата.

Ещё, каждый раз, когда мы смотрели друг на друга, мне становилось не по себе от того, что я словно наблюдал перед собой значительно помолодевшего, по сравнению с моими реальными воспоминаниями, Иваныча.

Я же не изучал себя ежедневно в зеркале здесь, в прошлом, соответственно сильно на эту тему как-то не парился. Теперь, когда напротив сидела точная дедовская копия, мне было ужасно тоскливо от того, что самого́ Иваныча я больше не увижу никогда.

Вообще. Никогда. Но главное, никогда ничего не смогу ему сказать. Конечно, имея такую возможность, я бы не стал уж совсем иначе себя вести. Ну, имею в виду, там всякие трогательные моменты, громкие слова и так далее. Нет. Думаю, такого внезапного потока любви со стороны внука дед бы тоже не понял. Но вот простые, элементарные вещи теперь бы выглядели по-другому.

В общем, почти час мы говорили с отцом Алексеем обо всем и ни о чем. Он рассказал, вкратце, как у него дела, правда, начиная с периода двухмесячной давности. С того дня, когда Иваныча отправили на какое-то углубленное обучение. То, что было до этого, теоретически, я должен знать. Но главный итог рассказа моего дядьки – все у него отлично.

Спустя час он извинился, сказал, что надо идти по рабочим делам, и мы, обнявшись, распрощались. Я остался сидеть на лавочке, задумчиво глядя вдаль. На душе было непривычно тепло и хорошо. Как ни крути, он мой кровный родственник. Единственный вопрос, почему в обычной жизни я о нем не знал. Причина в том, что до моего вмешательства немцы отца Алексея все же убили? С Иванычем они так и не встретились?

– Ох и рожа у тебя. Как у обожравшегося сметаной кота. – Голос раздался настолько неожиданно близко, что я вздрогнул.

Бабка-демон, будто возникла из воздуха и теперь сидела рядом, точно так же, разглядывая горизонт.

– Как же задолбали ваши эти штучки, дорогая Наталья Никаноровна…

– Привыкнуть уж пора. – Она выглядела очень задумчивой, в отличие от того, что более свойственная ей манера общения – сцеживать яд литрами. Вообще, в этот раз бабуля была какая-то на себя сильно не похожая. Она словно постоянно о чем-то размышляла. И это, честно говоря, пугало больше, чем ее довольные улыбочки и бодрый вид. Демон, который напряжённо гоняет мысли в голове, ничего хорошего не может предвещать.

– Слушайте… Зачем мы это делаем? Вернее, зачем Вы это делаете? – Я снова задал сильнее всего интересующий меня вопрос. Да, статьи в интернете давали понимание, что у нее просто могут быть связаны руки более серьезным оппонентом. Но все же.

– Что, «это»? – Бабка-демон покосилась на меня, но головы не повернула.

– Ну, вот это все. В тот раз разведданные. В этот – ликвидация Коха. Я, конечно, не особо профи в данной теме но о нем достаточно слышал. Ещё по урокам истории. Вот снова интересная штука выходит. Он – маньяк и садист, считающий

всех кроме немцев, расхожим материалом. По идее – ваш клиент. Руки по локоть в крови будут очень скоро. А вы подписываетесь на его ликвидацию.

– Эх, Иван, Иван…Сколько раз говорить, очень вы, людишки все однобоко судите. Вот прям медом не корми, но дай вам ярлыки развешивать. Этот – злодей. Тот – убийца. А вон третий – хороший человек. У всего, Ваня, есть цена. У всего. Только масштабы разные. Все не так, как кажется. Правда? – Она, наконец, посмотрела прямо на меня, с насмешкой во взгляде.

Конечно, от того, что слова, сказанные когда-то Иванычем, прозвучали из ее уст, немного поддернуло. Но виду не стал показывать. Продолжил непосредственно по теме.

– Да в смысле? Белое, это белое все равно. Чёрное, это чёрное. Не могу я понять, как можно не просто оказаться серым, а вообще метаться из одного цвета в другой.

– Не можешь, потому что неверно смотришь. И судишь. А уж тем более, когда это касается не твоей, на хрен никому не нужной человеческой жизни, а реально больших, очень больших ставок. Вот давай так… Эх… Какой же пример тебе привести… Ладно. Давай что-то из более современного. Для тебя понятного. Про «Курск» слышал же, однозначно? Не мог не слышать, не смотря на возраст.

– Вы про атомную подводную лодку? Которая затонула? Конечно, слышал. Хоть и подросток был, но знаю. Это же случай – один из самых трагичных и громких. Если не ошибаюсь, самый громкий в истории флота.

– Ну, вот ответь мне, отчего произошла такая оказия? Почему потонула ваша лодка? Давай.

– Черт…

Я принялся вспоминать, все что знал об этой действительно трагичной истории. 12 августа 2000 года атомная подлодка затонула в Баренцевом море. Выжить никому не удалось, все члены экипажа погибли. Там была какая-то неоднозначная история с их спасением, но по общепринятой, официальной версии, произошла утечка пероксида водорода, торпедный аппарат пытались продуть необезжиренным сжатым воздухом, мол так они проводили плановые профилактические мероприятия, в результате чего произошли воспламенение и детонация боевой части торпеды. Погиб весь экипаж первого отсека, начался неконтролируемый пожар, который привёл к взрыву оставшихся торпед и уничтожению лодки.

– Вспомнил, вижу. – Довольно кивнула бабуля. – В том числе и официальную версию. Так? Ту, что признали после расследования верной.

– Так. Не пойму, при чем тут это? Связь какая с темой нашего разговора? Речь шла о том, что правда она одна. Одна. И если ты белый, то будь добр ее и придерживайся. Вот это, и «нашим», и «вашим» тур не канает.

– Погоди. Давай по порядку. А вот теперь смотри, Иван. Официально лодку обнаружили 13 августа, и было сказано, будто она затонула на глубине 108 метров с большим креном на правый борт. На самом деле визуально «Курск» был обнаружен днём того же дня, это уж известно теперь наверняка, когда произошла авария. Да и лежала лодка на дне без ощутимого крена, как рассказывали впоследствии иностранные спасатели, которых «подтянули» вообще не сразу. Хотя должны были. Вот тебе – первый момент возможного вранья. Идём дальше. Возникает вопрос: а что, собственно, делал мощнейший атомоход, на глубине 108 метров, которая не является для него рабочей? И не надо так косится, я не из каменного века. Знаю, конечно все современные ваши примочки, в том числе про всякие прогрессы. Так вот смотри. Если ты, Ваня, к примеру, поставишь «Курск» на месте аварии стоймя, то он на целых 48 метров покажется над водой. Но и это далеко не самый острый вопрос. Странно, например, то, что входивший в эту вашу Книгу рекордов Гиннесса, как образец живучести, «Курск» потерял управление и погиб из-за взрыва одной-единственной устаревшей торпеды. Ещё более странно, что американцы, отирающиеся рядом, зафиксировали только два взрыва: один чуть слабее, второй мощнее раз в пять – шесть. Ни в результате сравнительно слабого пожара, ни при ударе о грунт все оставшиеся торпеды не могли детонировать одновременно. Ты же военный, понимаешь. Представь себе, как детонируют заряды, стоящие друг за другом. Ну уж точно не в одну секунду коллективно. Верно? В любом случае, непременно зафиксировали бы серию взрывов, а не один. И последнее, по официальной версии, никто из экипажа «Курска» не имел опыта стрельбы «Китами». Теми самыми ракетами, одна из которых взорвалась. Если помнишь, утверждали, что именно этот факт и стал причиной беды. Экипаж подлодки пользовался неправильной инструкцией по профилактике и подготовке к стрельбе «Китов». Но кто же затеял стрельбы торпедами «не той системы»? Это ведь не охотничье ружье, которое висит на стене и очень редко используется по назначению. Да и так, если что. Учения, Иван, подразумевают, что все их участники находятся в боевой готовности. Опять же, не мне тебе это рассказывать. В боевой! То есть именно той самой, которая должна быть при столкновении с врагом.

А теперь идём ещё дальше. Злосчастные манёвры с самого

начала привлекли повышенное внимание некоей известной в вашем, современном, имею в виду, мире организации, которая любит совать свой нос в чужие дела. В районе учений были зафиксированы две американские субмарины – «Мемфис» и «Толедо», норвежское судно-шпион «Марьята» и пять самолётов-шпионов США. Американцы явно интересовались испытаниями нового вооружения. А вот теперь давай по минутам.

– В смысле? Вы знаете наизусть? – Я уставился на бабку-демона, которая сейчас сильно, кстати, напоминала мне учительницу истории, очень, между прочим, строгую тётку, которую в школе побаивались дале рьяные двоечники.

– Иван… – Наталья Никаноровна покачала головой, а потом постучала указательным пальцем себе по лбу. – Тут, информация о том, что произошло за последние десятки тысяч веков. Многое вообще происходило в моем личном присутсвии. Итак, в 08:51 командир «Курска» сообщил флагману эскадры, что погружается на перископную глубину и прекратил связь. В 11:28 они были готовы к торпедной атаке. Именно тогда и произошёл взрыв в первом отсеке. В такой ситуации командир корабля, ты не подводник, не знаешь, но я тебе расскажу, должен был продуть главный балласт и заглушить двигатели. В этом случае лодка была бы вытолкнута на поверхность. Но «Курск» вместо этого дал полный ход. Так поступают, пытаясь уйти от торпедной атаки. Тут же последовал второй взрыв, гораздо мощнее первого, который, вероятно, и разворотил носовую часть судна. После этого «Курск» стремительно погрузился, пропахав по дну полосу, которую потом отчётливо наблюдали водолазы. Дальше начинается очередной пласт загадок. Российские военные заявили, что поиски подлодки заняли более 30 часов, хотя и район действий был хорошо известен заранее, и сильного волнения на море не было. Однако, и поверь мне, это факт, на месте гибели «Курска» уже в полдень 13 августа были сброшены глубинные бомбы, а ещё утром 12-го в небо подняты две эскадрильи противолодочных самолётов с ядерным оружием на борту. Первое обстоятельство российская сторона объяснила попыткой призвать субмарину к всплытию. Второе – вообще никак.

Вот тут вырисовывается ещё одна версия. О том, что кое-кто из сторонних наблюдателей, проявивших любопытство, тех, кого не приглашали, совершил таран. Не утверждаю, что специально. Все же, не дебилы. Изначально это вышло случайно. Слишком близко подошли и не увидели. Например. И ещё, чтоб ты понимал, некоторые ти́пы американских лодок разработаны с расчётом на то, что даже после такого рода тарана экипаж

в состоянии бороться за живучесть судна. Хотя, естественно, разница в габаритах столкнувшихся субмарин огромна. «Курск» получил повреждения, а вот «Толедо», возьмём именно эту, пришлось буквально отползать с места аварии. В такой ситуации командир второй американской подлодки должен был прикрыть отход товарищей, ведь российские моряки могли посчитать таран умышленным. В подтверждение этого предположения говорит такой факт, что в руках одного из офицеров «Курска» был обнаружен ключ от сейфа с кодами, позволяющими запустить ракеты «Гранит». Тут-то и произошёл первый взрыв. Возможно, американцев напугал звук открываемого торпедного аппарата, может быть, сдали нервы. Они явно имели все основания опасаться выстрела «Шквалом», от которого уклониться невозможно.

И вот если допустить, что с перепугу вторая лотка, ударила уже целенаправленно оружием туда, откуда исходила по из мнению опасность, тогда, да. В торпедном отсеке «Курска» наверняка начался бы сильный пожар. Он-то и мог привести к одновременной детонации боезапаса в том числе торпед «Шквал», обладающих огромной разрушительной мощью. Носовая часть «Курска» была практически уничтожена, а лодка врезалась в дно. Скорее всего, взрывной волной был повреждён и «Мемфис», если рассматривать именно эту версию.

Российские военные, разумеется, пробовали обнаружить американские субмарины. Это подтверждает тот факт, что 12 августа противолодочные самолёты Северного флота неоднократно проходили вдоль норвежского побережья, а российское командование якобы сообщило, что ищет повреждённую лодку, принадлежащую предположительно США. «Мемфис» вскоре действительно был найден в доке норвежского Бергена. А ушедшая незамеченной «Толедо» встала на ремонт тотчас после того, как добралась до Америки.

Понимаешь, о чем я, Иван? Как думаешь, какая из версий, более правдоподобна. Официальная или та, которую мы сейчас обсуждаем?

– Черт… – Я немного завис от размышлений и выкладок Натальи Никаноровны, но как ни крути, они реально выглядели очень правильными, логичными. Тогда я был подросток и кроме большой общественной волны, поднявшейся вокруг этого случая, особо ничего другого не понимал. Да и до этого разговора тоже. Официальная же версия есть. Она, вроде бы соответствует реальности и возможным обстоятельствам. Это был 2000 год. Армия разваливалась по частям, и уж тем более, хреновым было положение на флоте. Те вливания, которые требуются, например,

на постройку одного корабля, практически равны стоимости космической ракеты. Естественно, все приняли озвученный специальной комиссией вывод. В то время и ракета могла быть «не та», и командование было «не то». К власти только что пришел другой человек, сменив вечно пьяного клоуна. Вообще даже странно, что ещё какие-то корабли и лодки оставались, а не были проданы на металлолом или пропиты с зарубежными партнёрами. Но теперь, слова бабки – демона выглядели более, чем правдоподобно.

– Во-о-о-о-от. Видишь. И что, какого цвета вся эта история тогда? А? Надо было сказать правду? Официально допустить появления информации о внешней причине трагедии?

– Это же привело бы к третьей мировой… – Я внимательно посмотрел на бабулю.

– Да. Верно мыслишь. А была ли тогда, в то время твоя страна готова к этой войне?

– Смеётесь? Нас бы в тот момент просто раскатали. Чечня висела. Армия вся разворована прошлыми верхами. Солдаты на «честном слове» держались. Толковых военных – единицы.

– Во-о-о-о-от. – Повторила Наталья Никаноровна. – Видишь. И что было бы от этой правды. А? Иван? А случись это в твоей современности, в том году, где мы встретились? Нужно было бы правду сказать?

– Конечно да! Уж в этот раз им бы однозначно ответка прилетела.

– Тоже верно. Может, тогда вспомнишь, что более всего в этой истории возмущало вас? Простых людей. А? Нет. Вряд ли. Фраза одного человека, того, который, как бы, главный. Его спросили, что случилось с лодкой, а он ответил «она – утонула». Ни сочувствия, ни нервов, ничего. Да? И все его в тот момент прям ненавидели. Вот ведь злодей. Ага. Так ненавидели, что сильно ни во что другое не вникали. Понимаешь? Иногда Иван, один человек отвлекает внимание на себя, чтоб не заметили лишнего и не стало ещё хуже. Это тебе про белое и чёрное. И про правду, которую, как ты утверждаешь, непременно надо говорить. Все. Хватит бесед.

Наталья Никаноровна вдруг в момент изменилась, превратившись опять в ехидно улыбающуюся старуху.

– Иди к нам, Иван. Лизка дома. Поговорить вам надо, а я еще посижу. За птичками понаблюдаю. До утра меня не будет. Понял? В этот раз даже я не знаю, чем все закончится.

Я вскочил на ноги, прекрасно догадываясь, на что намекает бабка-демон. Но уходя, все же, обернулся, чтоб спросить.

– Эта история… О которой мы сейчас говорили. Вы же знаете

настоящий ответ на вопрос: что там произошло?

– Не понимаю тебя, Иван. – Наталья Никаноровна насмешливо улыбнулась. – Старая я. Провалы в памяти.

Глава 7

Поговорить с Лизонькой надо, это факт. Тут бабка-демон права. Пока шел к их дому, прокручивал в голове, что сказать. Варианты были разные. Начиная от «Лиза, я из будущего», заканчивая «Хватит ерундой страдать, гоу в койку. Соскучился». Оба, конечно, не подходили вообще. Варианты, имею ввиду. Про будущее говорить нельзя, про койку можно, но боюсь, схлопочу по морде. Блондиночка – девка с характером. Вожжа под хвост попадет, до утра будем скандалить. Страстное выяснение отношений – это, конечно, тема прикольная, но не тогда, когда ты понятия не имеешь, сколько у тебя времени в запасе, чтоб быть рядом с человеком.

В итоге, не придумав подходящей ситуации и обстоятельствам речи, решил импровизировать.

Оказавшись у нужного дома, скользнул в подъезд, стараясь сделать это тихо. Есть шанс, что увидев меня раньше времени, Лиза закроется и будет стойко держать оборону. Она может. Ума-то иногда у нее меньше, чем дури.

Дверь квартиры, как обычно, оказалась не заперта. Я шагнул в знакомый коридор. Девчонки не было видно, пока что, это – плюс. Прошел вдоль комнат. Пусто.

Во как. И где же ее носит, интересно… Внезапно спиной ощутил постороннее присутствие. Не оборачиваясь, не выдавая своей осведомленности, знал, кто-то очень тихо подходит сзади. Ни звука, ни шороха. Но я точно был уверен, что абсолютно прав. Это – старая, годами выработанная привычка, чувствовать чужого, который находится вне поля зрения.

В этот момент я как раз наполовину нырнул в одну из спален, приоткрыв дверь. Как ни в чем ни бывало, словно не догадывался о постороннем человеке, подался спиной обратно, а потом, резко обернувшись, поймал занесенную с кирпичом руку.

– Издеваешься? – Я смотрел в голубые глаза Лизоньки, которая оказалась настолько близко, что видел свое отражение в них. – Ты зачем собралась меня бить по голове? Это реально у вас семейное?

– Кто ты такой? – Девчонка дёргала руку и тщетно пыталась вытащить конечность, которую я, в свою очередь, совершенно не планировал отпускать. Ну, ее к черту. Судя по взгляду, как только появится возможность, сто процентов усандалит меня по темечку. Вижу по ее настрою.

– Глупый вопрос. Не узнаешь, что ли?

– Нет. Внешне ты выглядишь, как Иваныч, но ты не он. – Блондиночка прищурилась, рассматривая меня так цепко и внимательно, словно пыталась найти различия.

– О-о-о-о-о… милая, не хочу тебя расстраивать, но у тебя явно проблемы с принятием реальности. – Я усмехался, хотя, на самом деле, было вовсе не смешно. Прекрасно помню момент в детском доме, когда она задала мне такой же вопрос.

– Отпусти руку! – Девчонка снова дернулась, пытаясь освободиться.

– Да ну конечно. Сейчас отпущу, а ты начнёшь драться. Мне придется оказать сопротивление. В итоге, мало ли, случайно сделаю больно или покалечу. И отчитывайся потом перед твоей бабкой.

– Просто ответь, кто ты такой?

– Симонов Иван Иваныч. Забыла, что ли?

– Врешь!

Лизонька вдруг со всей силы наступила мне пяткой на ногу. Это было неожиданно, резко и подло. Ну, хоть не по самому интересному месту. Спасибо и на этом.

Правда, убрать свою, между прочим, дорогую сердцу конечность, я успел. Вообще, хочу сказать, с каждым разом тело Иваныча чувствовалось мною все лучше. Если в первый раз у меня было ощущение, будто сверху напялили трудно управляемый костюм робота, то сейчас рефлексы стали лучше, скорость реакции тоже. Наверное, в данный момент я мог бы даже попробовать контактный бой в этом новом для моего сознания теле. Может, было бы не так, как в своем, но и, думаю, толк все равно вышел бы. Видимо, оболочка и содержимое медленно, но верно подстраиваются друг под друга.

Поняв, что ее маневр не удался, девчонка зашипела как кошка, которую хотят погладить против ее воли.

– Видишь, а говоришь, отпусти. Ты же опасная дамочка. Ладно. Смотри. Сейчас уберу руку, выпущу твое запястье и все. Расходимся на расстояние нескольких шагов. Поняла?

– Поняла!

Я разжал пальцы и быстро сделал шаг назад. Девчонка стояла на месте, взглядом расчленяя меня на множество маленьких иванычей.

– Объясни теперь. Что за странный вопрос. И что за нелепая попытка прибить меня?

Решил, раз уж зашёл разговор снова на эту тему, надо довести его до конца. Мысль о том, будто Иваныч не тот, за кого себя выдает, явно не давала Лизоньке покоя и сидела

в блондинистой голове плотно. Оставлять ее с этими сомнениями точно нельзя. И дело не только в блондинке. Просто опытным путем к своим годам понял одну важную, несомненную вещь. Женщина должна выговориться. Всегда. Какая бы дурь, не мучала, она должна воплотить ее в слова. Потому что иначе та самая дурь начнет разрастаться, множится, а потом произойдет взрыв. Нет, пусть выскажется. Если делать вид, будто ничего не происходит, будет только хуже.

Бежать от проблемы нельзя. Ее надо решать. Иначе я стану напоминать того самого страуса. Голова в песке, а задница – наружу. Вроде не видишь опасности, но зато велик шанс, что они тебя поимеют.

– Просто сейчас ты – это не ты. В первый раз я думала, мне показалось. Ты вдруг стал совсем не таким, как был. То есть вчера я видела одного человека, а сегодня пришел совершенно другой. Внешне всё один в один. Изменилось содержимое. Ты так смотрел на меня, будто в первый раз видел. И ещё, в то время, когда ещё не было тех проблем которые есть сейчас, с моим… даром. Я чувствовала тебя иначе. Но правда решила, что показалось. А потом тоже самое произошло и второй раз. Снова неожиданно после болезни ты вдруг стал ощущаться как тот, первый Иваныч, с которым я познакомилась в Хранилище. И еще… были же обстоятельства … между нами… – Лизонька замялась и покраснела. Ох, как мило.

– Ты про секс? Про ту ночь, которую провела со мной? – Специально говорил именно так. Хотел вывести ее на эмоции.

О, да. Оно того стоило. Она вспыхнула и полоснула по мне взглядом – скальпелем.

– Ты же уверял, будто не было ничего. Когда я хотела поговорить после своего выздоровления. Разве нет? Сказал, чтоб я не несла глупостей, потому что не могло этого быть. А тут, вдруг оказывается, очень даже помнишь. Ну, ладно. Рада, что в твоей памяти наступил момент просветления.

Вот как… Представляю, насколько охренел Иваныч, в воспоминаниях которого не было ничего между ним и блондиночкой. Интересно, дед понимал, что какие то моменты просто тупо не помнит? Или это было, как в кино. Шел, упал, очнулся – гипс. Тем не менее, раз Лизонька утверждает, будто с ее стороны были попытки, значит не так уж я ей неинтересен. А пожалуй, выходит, наоборот.

– Дело даже не в этом. Просто перед тем, как мы отправились в Калинин, ты точно снова стал другим. Я могу руку дать на отсечение, что именно так. А когда случился тот выстрел и я умерла …

– Умерла? Погоди. Как умерла. Ты же – вот. Стоишь напротив. – Перебил ее на автомате, чисто машинально.

– Видишь! – Девчонка сделала шаг ближе и ткнула пальцем мне в грудь. – Ты не просто снова забыл. Ты не знаешь этого. Пусть сейчас во мне нет тех возможностей, какие были раньше. Но я вижу. Внутри снова кто-то другой. Как это возможно? И как ты ухитрился обдурить бабушку? Уж она бы точно почувствовала. Но когда я заикнулась ей о своих подозрениях, она обозвал меня ненормальной и велела не заниматься ерундой. А ведь она не могла не заметить, если заметила я.

– Стоп! – Поднял руку ладонью к девчонке, останавливая потом ее эмоций. – Хорошо. Давай считать, будто у меня провалы в памяти. Если хочешь, пусть будет раздвоение личности. Только объясни мне пожалуйста, как умерла?

– Обычно. Как люди умирают. Так и я.

Лизонька развернулась и пошла в столовую, где можно было сесть, спокойно поговорить. Стоять посреди коридора тоже глупо. Ну, я расценил ее молчаливый уход, как приглашение. Поэтому весьма решительно двинулся за ней.

В комнате, она глянула через плечо, убеждаясь, что понял ее намек правильно, а потом кивнула в сторону стола, вокруг которого выстроились задвинутые стулья.

– Садись, поговорим.

– Спасибо, я постою. Продолжай. В подробностях, если можно. Поверь, это важно.

Блондиночка с лёгким удивлением посмотрела на меня. Ей, наверное, столь рьяное желание с моей стороны выяснить детали «смерти», казалось странным. Тем не менее, девчонка продолжила рассказ. Сама тоже садиться не стала, стояла напротив меня. Только я облокотился о притолоку одним плечом, а Лизонька оперлась пятой точкой о подоконник, скрестив руки на груди.

В итоге между нами оказалось большое расстояние. Практически мы находились в разных концах комнаты. А хотелось бы максимально близко. Но сейчас, боюсь, девчонка не оценит моих порывов.

– Не знаю, как это объяснить. Когда Марта выстрелила, сразу было понимание, что это – все. Потом – темнота и пустота. Никто со мной не говорил. Хотя, всегда думала, как оно вообще происходит. Казалось, будет какой-то высший суд или Чистилище. Но ничего такого. Очнулась уже в Москве. Только тогда узнала, бабушка из Калинина ухитрилась сбежать следом за нами. На мотоцикле. Представляешь? Княгиня Долгорукова по полям и лесам ехала на украденном у фашистов

мотоцикле… Анекдот просто какой-то. Поэтому во дворе того дома она появилась почти сразу после произошедшего. – Лизонька покачала головой, будто сама не верила своему же рассказу.

Я слушал внимательно, не перебивая. Хотя, конечно, если честно, очень сомневаюсь в подобном совпадении. Скорее всего, бабка-демон просто узнала о выстреле и как-то ухитрилась переместиться в нужное место. Она же, где хочет, там и шляется, даже если расстояние между точками ее перемещения измеряется не только километрами, но и десятилетиями.

– Как ты же мне рассказывал, я этого не видела, естественно, она забежала во двор дома, матеря нас обоих по чем зря. А потом что-то сделала со мной. Ты говорил, приложила ладони к груди, несколько минут сидела так, а потом я открыла глаза. Только они были совсем черные. Так вроде. Ты сразу понял, что-то неправильно со мной, стал требовать с бабушки объяснений, но она сказала, будто в моей голове очень важные разведданные, их срочно надо доставить Тихонову. И это не считая того, что если очень быстро я не окажусь там же, в столице, то не факт, что долго протяну в таком состоянии. Честно говоря, думала это тебя и оттолкнуло в первую очередь, когда очнулась, а ты опять смотришь на меня чужим, посторонним взглядом. Все же мало наверное приятного, когда провел целый день в обществе человека, который ходит как кукла, разговаривает как кукла, странно улыбается и вообще пугает своими полностью черными глазами. Ну, ты это описал именно так.

– А как же она тебя вернула? Сейчас передо мной очень даже нормальный, вполне себе обычный человек.

Лизонька снова с подозрением смотрела на меня несколько минут. Конечно, я понимал, что «палюсь» со страшной силой, но, честно говоря, моя нынешняя командировка имела несколько целей. Первая цель – сделать все, чтоб она, эта командировка, стала последней. Хватит. Достаточно, реально. Вторая цель – разобраться с Лизонькой. Выяснить, сможем ли мы встретиться в моем времени, потому что крепко решил, хочу семью с этой особой. Прям навязчивая мысль. Третья цель – уладить вопрос с маньяком. И дело не только в моем будущем и моей жизни. Важнее то, что этот псих просто зверски мочит ни в чем неповинных людей. И если для достижения этих целей придется рассказать Лизе правду, то расскажу. Может, не всю. Но тем не менее. К тому же, факт того, что Наталья Никаноровна сама отправила меня сюда, говорит о многом. Она же прекрасно понимала, я постараюсь наладить наши отношения, во всех смыслах.

– Не знаю. Но ты сказал, когда я пришла в себя такую фразу, вроде… Неужели эта книга может сделать хоть что-то хорошее. Вот так, по-моему. Я пыталась уточнить, но ты отказался обсуждать это подробнее. Все. Теперь ты рассказывай, о том, что интересует меня. Почему ты периодически ощущаешься, как другой человек?

Книга… Вот она и всплыла в этой истории. Похоже, Наталья Никаноровна даже в данной ситуации выиграла главный приз. У блондиночки реально были сведения необходимый чекистам. Так думаю, именно они стали решающими в том плане, что благодаря им мы отбили наступление фон Бока и перешли в контрнаступление. Именно за них, предположительно, бабка-демон выторговала книгу, с помощью которой вернула Лизу. Причем в данной ситуации у Тихонова особенно не было выбора. Слишком велика цена отказа. Он же не знал, что Москву так и так отстоят. Должны были отстоять, по крайней мере. Думал, реально на кону столица Советского союза. Уж как он ухитрился уговорить Берию, не знаю. Но скорее всего, тем же самым доводом.

– Иван! – Девчонка в ответ на мое молчание начала психовать. Ей хотелось услышать в ответ объяснения от меня. А мне, честно говоря, хотелось сейчас совсем другого. Поговорить мы ещё успеем. Наговоримся.

– Да что, Иван?! Думаю я. Слушай, а ты чего конкретно, когда в себя пришла, хотела выяснить со мной? Про то, что нас связывало? Про личное?

– Вот ты… назойливый. Как муха. Да, хотела поговорить. Но сильно не обольщайся. Не столько про нас, сколько про тебя. Хоть и не видела больше ничего с твоей стороны по отношению ко мне, как раньше. Когда очнулась, сразу заметила по твоему взгляду, снова это не ты. Вот сегодня, когда встретились в хранилище… В общем, смотришь иногда, будто вообще чужие люди, а иногда – будто дороже меня у тебя нет никого на земле. Рассказывай! В чем дело?

– Рассказывать… Ну, расскажу, конечно… – Я оторвался от дверного косяка и медленно пошел в сторону девчонки, наблюдая за ее реакцией. Она моментально напряглась. – Просто… чего мы так далеко то? Стоим в разных концах, кричим на всю комнату.

– Кто кричит? Я вообще не кричу. – Лизонька вроде бы хотела отойти подальше, а куда отойдешь, если за спиной окно. Поэтому прижалась к нему еще сильнее, наблюдая за мной настороженным взглядом.

– М-м-м-м-м… а мне кажется, надо как-то ближе подойти.

Мало ли. И вообще, кстати, я стал плохо слышать. Представляешь? Вот сейчас прям ты говорила, а у меня шум в ушах.

Девчонка начала так же медленно, как я шел, пятиться в сторону, планируя проскочить мимо. Я с улыбкой покачал головой, намекая, чтоб даже не пыталась.

– Вань… Ты, давай не балуйся… – Лизонька все же сделала шаг, а потом рванула с места, искренне веря, что у нее получится выскочить из комнаты. Ясное дело, носиться за ней потом по всей квартире не стану. Это глупо. Главное, сейчас не дать девчонке ускользнуть. Поэтому, заранее ожидая от нее именно таких действий, успел перегородить дорогу блондиночке.

– Ты… Чего… Ты… – Она стояла совсем близко. Одной рукой я ухватил ее за талию и подтянул к себе.

Кстати дыхание у девчонки стало сбиваться, а грудь, хоть она и пыталась это скрыть, поднималась чуть чаще. М-м-м-м-м… Лизонька, похоже, соскучилась ни чуть не меньше моего. Уж это я вижу наверняка. Зрачки в ее глазах стали совсем большими, заполняя радужку целиком. Выплеск адреналина. Эндорфины в крови. Возбуждение.

Я чуть не взвыл. От банальной попытки грязного домогательства меня удерживало лишь то, что девчонка очень упряма. Однажды Иваныч послал ее, грубо говоря. Может сделать то же самое в ответ из принципа.

Но и терпеть больше не хочу.

Второй рукой провел по ее шее, поднимаясь вверх, скользнул пальцами на затылок, при этом наблюдая за реакцией Лизы. Кок только ее губы приоткрылись и она то ли выдохнула, то ли застонала, понял, ну, все. Теперь можно.

Глава 8

Что хочу сказать. Эта женщина подходила мне идеально. Бывает такое. Когда нравится все. Кожа, запах, ощущения, стоны. И секс с определенным человеком доставляет массу удовольствия. Не потому что он секс, а потому что именно с определенным человеком.

Тело, к тому же у Иваныча было молодое, ненасытное. А я кайфовал от тех ощущений, которые давала мне Лиза. В общем, из столовой в спальню я утащил ее за две минуты, а не вылазили мы из койки несколько часов. Пока не стемнело. Потом девчонка сообразила ужин, собрав всю возможную снедь в доме. Ну а после этого я снова утащил ее в спальню.

Бабка-демон явилась около полуночи. Я кубарем скатился с кровати, услышав возню в коридоре. Мы такие молодцы с Лизонькой, что даже дверь не закрыли.

– Вы же сказали, явитесь под утро? – Я стоял посреди коридора, кутаясь в шерстяное одеяло и наблюдая, как Наталья Никаноровна с ухмылкой крутит носом. Она реально нюхала воздух, будто все, что между нами с Лизой произошло, осталось витать в квартире каким-то определенным ароматом.

– М-м-м-м-м… Вижу, все хорошо у вас. Вот и чудно. Сейчас так будет лучше.

Наталья Никаноровна направилась в комнату, а когда проходила мимо меня, я, не выдержав, поинтересовался.

– Насчет Лизы и ее проблемы… Ну… то, что мы, как бы… Короче, то, что мы переспали, это как-то поможет делу? Вы поэтому дали такую возможность?

– Вань… Ну, ты не плети то. Не льсти себе. Ты, конечно, парень видный, но не надо слишком уж хорошо думать о своем… – Она выразительно посмотрела ниже пояса. Мне, естественно, ниже пояса. – Просто сейчас так лучше, повторяю. А на ее состояние это никак не повлияет. Поспокойнее будет, несомненно. Да и дело опасное. Не хватало ещё там, в тылу у фрицев, постоянных разборок между вами.

Как только Никаноровна вошла в столовую, а я – следом за ней, придерживая одеяло рукой, потому как под ним кроме трусов ничего не было, хотя бы те успел нацепить, и то, слава богу, из комнаты появилась Лизонька, которая немного смущалась, но, если честно, то гораздо меньше, чем в первый раз. И на бабку смотрела даже с некоторым вызовом.

– Ты одежду то нормальную напяль. С минуты на минуту явится наш Колонист.

Мы с девчонкой, переглянувшись, почувствовали себя реально идиотами. Охренеть, какие классные разведчики. Забыли слова Тихонова, что вылет сегодня. Лиза тихо ойкнула и быстро исчезла в спальне. Оттуда она вернулась буквально через десять минут. На ней были штаны и гимнастерка. Сава богу, штаны свободные, иначе я опять бы завелся. Я сделал то же самое. Встречать руководителя диверсионной группы в трусах идея не очень. С Натальей Никаноровной в этом плане не поспоришь.

В тот же момент в квартире появился четвертый участник нашей группы. Я рассматривал его с интересом. Николай Грачев. Помню такого. И помню, что популярен он был в первую очередь из-за покушения на Коха. Один из самых известных разведчиков. Ему, если я не путаю, удалось даже раскрыть заговор нацистской разведки, пытавшейся совершить покушение на руководителей государств антигитлеровской коалиции во время совещания в Тегеране в 1943 году. Вот только, сдается мне, думаю, память не изменяет, как и говорила Наталья Никаноровна, кончится все его попытки неудачей, а сам он погибнет, за год до победы. Вроде так, если ничего не путаю.

Я с интересом рассматривал человека, который каждый день проживает чужие жизни. Сейчас он – немецкий офицер. Интересно… Каково это? Находится рядом с врагом. Изображать из себя такого же, как враг. Моя служба, например, была более четкой и конкретной в этом плане. Есть цель. Она должна быть ликвидирована, уничтожена. А разведчики, они ведь совсем по другому. Вспомнить того же известного Рихарда Зорге. Судьбу этого человека знал даже я. Столько снято фильмов, что, наверное, очень мало людей, хотя бы просто слышавших о нем. Разведчик, который, как считалось, назвал Сталину точную дату начала войны. Невольно задумался в этот момент о том, что, наверное, происходили бы мои посещения прошлого в более приятных обстоятельствах, и никак не в тело деда, наверное, я бы хотел познакомится или увидится с некоторыми известными личностями этого времени. Но, та история, которая связывала меня сейчас с периодом Великой Отечественной Войны, сильно к прогулкам и знакомствам точно не располагает.

В данный момент я смотрел на человека, которому, спустя очень много лет, предстоит стать известной личностью, о чем он даже не догадывается. Тем более, по-моему, в современном времени ещё личное дело так и не рассекречено.

Николай Грачев, хотя звали его совсем иначе, только настоящего имени сейчас не мог никак вспомнить, реально очень

сильно был похож на немца. Не знаю, как уж там выглядят их истиные арийцы, но он казался самым что ни на есть настоящим фрицем. Узкие губы, прямой нос, светлые волосы, зачесанные на пробор, светлые же глаза.

Мы поздоровались. Грачев сказал, что нас ожидает машина и пора ехать. Все подробности обсудим в самолёте.

Это странно, но внутри возникло привычное волнение. То самое. Чувствовал его каждый раз, вылетая в командировку в своей обычной жизни. Вот сейчас было так же. Привычная, возможно, обстановка в плане того, что нам предстоит десантироваться, потом раствориться среди врагов и ждать нужного часа. Для меня это как оказаться на позиции. Поэтому, наверное, сознание среагировало именно так.

Во дворе действительно ждала машина, которая отвезла нас на военный аэродром в Подмосковье. Там были ещё люди. Предполагаю, пополнение отряда, куда нас предстояло попасть.

Большое количество эмоций у присутствующих вызвало появление Натальи Никаноровны. Похоже мысль о том, что эта странная улыбающаяся голубям старушка в шляпе с ридикюлем под мышкой будет прыгать с парашютом, вызывала у будущих партизанов стресс и волнение. Они боялись, мне кажется, что помрет чу́дная бабка во время прыжка. Грачев же был спокоен. Его, видимо, предупредил Тихонов о том, что данная особа переживет всех нас вместе взятых, даже если у нее не раскроется парашют.

– Николай, ты чего. Она же богу душу отдаст. – Громким шепотом увещевал нашего начальника один из пилотов.

Я подошел к Наталье Никаноровне, которая с интересом рассматривала и аэродром, и самолет, и заметно косящихся на нее парней. С охреневших мужских лиц можно было писать картину.

– Слушайте, что за цирк? Вам зачем все это? – Иногда мне казалось, бабуля специально устраивает вот такие показательные выступления. По сути, жаль, что о ее настоящей натуре известно лишь мне. Это же – реально орудие массового поражения. Армия не нужна. Достаточно запустить бабку-демона в тыл врага и дать ей свободу действия. В очень короткие сроки враг капитулирует, умоляя забрать ее обратно.

– Непонятно говоришь, Иван. О чем именно речь? – Наталья Никаноровна состроила из себя дурочку.

– Вы можете оказаться в любом месте просто так. Зачем это представление? Догадываетесь, как оно выглядит для окружающих? Вы же с внешнего вида тянете на человека, который вот-вот покинет бренный мир. Могу вообразить, какой

случится стресс у мужиков, когда вы бодро с парашютом сиганете вниз? Надеюсь, хотя бы «мертвой петли» или акробатических этюдов в воздухе не будет?

– А-а-а-а-а-а… Ты об этом? – Бабуля мило улыбнулась, потом выглянула из-за меня и помахала рукой стоящим неподалеку чекистам, отчего их всех разом перекорежило. – Был же разговор. Получаю удовольствие от полноценной человеческой жизни. Где еще так можно повеселиться, как не среди людей? Скучно, Иван. Очень долго жить скучно…

– Долго? – Я усмехнулся. – Скромничаете. Хотели сказать, вечно?

– Ох, ну, ладно. Не придирайся. Так, товарищи партизаны, скоро летим? Я готова к героическим поступкам!

Последние слова, конечно, предназначались парням, которые наблюдали за бабкой-демоном, пребывая в состоянии, мягко говоря, изумления.

Надо было видеть их лица, когда Наталья Никаноровна бодро поструячила к месту посадки своей семенящей походкой с ридикюлем под мышкой.

После того, как было надето снаряжение, проверено и надежно закреплено, мы, наконец, загрузились в самолет.

Десантировались, как положено, в назначенное время, в назначенное место. За Лизу переживал по началу, но потом понял, делает она это не впервые. Видимо, за то время, что меня не было, девчонка значительно набралась опыта. Стало даже как-то обидно. Без меня у нее, похоже, была насыщенная жизнь.

В течение всего полета, мы постоянно переглядывались между собой. Я – с намеком. Она – с многозначительным выражением. Похоже, кто-то не планировал забывать, что ответ на вопрос так и не был ею услышан. По поводу моей биполярочки, естественно. Того момента, что блондиночка периодически ощущает другого человека. А точнее, двух. Сначала, когда я ухитрился утащить Лизоньку в спальню, нам было не до этого. А потом не дали посторонние. Несомненно, как только появится возможность, Лиза снова вернется к этой теме. Я же планирую открыть все карты только в крайнем случае.

Бабка-демон без своих штучек, конечно, не смогла обойтись. Прежде, чем прыгнуть, с мерзкой улыбочкой перекрестила всех присутствующих, поклонилась глубоким русским поклоном, и все это в трясущимся самолёте, а потом заявила.

– Ну… ребятушки, если помру, буду всем являться в кошмарных снах.

Только после этого, провожаемая гробовым молчанием остальных десантирующихся, Наталья Никаноровна шагнула

в черную ночную пустоту.

К счастью, наша высадка осталась не замечена немцами. В противоположном случае, нам предстояло бы вступить в бой, а такое развитие событий было крайне нежелательно. Например, в момент высадки отряда 20 июня, к сожалению, три диверсионно-разведывательных группы, входившие в состав «Победителей», были по ошибке сброшены вдалеке от обозначенных командованием мест и понесли большие потери в сражениях с карательными отрядами немцев. О чем нас честно предупредил Грачев.

Этот момент меня беспокоил сильно. Вернее, не сам он, а присутствие среди нас Лизы. За бабулю, как уже говорил, точно переживаний не было. В данном случае более уместно переживать за немцев, которые с глазу на глаз с бабкой-демоном не факт, что выжили бы.

Я, конечно, уже имел понимание, в случае столкновения, Лизонька точно не будет отсиживаться за березкой. Прекрасно помню, как она выступила в Калинине. Но это, как раз, и пугало. Тем более сейчас, когда своими чудо-способностями девчонка не обладала. Однако, на удивление, все прошло гладко. Хотя, не удивлюсь, если к данному факту приложила руку Наталья Никаноровна. Очень уж довольной она вылезла из-под купола парашюта, заявив, будто последний раз испытывала подобные ощущения, когда ее корнет какой-то там напоил шампанским, а затем грязно домогался. Попутно бабка-демон пыталась поведать и детали данного случая, но Грачев, двигаясь между деревьями, а после приземления мы оказались недалеко друг от друга и благополучно сгруппировались, настойчиво попросил ее придержать столь интересный факт биографии до лучших времен. Бабуля загрустила, но потом принялась развлекать себя декламацией стихотворений поэтов Серебряного века, заявив, будто Пушкин, хоть и сукин сын, но слишком простоват, подлец.

Что интересно, Грачев по-прежнему смотрел на выкрутасы бабки-демона совершенно спокойно. У меня вообще возникло подозрение, он не просит ее заткнуться потому, что реально получил определенную информацию от Тихонова. В том числе и того плана, что именно эта очень странная на первый взгляд старуха, прикроет высадку. Даже если мы будем идти с песнями и плясками, не услышит ни одна немецкая сволочь. Поняв, что ее вызывающее поведение не приносит ожидаемого результата, а Наталье Никаноровне медом не корми, дай кого-то довести до нервного припадка, она совсем приуныла и дальше шла молча, заявив, будто с такими скучными попутчиками можно сдохнуть не от старости, а от тоски. В общем, не смотря на все усилия

бабки-демона, добрались к отряду «Победитель» вполне себе спокойно. Хотя она очень старалась сделать наш поход максимально увеселительным мероприятием.

Место, где мы оказались, я смог разглядеть, когда рассвело. По сути, оно выглядело практически, как целый поселок. Землянки, вырытые среди деревьев, имели бревенчатые пристройки с крышей и вполне годились для того, чтоб в них зимовать. Ребята основательно подготовились к диверсионной деятельности, это факт. Территория, взятая партизанами для своей базы, была достаточно большой, как и количество людей, присутствующих на ней. На первый взгляд я насчитал не менее ста человек.

Первым делом Грачев устроил нам небольшое совещание, потому как требовалось обсудить подробно легенду каждого и дальнейшие действия.

– Княгиня и Ведьма – представители старой аристократической знати, которые пользуясь случаем и, веря в непобедимость немецкой армии, вернулись на свои исконные земли. Здесь до 1939 заправляла шляхта. Вот из местных и будете. К вермахту более, чем благосклонны, являетесь рьяными поклонницами всего германского. Ведьма устроится на работу в жандармерию. Имеются определенные для этого рекомендации. Княгиня, соответственно, отличается крайне экстравагантным поведением и одним из наиболее частых мест посещения станет доктор Полянский. Через него будет проходить основной канал связи. Вот адрес и документы. – Колонист протянул необходимые бумаги Наталье Никаноровне.

– Студент, – Грачев посмотрел на меня, – Явишься в жандармерию, как и Ведьма, но без рекомендаций. У тебя будут лишь документы на имя сына священника. Отец, мать, братья и сестры, все были уничтожены советской властью. Здесь записана твоя подробная биография. Есть пара часов, чтоб выучить в мельчайших деталях.

Получив свой вариант официальных бумаг, я занялся их штудированием. Сам Грачев заявил, что отправится на разведку в город.

Вообще, конечно, хочу сказать, для меня все эти люди, и Колонист, и партизаны выглядели, как совершенно безбашенные авантюристы, которые боролись с врагом, основываясь на какой-то фанатичной вере в победу Союза и в свои силы, которые готовы были вложить в правое дело полностью. То есть, отслужив в определенных местах, я все же имел представление, как это происходит в современных условиях. Тут же, они творили чрезвычайно важные вещи, необходимые

для разведки, буквально на коленке. Наблюдая, к примеру, подготовку документации Грачева, честно говоря, охренел. Нет, у него были необходимые превичные бумаги, но командировочные удостоверения вермахта в различных городах часто отличались друг от друга. Поэтому данный, очень важный документ ему готовили непосредственно в отряде, отталкиваясь от особенностей именно Ровно. Врач отряда, среднего возраста мужчина, которого звали Альберт, напечатал его на машинке. Среди леса, поставив ее на грубо сколоченный деревянный стол. Подписи подделал заместитель командира по агентурной разведке, который вообще не владел немецким языком. Парень по имени Николай, используя школьный циркуль и сапожный нож, из резиновой подошвы вырезал печать. И ни у одного из них, включая самого Грачева, даже мысли не возникло, будто по итогу у них что-то может не получиться. И хочу сказать, когда Николай отправился на разведку, эти слепленные на ходу документы прошли все проверки немцев. Не знаю, что это и как назвать, но, пожалуй, скажу, наверное, мы потому и выиграли войну против отлаженной и проверенной машины вермахта. Просто советские люди вообще не допускали мысли, что они проиграют. Нет мощного вооружения? Не беда. С шашкой на танк и посмотрим, чья возьмет. Третий рейх имеет свои грандиозные, детально разработанные планы? Да и по хрену. Партизанская война со времен Наполеона никогда не подводила.

Наталья Никаноровна заявила, что в ее возрасте сидеть в лесу, может, и полезно засчет свежего воздуха, но вот артрит не обманешь, а потому в разведку мы пойдем вместе с Грачевым, который должен был представиться чрезвычайным уполномоченным хозяйственного командования.

И опять же, на удивление, руководитель группы спорить с бабулей не стал. Я вообще уже сомневался, кто по настоящему командует в нашем отряде из четырех человек. А когда Николай отошел в сторону с Натальей Никаноровной и о чем – то шептался полчаса, при этом в больше мере слушая ее, а не отдавая указания, в своем подозрении я только укрепился.

По итогу, обер-лейтенант Пауль Зиберт отправился в Ровно на автомобиле, открыто и официально. Мы втроем шли какими-то козьими тропами. Вела нас, конечно, бабуля.

Перед самым въездом в город, разделились. Правда, прежде, чем оставить меня одного, Наталья Никаноровна подошла совсем близко, а потом с размаху шлепнула ладонь прямо на лоб, будто измеряя температуру.

– Что опять за фокусы? – Я попытался отбрыкнуться, но тут же отхватил от старухи второй рукой в печень.

– Стой! Благое дело творю. – Заявила бабка-демон. Когда через пять минут, удовлетворенно кивнув сама себе, отошла, уверила, что теперь владею немецким языком, если не в совершенстве, то вполне себе на уровне человека с приличным воспитанием.

Я собрался рассмеяться, но по ее лицу понял, и правда владею.

– Спасибо, конечно. Напомните потом, чтоб я еще таким же образом выучил испанский, итальянский, французский и непременно китайский. Китайский – очень важно. Сами понимаете, почему.

Наталья Никаноровна насмешливо фыркнула, намекая, что шутку юмора оценила. А вот Лизонька смотрела на нас обоих, нахмурившись. Девчонка, видимо, начинала понимать, что с ее бабкой нас связывают крайне непростые отношения. Предполагаю, при первой же возможности к вопросу, кто я такой, добавиться еще один: «Какого хрена происходит между мной и княгиней Догоруковой?»

Глава 9

В город мы попали без особых проблем. Немцы вообще, кстати, не выглядели сильно уж подозрительными товарищами. Документы просмотрели, но как-то без огоньку.

Я сразу, ещё до того, как приблизились к Ровно, ушел вперёд, а Наталья Никаноровна и Лиза задержались. Они должны были миновать проверочный пункт позже. Как только остался один, сразу, интереса ради, достал из кармана документы, написанные на немецком языке. Не хотел при бабке-демоне выглядеть удивлённым, давая ей ещё один повод для того, чтоб поглумиться. Но я реально мог прочесть текст. Полностью, без малейших трудностей. Вот так номер… Хотел, Иван, чудес, получай чудеса. Ну, хотя бы полезные. И от Натальи Никаноровны, выходит, бывает толк. Интересно, этот навык останется у меня по возвращению или исчезнет. Я бы, конечно, не против получить его насовсем. А что? В конце концов, при такой работе, мне полезна доплата за вредность.

На пропускном пункте ещё раз имел возможность проверить свои новые способности. Немец, изучавший документы, бегло их пролистал, а потом поинтересовался целью, которая сподвигла меня вернуться. Очень даже неплохо ответил ему, будто армия великих освободителей дала шанс вернуться домой, чему я несказанно рад. То, что говорю на достойном уровне, понимал сам. Не знаю, откуда, то точно понимал. Фриц остался моим ответом доволен и протянул документы обратно.

Пока шел по Ровно к нужному адресу, рассматривал те места, которые меня интересовали в первую очередь. Они были нашей первоочередной целью в плане максимального внимания.

Неподалеку от центральной площади на Кёненсберг штрассе располагалась жандармерия, где мне и Лизе предстояло работать. Напротив – гестапо. Рядом – гебитскомиссариат, далее – рейхскомиссариат. И, собственно говоря, там же возвышалась резиденция Эриха Коха.

На самой площади находился ресторан «Дойчегоф», место, где отдыхал старший офицерский состав и где Пауль Зиберт должен был стать частым гостем.

Вообще, по легенде, Грачев был именно приезжим персонажем. Он появлялся и исчезал, имея на это весомые причины. Поэтому была выбрана именно хозяйственная структура. Внедрить его на постоянную службу здесь, на месте,

не было ни возможности, ни времени. Вообще, Тихонов, так понимаю, рассчитывал Коха убрать быстро. Однако, если верить Наталье Никаноровне, выполнить задание Грачев не сможет. Но это при том, что сейчас Лиза не способна оказать ему никакой помощи. Бабулю связывают свои заморочки про свободу выбора. А если положение с девчонкой изменится?

Про гауляйтера я знал лишь факт, намертво вбитый со времен школы. Это был один из самых первых нацистских преступников. Зачем Наталье Никаноровне способствовать его убийству, снова не понимаю. Да, грешат они, то есть, демоны, в установленных рамках. Но здесь ведь даже не рамки. Здесь – самое что ни на есть благое дело.

Как бы то ни было, я добрался до нужного дома достаточно быстро. Там должна была быть квартира, якобы когда – то принадлежавшая моей семье. Теперь в ней жил дальний «родственник», который внезапно покинул Ровно по очень важным делам.

Оказавшись на месте, первым делом умылся, переоделся и лег спать. Служба – службой, однако, ночка выдалась напряжённая, и таких ночей ещё будет неизвестно сколько впереди. То, что в Калинине мы по большому счету сыграли «на дурака», вовсе не сделало меня более беспечным или уверенным, будто фашисты – дураки. Здесь, в Ровно, нам будет в десятки раз сложнее.

В любом случае нужно отдохнуть. По предварительной договоренности к вечеру мы «случайно» познакомимся с Лизой на улице. Причем, познакомимся наглядно, при свидетелях. Так было решено из соображений проверки со стороны фашистов, чем бы эта проверка не была спровоцирована.

Спал, как убитый, вообще не реагируя ни на что. Правда, дверь, конечно, предварительно несколько раз проверил на предмет надёжности. Мы не в Москве теперь. Где можно относится к таким вещам безалаберно.

Проснулся около пяти часов вечера. Наша встреча назначена на шесть.

Вскочил, прошёлся по квартире. Учитывая, что состояла она из двух комнат, особо не находишься, но тем не менее, хотелось размяться, изучить обстановку места, где проведу пока ещё неизвестно, сколько. В первый и второй разы моя командировка была не сильно продолжительной. Укладывался в несколько дней.

Сейчас, совершенно непонятно. Бабка-демон требует, чтоб я помог исцелиться девчонке. Как? Мы переспали и, кстати, на полном серьезе была мысль, а вдруг… Бред, конечно, но тем

не менее, помню ведь первый раз, когда мою болезнь вылечила Лиза лишь тем что прикасалась. Реакция Натальи Никаноровны однозначно дала понять, мыслю не в том направлении. Подсказывать эта старая сволочная особа тоже не планирует. Как же достали со своей теорией невмешательства. А главное, какое, вообще, на хрен, невмешательство. У них законы, куда хотят, туда и поворачивают. Прямо, как мой родная ментовка с ее отношением к уголовному кодексу. Походу, вот от кого, пошли первые менты. От дьявольских существ. Стало реально смешно и я похохотал в одно лицо. Жаль, эту шутку никому не расскажешь из «своих». Придется объяснять, откуда она возникла.

Однако, пора было собираться. В шкафу лежала готовая одежда, чистая и выглаженная, причем, моего размера. Так подозреваю, привет от «родственника».

Вышел на улицу и направился к центру. Там, рядом с местом, где трудился парень, занимающийся чисткой обуви, нам предстояло познакомиться с Лизой.

План, собственно говоря, был простым. Девчонка отправиться на прогулку, случайный мальчишка украдёт у нее деньги, я, как истинный герой, воришку поймаю, кошелек верну. Пацан благополучно смоется. Свидетелей будет много. А симпатия молодого человека к привлекательной барышне, это – нормально.

В ресторан, который нужен для работы Зиберту, конечно, не попадем, там четко обозначено на двери, что вход только для немцев, но на совместную прогулку благородный рыцарь может рассчитывать, как и на знакомство с бабушкой.

К нужному месту я пришел раньше положенного, а потому просто крутил головой, рассматривая прохожих. Юс первого взгляда и не скажешь, будто город оккупирован врагом. Если, конечно, не считать везде и всюду звучащую речь фрицев.

А так, в общем-то, граждане спокойно себе шли по своим делам. Кто-то так же, как и я, не торопясь, бродил по улице. Это, видимо, у них место сбора местного бомонда.

В какой-то момент, совершенно случайно, мой взгляд выцепил среди прохожих знакомое лицо. Марта.

Я замер, а потом медленно сделал несколько шагов назад, уходя за ближайшее дерево.

Ошибки быть не могло. К тому самому ресторану, не спеша, шла переводчица, которая стреляла в меня, а попала в Лизу.

И это было очень нехорошо. Если она нас увидит, неважно, вместе или порознь, то вся конспирация полетит к чертям. Марта далеко не идиотка, да и память у нее точно отменная, особенно в данном случае. Обстоятельства, при которых мы встретились,

наверняка не были для нее мимолётными.

Я наблюдал, как эстонка вошла внутрь. Интересно, но табличка, сообщающая о том, что вход разрешен лишь немцам, вовсе не стала преградой. Значит, Марта имеет право там быть. Это делает ситуацию ещё более хреновой.

Но главное, находясь в ресторане, она вполне может стать свидетелем нашего «знакомства» с Лизой. И тогда, мы не успеем провести в этом городе даже дня.

Как назло, именно в самый неподходящий момент, на другом конце улицы появилась девчонка.

Я быстрым шагом направился к ней. Узнают ли немцы в случае провала, что мы познакомились не в Ровно, большой вопрос. Но если сейчас поднимется пусть небольшой, но шум, и Марта, к примеру, решил посмотреть, а что же там происходит, тогда вероятность срыва равна ста процентам.

Лизонька от меня столь неожиданных, заранее не оговоренных действий точно не ожидала. Но, надо отдать должное, сразу поняла, если всё идёт не по плану, то до этого есть весомая причина.

– Приветствую, а теперь берешь красавца – мужчину под локоток и красиво валим с площади. Тут Марта.

Девчонка беспрекословно выполнила все указания и мы ушли совсем в другую сторону.

– Что за ерунда? Бабка твоя исполняет? – Я говорил, улыбаясь, будто разговор шел о чем-то очень приятном.

– Не знаю. Ее не должно тут быть. После случая под Калининым, бабушка сказала, что эта особа вернулась в Германию. Видимо, фон Бок отправил ее с каким-то другим заданием. В любом случае, сейчас, на момент нашего прибытия, Коха в городе нет. На первом этапе, пока цель в зоне досягаемости отсутствует, принято решено сосредоточиться на той самой линии «Т», означавшей террор. В первую очередь, это должны быть высокопоставленные офицеры вермахта. Бабушка сказала, Кох чувствует, что на него охотятся. До сентября 1942, по сведениям разведки, он практически постоянно будет в Ровно. Но потом, он всячески начнет избегать посещения этого города, большую часть времени переезжая из Кёнинсберга в Брест, а оттуда в Луцк, и лишь потом мимоходом в Ровно. Соответственно, мы должны что-то сделать либо прямо сейчас, либо, значительно позже, потому как из-за отсутствия Коха ситуаций, которыми можно воспользоваться, будет все меньше и меньше. Но раз эта особа здесь, то мы сильно рискуем.

– Да что ты, – Я потянул ее в сторону, уводя с одной

из главных улиц. – Пока ты не сказала, даже не догадывался.

– У тебя плохое настроение? – Лиза настороженно покосилась.

– Черт… Как ты думаешь? Конечно, не радужное. Осталось ещё Мацкевичу появиться…

Договорить я не успел, потому что навстречу нам шел Генрих Эдуардович собственной персоной.

Траектория движения моя с Лизонькой и Мацкевича была такова, что мы, как те два поезда, герои школьной задачи по математике. Только у нас первый вышел из точки А в точку В, а второй, наоборот, из точки В в точку А, и столкновение неизбежно.

Генрих Эдуардович поднял взгляд. Надо было видеть это лицо. Такое чувство, будто он не просто увидел привидение. Нет. Будто он увидел себя самого в роли этого привидения, потому что глаза у него стали очень круглые и норовили вылезти на лоб. Основная эмоция, красным сигнальным фонарем загоревшаяся в них, в этих глазах, – страх. Самый настоящий животный страх. Мацкевич боялся либо меня, либо Лизу до одури.

Можно было бы, конечно, рассмеяться от того, насколько глупая стала у него рожа. Вот только смешно мне не было ни капли. Вообще. По одной простой причине. Наталья Никаноровна. Никогда не поверю, будто она не догадывалась о присутствии этих двух личностей в Ровно. Никогда и ни за что. Хитрожопая бабуля знает все, причем, не только в реальном времени, но и на хрен его поймёшь, сколько веков назад. Вперёд временной промежуток меньше, однако будущее ей тоже известно. И прямо-таки Марта с Генрихом оказались в том же городе, что и мы, совершенно случайно. Да ну куда уж!

Тем не менее, надо было что-то делать. Лицо у Мацкевича белое, на лбу испарина. Его панику видно даже на расстоянии. Он того и гляди побежит в противоположную от нас сторону и не факт, что молча. А нам сейчас только криков не хватает для полного счастья. Не знаю, в чем дело, но страшно Генриху Эдуардовичу до одури.

Поэтому, я сделал единственное, что мог в этом случае. Между нами было порядка пяти – шести метров.

– Генрих, родной! Ты ли это? – Отцепился от Лизоньки и гигантскими скачками рванул в сторону Мацкевича. Тот от меня подобной прыти не ожидал. Учитывая, что находимся мы в оккупированном немцами городе, а я, на минуточку, сотрудник НКВД, о чем этому психу вполне известно, скорее всего, он думал, что наоборот, постараюсь скрыться из поля его зрения. Но нет. Это как раз было бы глупо.

Соответственно, сказался эффект неожиданности. Пока Мацкевич сообразил, что происходит, я уже оказался рядом, подхватил его под локоток, как совсем недавно Лизу, а потом сжал этот локоток так, что хрустнул сустав и очень тихо, но очень четко сказал Генриху в лицо.

– Если ты, гадина такая, сейчас дернешься или заорешь, я тебя убью. Ты должен понимать, что это не пустая угроза. Понимаешь ведь?

– Понимаю. – Ответил Генрих Эдуардович севшим голосом, а потом вдруг наклонился ко мне совсем близко и забормотал истеричным шепотом. – Я с тобой пойду, куда угодно. Только Христом богом молю, не отдавай меня этой… этому… ну, ты понял.

Мацкевич отодвинулся и перевел взгляд на Лизу, которая, в отличие от меня, бежать не стала, а просто медленно шла к нам. Он боится девчонку! Да ладно. Реально боится. Настолько, что у него даже мелко тряслись руки, я чувствовал это, а губы нервно дрожали.

– В смысле? Что не так с Елизаветой?

– С Елизаветой? – Мацкевич нервно рассмеялся, но, правда, все так же тихо. От этого смех звучал совсем уж как-то пугающе. – Какая Елизавета? Ее там не осталось. Ты чего? Зло. Чистое зло.

Я посмотрел на девчонку. Она была совсем уже рядом. Ничего особенного. Все, как обычно. Наверное, просто Генрих стал свидетелем того, как Наталья Никаноровна сунула в блондиночку что-то из своего арсенала. Очевидно, если судить по рассказу самой же Лизы, бабка-демон, чтоб доставить ее в Москву, подселила блондиночке сущность, аналогичную себе самой. Какую-то демонскую хрень. По крайней мере, черные глаза и ненормальная улыбка – верный тому показатель. Но только не пойму, что в этом Мацкевича так напугало. Уж он то вообще видел демонов в первозданном, так сказать, виде. С него же все и началось. Почему он стал вдруг столь ранимым.

– Здравствуй, Генрих Эдуардович. – Лиза, подошедшая к нам, вела себя вполне нормально. А вот психованный любитель сатанизма, не очень. Он отпрянул, едва не прижимаясь ко мне, а потом вообще посмотрел испуганно, чуть не плача.

– Я тебя очень прошу, давай без нее? Давай ее выгоним. А лучше идём куда-нибудь в церковь. Не хочу рядом с ней.

Все это Мацкевич шептал громко, будто еще больше проваливаясь в истерику. Учитывая, что мы по-прежнему стояли среди улицы, пусть уже на приличном расстоянии от центральной площади, привлекать внимание все-таки не стоило. Тем более, для стороннего наблюдателя, все это выглядело бы так. Шел

человек нормально, затем увидел «родственников» и его начало плющить.

Поэтому я громко принялся расспрашивать Генриха о семье, о том, как дела у тети Сони(первое имя, пришедшее мне в голову), о последних новостях относительно дяди Гриши(второе имя, пришедшее мне в голову), а сам дёрнул его за рукав, увлекая в сторону от тротуара. Не так далеко виднелась подворотня. На нее и примерился.

Мацкевич вообще не соображал, что происходит. Он бестолково, будто ненормальный, всячески крутил головой, стараясь держать Лизу в поле зрения. Учитывая, что она двинулась вместе с нами, но чуть сзади, выходило это очень заметно для окружающих.

Когда мы скрылись между стенами домов, я выдохнул с облегчением.

– Успокойтесь! Что за истерика? Какого черта Вы тут? В Ровно.

– Я при этой… – Мацкевич кивнул головой в сторону Лизы, – Говорить не буду.

– Тьфу ты … твою мать. – Ситуация начинала обретать абсурдные черты. Мужик, в свое время убивавший по тринадцать людей зараз, вызвавший настоящего демона и имевший с ним контакт, истерил теперь при виде блондиночки. – Хорошо. Со мной сейчас идёте и не дергаетесь. Ясно? Попробуете пикнуть хотя бы или подать знак кому-то, сверну Вам шею. Уверяю, знаю точно, как это сделать.

Мацкевич затряс головой, при том ещё пытаясь прижаться ко мне поближе. А это, между прочим, нервировало.

– Лиза, я забираю психованного к себе на квартиру. Ты сейчас отправляйся к Наталье Никаноровне и обрисуй ей ситуацию. Насчёт Марты тоже. Правда, уверен, для твоей бабки это не станет сюрпризом. Генрих Эдуардович! Хватит лезть на меня! Сейчас руку просто так сломаю! Я вам что, девка что ли?

Лизонька, прекрасно видя, как наш психованный знакомец на нее реагирует, послушно кивнула и вышла из подворотни, направившись в сторону их с бабкой-демоном нового жилья. Внешне девчонка в принципе была спокойна. Молчалива. Понятно, что встреча с двумя этими персонажами ее тоже напрягла, однако, откровенного нежелания, например, оставлять меня с Генрихом наедине, не заметил. Тут же сам себя мысленно одернул. Чего я ведусь-то на высказывания психа? Даже блондиночку начал подозревать. Нашел, кого слушать.

– Идем. – Потянул Мацкевича за собой, очень надеясь, что к дому, где живу, мы доберёмся без приключений.

Глава 10

Как только вошли в квартиру, Генрих Эдуардович вообще вдруг резко стал спокоен. Он и на улице, кстати, вел себя прилично пока мы вдвоем топали к месту жительства. Уход Лизы снова вернул его в адекватное состояние.

– Проходите, припадочный вы мой. Что это было? Теперь-то можно узнать более подробно?

Генрих снял обувь и по полосатым домотканым коврам прошел вглубь квартиры. Я, естественно, не отставал ни на шаг. Знаем мы этих психов. Сейчас ведёт себя хорошо, только отвернусь, разобьёт голову. Или ещё что хуже.

– Я присяду? – Он указал на стул. – Рассказ наверное выйдет долгий.

– Да можете даже прилечь. Я до утра совершенно никуда не спешу, поэтому готов слушать Вас из любой позиции.

– Спасибо. – Не знаю, за что конкретно благодарил меня этот человек, но однозначно, он сильно изменился с момента случившегося в Калинине. По сравнению с нашими прошлыми встречами, здоровее его голова точно не стала, однако, безумие, раньше державшее под контролем поступки Мацкевича, будто изменилось. Пропал сумасшедший блеск и азарт, на смену пришла пустота, сильно связанная со страхом.

– Хочу рассказать тебе, Иван, все с самого начала. Часть уже не помню. Как в бреду все. Как во сне. Но… иногда случаются проблески и всплывают картины.

– Очень интересно. Послушаю с удовольствием. – Подвинул второй стул в сторону, чтоб Генрих оказался немного, как бы, передо мной, а не на одной линии.

– Так вот… Это было слишком давно, я уже и не скажу, когда именно. Просто однажды мне начали сниться сны. В них приходила красивая женщина. Очень красивая. И говорила со мной. Говорила, как несправедливо поступила жизнь с моей семьёй. Как ужасно, что Российская империя, великое, могущественное государство оказалось в руках бедняцкой швали. Я был уже в Париже. По Родине тосковал, но как-то оно начало забываться. Привыкал, наверное. Но эти сны… Прямо покой потерял. И страшно было почему-то, и волнительно. Хотел ее видеть.

– Кого ее? – Мацкевич говорил немного сумбурно, через слово сбиваясь, поэтому решил, лучше уточнять всякие нюансы,

чем потом соображать, а что же я не понял.

– Женщину. Ту самую, которая приходила во сне. Она сказала, что … – Генрих вдруг захихикал, а потом чуть наклонившись в мою сторону, сказал, – Сказала, что хочет меня. Да. Меня. И никого другого. И что, если я стану достойным ее внимания, то она подарит мне свое тело. О-о-о-о-о… Какое у нее было тело…

– Так. Хорошо. Насчёт тела давайте в следующий раз. Больше по главной сути. – Мацкевича мотыляло из одного состояния в другое. Вот он пять минут говорит нормально, а потом тут же, превращается в маньяка. Потом снова просветление. Следом – опять шизофрения. Причем, походу, даже не вялотекущая. А при воспоминании о прелестях красотки из сна он вообще чаще задышал, и мне это очень не нравилось. Его явно возбуждала одна лишь мысль о предмете своих мечтаний.

– Ладно. Так вот. Она сказала, что мы будем вместе, но я должен ее спасти. Ее и Россию. Что она находится где-то на территории Союза. В застенках. Но так как мы, Мацкевичи, всегда были особенными, видели другой, более тонкий мир, то это дало шанс связаться со мной. В общем, она рассказала, что есть книга. Это очень могущественная вещь. Очень. С ее помощью я уничтожу врагов России. Повергну их в состояние безумия. И разыщу мою девочку.

Черт. Какая-то ахинея выходит. Девочки в застенках… Эротические фантазии любителя БДСМ. Наталья Никаноровна никакие влажные мечты Генриха не упоминала. Речь шла только о спасении наследия Российской империи, в виде самой же возрождённый империи. И, возможно, я бы счёл рассказ Мацкевича придуманным, если бы не вот эта связь. Что о книге ему рассказала именно женщина.

– Я все совершал только ради нее. Только ради нее… А она меня бросила. Понимаешь? Вот она женская сущность.

Конечно, ни хрена я не понимал. Какая, к черту ещё баба? Наталья Никаноровна на роль соблазнительницы явно не годилась. Мацкевич хоть и псих, но все-таки это уже совсем за гранью. Ей реально херова туча лет. Имею ввиду, само тело. Она реально старуха. Прям старуха.

– Скажите, вы имеете в виду, что вам мерещилась неизвестная, мне по крайней мере неизвестная, дама и вы исполняли ее желания?

– Почему мерещилась? – Генрих Эдуардович посмотрел на меня с удивлением. – Ну, сначала, да. Мерещилась во сне. Но потом, приехав сюда, я нашел ее.

– Так. Стоп! Показания начинают разниться. Вы разыскали

книгу и вызвали демона, совершив жертвоприношение, для которого было убито определенным образом тринадцать человек. Верно?

– Да. – Генрих стал очень довольным и закивал головой, как китайский болванчик. Будто я не об убийстве говорил, а о чем-то очень приятном.

– Хорошо. Дальше Вы по совету данной сущности, отдали книгу своему ученику, которые отправился с ней в Союз, потому как вещь эта должна была запустить проклятие, в итоге которого большевики погубили бы сами себя. Правильно рассказываю?

– Совершенно правильно.

– Двигаем тогда дальше. Оказавшись в Москве, с помощью друга-чекиста и по науськиванию все того же демона, вы узнали, что ученик ваш убит, а книга пропала. Потом исчез и демон. Вы принялись искать книгу, чтоб вернуть себе власть над дьявольским существом. Попутно, помня приблизительно ритуал, совершали его ещё несколько раз, рассчитывая, что без книги он тоже сработает.

– Да. Все верно. Только один момент ты упускаешь, Иван. Ещё была долгожданная встреча с ней…. Демон… Демон, да, помогал. Но главное – это она. Моя девочка.

– Да епте мать! Кто она-то?

Возможно, я бы мог допытаться от Генриха Эдуардовича какого-то вразумительного ответа. Вот только внезапно он вдруг замер, посмотрел вниз, а потом поднял на меня взгляд совершенно безумного человека. Хотя, казалось бы, куда уж безумнее. Однако, в данную секунду его кукуха окончательно сказала: «Привет». Ещё за мгновение до его следующего действия, я понял, сейчас кинется. Так и вышло.

Мацкевич вдруг сорвался с места и бросился на меня, пытаясь вцепиться в горло. Естественно в мое горло, чего я, как бы, точно не собирался допускать. К тому же, сделать это Генрих норовил зубами. Ладно ещё умереть по-пацански. Но когда какой-то левый мужик присосется к моему горлу, даже желая его просто прокусить, упаси боже. Я очень рьяно отношусь ко всем этим темам. Ну, и, откровенно говоря, на моей стороне было крепкое, молодое, здоровое тело, плюс опыт, имеющийся в голове. Да, мозг, может, не так уж ладит с рефлексами, как хотелось бы, но что ж я, с психованный Генрихом не справлюсь.

А вот оказалось, что вполне мог не справится. Бытует же мнение, будто сумасшедшие в минуты обострения становится гораздо сильнее. Так и есть. У Мацкевича буквально открылось второе дыхание и включились резервы. Мы свалились на пол и катались по нему, как две гориллы, дерущиеся за место

под солнцем. Хотел бы сказать, как львы, или как тигры, но на гордых царей звериного мира мы походили очень мало. Мацкевич пыхтел, вращал глазами, периодически рычал и вообще издавал довольно-таки странные звуки. В какой-то момент я понял, что шанс проиграть достаточно велик, на самом деле. Тело Иваныча подчинялось попыткам мозга дать ему те знания, которые имелись, но не в полную силу. А вот Генрих, обладая дурниной неадекватного, больного человека, пёр напролом, продолжая свои попытки подобраться к моему горлу. Внезапно, у него словно случился прилив новых сил и Мацкевич рывком ухитрился схватить меня за шею. В эту минуту, стало вполне очевидно, я реально имею все шансы остаться в этой чужой квартире, в чужом городе и в чужой жизни навсегда. Но только трупом.

Максимально собравшись, перевернулся, увлекая за собой Генриха так, что теперь он оказался внизу, а я – сверху. Потом, ухватил его за что-то, подвернувшееся под руку. Вроде ворот одежды, что ли. Не могу сказать наверняка. В этой безумной возне уже было не понятно, кто, кого и как держит, а потом со всей силы приподнял противника и с такой же силой, вложив всю свою злость, ударил его об пол затылком. Затем ещё раз. Потом снова. Мне надо было вырубить Мацкевича. Неожиданно он вдруг расслабил свою хватку, обмяк а потом посмотрел на меня, улыбнувшись, и вообще отключился. Его глаза оставались все так же открыты, но словно остекленели. На долю секунды мне показалось, что в них мелькнула привычная, знакомая чернота. Правда, тут же они стали совсем обычными.

– Генрих Эдуардович… – Я был конечно рад, что наша драка прекратилась и моя цель достигнута. Мацкевич лежал без движения. Но и взгляд, подобный этому, прекрасно мне знаком.

Из-под головы Генриха медленно растекалась красное пятно.

– Эх, Иван, Иван…Что ж ты так… Живого человека… Да головой о пол… Эх…Вот вы, современные люди. Все бы вам свою агрессию выплеснуть. Никакой духовности.

Я обернулся назад. В дверях стояла Наталья Никаноровна. Судя по ехидному выражению лица, бабка-демон, как всегда, глумилась. Она покачала головой, а потом прищелкнула языком, для большего эффекта своих слов. И я бы, возможно, ей поверил, будь это наша первая встреча. Сейчас же, показное сожаление Натальи Никаноровны вызывало у меня только злость.

– Вы… – С трудом сдержал себя в руках.

Хотелось подскочить к ней, ухватить ее старческую, со сморщенной кожей шею, потом повторить то же самое, что произошло с Генрихом Эдуардовичем. А вот это совсем

не хорошо. То, что теряю контроль.

В пылу этой возни, когда дрался с Мацкевичем, будто пелена была перед глазами и в сознании. Заволокло. Только сейчас дошло. Вообще не соображал, что делаю. Было лишь одно понимание в тот момент, Генрих опасен, его надо остановить.

– Это Вы устроили… Да? Тогда, в заброшенном доме, когда он меня первый раз пытался припугнуть. Вы же сказали, когда усыпили Мацкевича и мы ушли, будто придет момент, когда я с ним разберусь до конца. Знали, что так и будет. Или планировали.

– Ой, ну, все. Запричитал. Ты мужик или что? – Наталья Никаноровна подошла ближе, рассматривая Генриха Эдуардовича с высоты своего скромного роста.

– Его срок вышел. Так надо. И, между прочим, сейчас снова изменилось будущее. Да, не дергайся. В лучшую сторону. Вернёшься, сам увидишь. Спасибо ещё скажешь старухе. Кстати… можешь не мучаться угрызениями совести. Если вдруг такая глупость приключиться. Вам же, людишек, обязательно тянет на пострадать. Он давно был мертв. Видишь ли, Иван, играться с тем, что сильнее тебя и опаснее, дело очень неблагодарное. Он умер в тот момент, как только провел первый ритуал. Пришло время платить по долгам.

– По каким долгам? – Я нервно засмеялся. – Он же от Вас по сути ничего не получил. Вы обещали ему власть, богатство, что там ещё… Обещали, будто он станет новым императором. Обманули. Так выходит.

– А потому что, Ваня, надо правильно формулировать свои желания. Правильно! Когда ты говоришь, хочу денег, например. Много денег. Так ты уточняй, откуда и каким образом. Как вариант, хочу выиграть миллион в лотерею. А то же я могу большу́ю сумму из государственного банковского хранилища перекинуть. Объясняйся потом с ментами, как это вышло. Найдут ведь все равно по купюрам. А вы же не думаете головой. Глаза вылупите и «хочу». Сколько раз говорить, Иван, ничего просто так не приходит. Халява, как это в твоём времени называют – штука опасная. Цену все равно придется отдать. Но ты никогда не узнаешь, какой она, эта цена, окажется в итоге.

Бабка-демон присела рядом, зажала ридикюль под мышкой и провела пальцами по щеке Мацкевича.

Я медленно отполз, прямо как сидел, на заднице, а потом поднялся на ноги, стараясь наоборот, избегать стеклянного взгляда Генриха Эдуардовича.

– Он говорил о какой-то женщине.

– Женщине… Да хрен его знает, чего там больное

воображение рисовало. Совсем мужик головой стал слабый. Да он и был слабый…

Наталья Никаноровна продолжала разглядывать бледное лицо лежащего на полу Мацкевича.

Не сказать, будто мне его было сильно жаль. Всё-таки, этот тип убивал людей ради абсолютно нелепой цели. Да и вообще. Просто убивал. Детей. Не надо забывать. С одной стороны, он, вроде, жертва дьявольских сущностей, но с другой… Как ни крути, бабка-демон верно говорит, у каждого всегда есть выбор. Просто… было все равно не по себе. Опять же, не впервые я отнимаю жизнь. Однако в тех случаях все складывалось немного иначе.

– Ты, Иван иди погуляй. Мне надо делом заняться.

С подозрением уставился на бабулю. Каким, к чертовой матери, делом?

– Иди, иди. Не бои́сь. Все будет хорошо. Говорю же, Генрих знал, на что шел изначально. За свои «хотелки» приходится платить. Теперь – его время возвращать долг. И… сильно не удивляйся ничему. Понял? Сейчас шуруй к Лизке. Завтра дел не в поворот. А у нас ещё Марта по городу шляется.

Действительно. Марта… На фоне случившегося, я забыл об эстонке. Но Наталья Никаноровна напомнила сама.

– Тоже ваших рук дело? Давайте честно. Вы их обоих сюда привели? Или нас к ним. Неважно.

– Кто? Девка эта? – Бабуле, похоже, надоело пялиться на Мацкевича, поэтому она поднялась на ноги, правда, при этом демонстративно кряхтела и охала, жалуясь на старость. – Нет. Марта сама, по своей инициативе, приехала для встречи с Генрихом. Он ей весточку послал, где будет. А девку отправили … как бы это назвать… боссы? Командиры? Хозяева? В общем, понял смысл. Не даёт книга моя никому покоя. Ох, как не даёт.

– Так им зачем? Гитлер – понятно. Там Белиал разогревает интерес и подталкивает к действиям. Но… Вы же знали, что Советский союз победит.

– Знали, конечно. Это игра, Иван. Сколько раз говорить. И она может из-за какой-то ошибки пойти не так. Ты давай, не забивай мне голову. Иди отсюда. Поверь, мои дальнейшие действия точно не придутся тебе по душе. И Лизке не рассказывай. Понял?

Наталья Никаноровна зыркнула на меня недовольным взглядом.

Я вышел. Сначала из комнаты, потом из квартиры. Адрес, где сейчас была Лиза, помнил хорошо. Поэтому, сразу отправился туда. Уточнил, правда, направление, у случайного прохожего,

когда оказался на одной из оживленных улиц.

Дом был практически точной копией моего. Лизонька, похоже, переживая, металась по своему новому жилью в ожидание известий, поэтому, как только чуть коснулся закрытой двери, собираясь постучать, она тут же распахнулась.

– Ты? – Девчонка отсутупила назад, – А я думала, бабушка вернулась. Она, как услышала про встречу и с Мартой, и с Мацкевичем, сразу выскочила из дома. Сказала, проблему надо решать. Ну, что там? Как Генрих? Слушай, он стал совсем ненормальным. Почему на меня отреагировал, будто я – какое-то исчадие ада.

Блондиночка посторонилась, пропуская меня в квартиру.

Я молча пошел внутрь и первым делом отправился мыть руки. Тер из долго, наблюдая, как из крана течет вода. Мыслей в голове не было никаких. Просто глухая, звенящая пустота.

– Иван… Что случилось?

Девчонка либо чувствовала мое состояние, либо просто банально его видела.

– Ничего особенного. – Ответил, помня о словах Натальи Никаноровны, ничего Лизоньке не рассказывать. Пока что промолчу. Правда, теперь я уже понимал очень хорошо одну вещь. Никому из них нельзя верить. Наверное, только девчонке.

– Лиз… – Посмотрел на нее. – Пойдем в спальню. Сил нет, как устал от этого всего. Просто хочу тебя обнять, закрыть глаза и вырубиться.

Про себя ещё подумал, а потом открыть их и увидеть, что нахожусь в своей жизни, в своей постели. Нигде не бегает маньяк, никто не вешает на меня убийство. Дед спокойно на том свете пребывает. Единственное, что бы изменил, это – Лиза. Чтоб была рядом. И все.

Глава 11

Прошло почти три недели с того первого дня нашего пребывания в Ровно. Это даже удивительно, но ничего сверхординарного не происходило. Марта канула в неизвестность и больше на глаза не попадалась, а сама Наталья Никаноровна об этом не говорила ни слова. На мои попытки выяснить ситуацию, коротко отрезала: «Занимайся своим делом! У тебя есть задание». Непонятно, правда, что она имела в виду под этим. Какое конкретно задание? Если с точки зрения службы, так все шло хорошо. Что тоже странно. Я уже привык к постоянно сыпавшимся, как из рога изобилия, сложностям.

На следующий день после произошедшего с Мацкевичем, я отправился в жандармерию.

Первый вопрос, который опять мне задали, по какой причине вернулся домой, в Ро́вно. Я опять, как и при проверке во время приезда, минут десять заливался соловьём о великой германской армии и светлом будущем, которое она принесет на территорию бывшего, в этом месте сделал акцент, Советского союза. Фриц удовлетворённо кивнул, ещё раз внимательно просмотрел документы, задал несколько вопросов об образовании, ответы на которые, конечно, я заранее выучил, а потом сообщил мне благую весть о принятии на должность архивариуса. Ещё минут десять я изображал радость, заверяя фашиста в том, что буду самым лучшим архивариусом среди всех архивариусов мира.

Лиза тоже устроилась в секретариат.

Мы встречались каждый день, гуляли, посещали доктора, который с умным видом осматривал Наталью Никаноровну, а потом выписывал рецепт. На бумажке среди латинских слов были обозначены имена тех, чье передвижение и возможные запланированные действия нужно узнать.

Итогом подобных посещений становилась так называемая «Охота на индюков». Так ее обозначил наш босс и руководитель. По сути это были подвижные засады.

Перед немцами на дороге появлялась телега, на которой сидели пять – шесть обычных местных мужиков, якобы едущих по своим, мужицко-крестьянским делам. Как только машина офицера и мотоцикл ее сопровождавший приближались, совершенно простые на вид мужики выхватывали спрятанное оружие и уничтожали распределенные заранее между собой цели.

А целями, естественно, становились личности

из руководящего состава немецкой армии. Причем, за три недели данная «неприятность», для немцев, конечно, «охота на индюков» являлась неприятностью, происходила достаточное количество раза. Ровно после того, как немного странная бабуля мимоходом появлялась в жандармерии, разыскивая внучку.

На старушку особо не обращали внимания, уже зная, что дамочка с приветом. Адекватность покинула ее много лет назад на фоне того, что пришлось пережить бедной представительнице дворянского рода со стороны большевиков. Поэтому, при виде больной пожилой женщины, фрицы в первый раз напрягшиеся, потом просто похохатывали, ибо смешной бабка-демон точно умела быть.

Фрицы после двух смертей офицеров, пребывали в ярости. Оба случая коснулись достаточно высокопоставленных чинов, но найти концы, откуда пошла информация, ровно как следы пребывания самой группы нападавших, не могли. От этого бесились ещё больше.

Надо отдать должное, на благо отечества трудилась не только Наталья Никаноровна. Товарищ Грачев тоже прилагал максимум усилий.

Его заслуга, в первую очередь, состояла в том, что он целенаправленно собирал важную для Центра разведывательную информацию. Ту, к которой пока что, доступ мог получить лишь Пауль Зиберт.

Одной из его первейших задач, в частности, был сбор сведений о передвижении воинских частей, о планах и намерениях служб гестапо и самого Эриха Коха, на смотря на постоянное, как и предрекала Наталья Никаноровна, отсутствие последнего. Данные, полученные Грачевым, с успехом использовалось в борьбе с врагом. Порой разведывательной информации о противнике было так много и она была настолько важной, что радисткам отряда «Победители» приходилось передавать ее в Москву несколькими сеансами в день. Наблюдая работу Колониста в реальном времени, в режиме, так сказать, онлайн, я понял, отчего он считался лучшим среди разведчиков Великой Отечественной и стоял в одном ряду с тем же Зорге. Для Грачева не было преград. Он точно знал, что надо, а поэтому делал вещи, которые, возможно, могли бы привести его к печальному концу, однако, делал красиво, профессионально. Единственное, что пока оставалось за гранью его и наших возможностей, это сам Эрих Кох. Немецкая гадина реально будто чувствовал опасность и поэтому в Ровно если появлялся, то крайне неожиданно, наскоками, на очень короткое время.

Однако, несмотря на это, заняться было чем. Тем более,

почти сразу после нашего прибытия, в штаб отряда «Победители» поступила радиограмма из Москвы. Центр сообщал, что, по некоторым сведениям, где-то на Украине находится полевая ставка Гитлера. Отряд, а в первую очередь сам Грачев и наша скромная группа сумасшедших, я мысленно назвал ее именно так, потому что при взгляде на бабку-демона, которая периодически появлялась в здании жандармерии и бродила там по коридорам, пугая встречных фрицев вопросом, не вида́ли ли они, куда подевался Николай Александрович Романов, того и гляди послы прибудут, должен был установить местонахождение ставки.

После внимательного изучения обстановки, парочки прогулок Натальи Никаноровны по жандармерии, поиск был ограничен тремя географическими точками: Луцком, Киевом и Винницей. Вскоре из этого списка были вычеркнуты Луцк и Киев. Тут сказались исключительно логические выкладки Грачева и аналитический способ мышления, как она сама уверяла всех нас, бабки-демона. Насчёт последнего я, конечно, может и был согласен, насчёт аналитики, но в большей мере, думаю, хитрожопая бабуля просто знала, где искать. Слишком довольный был у нее взгляд.

Ставка не могла находиться в крупном городе, она должна была быть тщательно замаскирована, а ее район надежно охраняться. Все же не абы кто имеет к ней отношение. Поэтому изначально выбор пал на эти три города, но вот по остальным параметрам подходила именно Винница.

Основную базу отряда «Победители» от данного места отделяли почти 500 километров, и направление туда разведчиков было связано с большим риском. Поэтому, убедиться по факту, оказавшись именно там, возможность отсутствовала. Слишком велика вероятность провала. Позволит себе это мы никак не могли.

Поэтому сбор данных об объекте Грачев начал с изучения обычных газет, издававшихся оккупационными властями. Сначала я не понимал, что именно он ищет. Вскоре разведчик обратил внимание на заметку в националистической газете «Волынь». В ней говорилось о том, что в Виннице состоялся концерт артистов Берлинской оперы, на котором присутствовал рейхсмаршал Герман Геринг, второе лицо в Германии. Казалось бы, факт, не имеющий отношения к поставленной Центром задаче.

Несколько позже другая газета «Дойче Украинише цайтунг» сообщила о том, что на постановке оперы Вагнера «Тангейзер» в винницком театре находился генерал-фельдмаршал Кейтель, являвшийся командующим вооруженными силами Германии.

И только, когда Колонист начал разбирать эту информацию на составляющие, я понял ход его мыслей. Что забыли в скромной Виннице, которая теоретически, даром никому не нужна, два высших государственных деятеля Германии? И почему именно туда приезжают с концертами берлинские артисты? Тоже, не бродячий цирк, на минуточку.

Через некоторое время от своих знакомых, служивших в рейхскомиссариате Украины, находившемся в Ровно, Колонист узнал, что близкий друг Гитлера, имперский комиссар Украины и гауляйтер Восточной Пруссии, а так же наша непосредственная цель, которая крутила хвостом, словно хитрая лица перед охотниками, Эрих Кох срочно выехал на несколько дней в Винницу. Наконец, туда же, в Винницу, вот ведь неожиданный интерес к затрапезному городу со стороны практически всего высшего руководства, неожиданно отправился, отложив все дела, хороший знакомый Грачева, а он успел обзавестись друзьями среди фрицев, штурмбаннфюрер СС фон Ортель. Перед отъездом последнего, Колонист организовал им дружеские посиделки, и фон Ортель проговорился за рюмкой коньяка о возможной встрече с «рейхсфюрером». Даже самому последнему идиоту, а разведчик таким точно не являлся, было известно, что звание рейхсфюрера СС в гитлеровской Германии имел только один человек – Генрих Гиммлер. И вот уж этот человек, однозначно, мог находиться в Виннице только в том случае, если там присутствовал Гитлер.

Вот такая интересная дедукция у нас, а точнее у Грачева вышла по итогу. Из всех этих данных, стало ясно, что полевая ставка Гитлера расположена либо в Виннице, либо поблизости от нее. Оставалось только получить этому документальное подтверждение. Простых слов и пояснения, что мы так думаем, для Центра было мало.

Поэтому была разработана очередная операция. Сначала Наталья Никаноровна, которую вдруг накрыло обострения болезни, «случайно» забрела в то самое заведение, где отдыхали немецкие офицеры, в том числе, самого высшего звена. Хозяин в первые минуты впал в ступор, наблюдая, как милая бабушка с ридикюлем под мышкой, подсаживается к фрицам и на прекрасном немецком языке рассказывает им, что корнет какой – то там, сволочь и гад, обесчестил ее и сбежал с фамильными драгоценностями. Особенно волнительной была часть о процессе обесчестивания. Благо, поведение сумасшедшей, ставшей достаточно известной в стенах жандармерии, не вызвало у военных раздражения или злости. Наоборот, они заказали ей вина и со смехом поддержали беседу. Тем более, большинство

уже знали, что эта страненькая особа имеет очень дале привлекательную внучку. И обе они вроде как благородных кровей.

После вечера, проведенного бабкой-демоном в компании немецких офицеров, произошел возмутительный, с точки зрения фашистов, случай, который связать с сумасшедшей бабулей никто даже не подумал.

На участке шоссе Киев–Львов наш руководитель и его товарищи по отряду провели дерзкую операцию по захвату штабной автомашины с офицерами связи – майором графом Гааном и имперским советником связи подполковником фон Райсом. Теоретически, маршрут из движения был неизвестен никому, кроме самого Гаана, который в эту минуту даже не вспомнил о недавнем чу́дном вечере, проведенном в обществе смешной бабки.

После изучения имевшихся при фрицах карт и активного допроса арестованных, Колонист получил окончательные данные о том, что ставка фюрера, имевшая кодовое название объект «Вервольф» («Оборотень»), находится под Винницей, в деревне Якушинцы, что в двух километрах от села Коло-Михайловка, в роще, в двухстах метрах от шоссе Винница–Киев. Подробная информация о местонахождении полевой ставки Гитлера была передана в Центр.

В общем, трудились мы, живота не жалея. Точнее, все, кроме меня. Я просто, как дурак, ходил в жандармерию, перебирал архив, наводя в нам порядок и проводил очень много времени с Лизой. Это, кстати, изрядно нервировало. Не Лиза. С этой стороны был очень даже рад. Именно мое ничего не желание, в отличие от остальных. Вот, что бесило. Ощущал себя каким-то никчёмным придатком. Однако на все мои попытки подключиться к процессу, Наталья Никаноровна реагировала крайней степенью психа.

Вот это вялотекущее состояние, мое естественно, было прервано очень внезапно тем, что теоретически, никак произойти не могло. В нашем доме, а учитывая, что бо́льшую часть времени я проводил у Лизы, поэтому стал автоматически считать их квартиру «нашей» появился Мацкевич.

Первой моей реакцией было ощущение, что я схожу с ума. Просто однажды вечером Наталья Никаноровна как-то резко напряглась, будто услышав посторонний шум. Сидела несколько минут, наклонив голову к плечу. Лицо у нее было внимательное, сосредоточенное. Учитывая, что в основном состояние бабки-демона больше напоминало выступление юмориста прежних времен, по отношению к моему, конечно, настоящему, я сразу

понял, что-то не так.

– Сейчас у нас будут гости, – выдала вдруг бабуля.

Ни я, ни Лиза не успели спросить, кто, по какому поводу, как входная дверь хлопнула, хотя отлично помню, что закрывал ее, и в комнату вошёл Генрих Эдуардович. Девчонка удивлённо посмотрела на бабку. Причина ее реакции – факт принадлежности Мацкевича, условно говоря, враждебной стороне. Лиза ведь не знала, что произошло в моей квартире. Я же просто охренел. По сути, явился человек, в смерти которого у меня лично не было сомнений.

– Привет, Генрих. Проходи, не стесняйся.

Бабуля кивнула гостю. Я машинально оглядел быстро комнату в поисках любого предмета, которым жизненный путь этого товарища можно будет прервать повторно. Ну, потому что явившееся существо может быть опасно. Черт, не могу назвать его человеком, по одной простой причине, он им быть не может. То, что Генрих Эдуардович некоторое время назад был скорее мертв, чем жив, так же несомненно, как то, что у меня в наличие имеется одна голова, две руки и две ноги.

Наталья Никаноровна, заметив мою реакцию, усмехнулась.

А вот Мацкевич, как ни в чем ни бывало, прошел в комнату, где мы ужинали и с довольным видом уселся за стол. Я с сожалением отодвинул от себя тарелку. С сожалением, потому что есть вообще-то хотелось. Отодвинул, потому что кусок в горло теперь не лез. Да и как полезет, если рядом сидит какая-то неведомая дрянь.

– Здравствуй, Иван, – Генрих Эдуардович, будто специально, выбрал место напротив меня, чтоб наверняка испортить аппетит больше испорченного. До кучи ещё и подмигнул по-свойски.

– Что там? Информация появилась? – Наталья Никаноровна поддела ложкой плавающий в маринаде гриб, отправила его в рот и на секунду сладко зажмурилась. Эта ее фанатичная страсть к еде оставалась неизменной, независимо от обстоятельств и ситуации.

– Есть маленько. – Мацкевич, совершенно без стеснения принялся брать с тарелки, где лежала вареная картошка, политая сверху тушёнкой, еду. При этом, выражение его лица было ровно, как у бабки-демона. Довольное доне́льзя.

Смутное подозрение, которое возникло у меня при его появлении, начало перерастать в четкую уверенность. Судя по всему, у нас теперь имеется ещё один представитель семейства Натальи Никаноровны. И я в данном случае вовсе не княжескую фамилию имею ввиду.

– Хорошие или плохие? – Бабуля совершенно спокойно

продолжала свою беседу с Генрихом Эдуардовичем, в то время, как мы с Лизой сидели дураки дураками. Ибо даже тема этого разговора была нам абсолютно неясна.

– Да как посмотреть. – Нежданный гость пережевывал картофель, чуть ли не причмокивая от удовольствия.

Я понял уже давно, им и правда нравится все, что касается человеческой жизни. То, что даёт какие-то ощущения. Не важно, эмоции, чувства, вкус. Похоже, там, у себя, они действительно не имеют ничего подобного, а потому наслаждаются возможностью получить это здесь.

– Ну, так хоть как-нибудь посмотри. Хотелось бы понимания. – Наталья Никаноровна вела себя и говорила так, будто Мацкевич подчинённый.

Я снова задумался о ее личности. Той, которая внутри. Почему-то присутствовала уверенность, это важно. Причем, появлялась данная мысль уже не впервые. Но каждый раз меня будто специально отвлекали от подобных размышлений.

– Да в общем-то всё хорошо. Перелом пошел. Обратно уже не вернёшь. Все, как и положено. – Мацкевич натурально отчитывался бабуле. Так я, например, в свое время сообщал начальству о достигнутых результатах.

– Лизок, сделай-ка нам чайку.

Девчонка, нахмурившись, посмотрела на бабку-демона, но с места не двинулась.

– Иди говорю, мужикам пообщаться надо. – Наталья Никаноровна в ответ уставилась на блондиночку таким же недовольным взглядом.

Минут пять они соревновались в упрямстве. Сложно не догадаться, кто победил. Лиза встала, громко отодвинув стул, и пошла в кухню.

– Что за хрень? – Едва девчонка оказалась вне пределов комнаты, я тут же набросился на Наталью Никаноровну.

– Ты про что, Иван? – бабуля вопросительно подняла обе брови, отчего ее сморщенное лицо стало похоже на удивлённое печеное яблоко.

– Про него. – Я в наглую ткнул пальцем в Мацкевича, который в этот момент жевал очередную порцию. На мгновение Генрих Эдуардович перестал работать челюстями, завис, глядя на меня, потом одним заходом проглотил картошку и выдал.

– А что со мной? – При этом взгляд его был честный-пречестный.

– Да. А что с ним? – Наталья Никаноровна сделала такое же невинное лицо.

– Вы издеваетесь оба. Кто это? Вот это? Вон он? Кто там

внутри?

Бабка-демон переглянулись с Генрихом и откровенно заржали. Суки. Чувствовал себя в этот момент чистым дураком.

– Гляди-ка, Иван, ты стал прямо проффи в вопросе потусторонних сущностей. А помнится, при первой встрече, доказывал, что я – либо сон, либо бред. – Мацкевич потянулся за новой картофельной, но тут же получил смачный удар по руке от бабули, которая заявила, хватит жрать, самим мало.

– Белиал? Серьезно? – Слова Генриха однозначно говорили, так и есть. В нашу первую с ним встречу мы были вдвоем и да, я тупил со страшной силой. А как не тупить, если ты вдруг из обычной жизни перенёсся в форменный сумасшедший дом.

– Ой, ну завелся. Генрих Эдуардович, хватит жрать! – Наталья Никаноровна выхватила тарелку у Мацкевича. – Я не для того Лизку прочь отправила. Итак. Обсудим. Партия в полном разгаре. Всё идёт, как до́лжно. Но у нас имеется один выбыший игрок. Это – Елизавета. Вопрос волнительный и очень важный. Девочку надо вернуть к утерянному состоянию.

– Стойте! – Я стукнул кулаком по столу. – Будьте добры, объясните мне несколько вещей. Война. Ок. Но она итак была выиграна. Зачем вообще вся эта суета. Ладно, я понимаю, события были изначально связаны с книгой, о чем, естественно, в официальной истории нет ни слова. Хорошо. Но! Зачем вы хотели чтоб я спас Василия, приблизительно понимаю. Нужен был человек, представитель, так сказать, белой стороны. Потом крест и отец Алексей. Ладно. Просто не могу понять, если бы не получилось, войну проиграли бы?

– Началось… – Бабка-демон закатила глаза, демонстрируя, как сильно я ей надоел. – Да, Иван. Война была бы проиграна. Потому что, если ты заметил, твоя страна выстояла только благодаря неимоверной, очень упрямой вере в то, что победа возможна и никаких других вариантов не будет. Если бы мы не смогли добиться вступления в игру белых, то партия сыграла бы в нашу пользу. И да, все вы жили бы совсем в другом будущем. Если утрировать, события развиваются до определенной точки, которая неизменна. Например, такой точкой было рождений Володи Ульянова. Не родись он, революции бы не случилось. Российская империя так и осталась бы империей. Следующая точка – война, которую мы сейчас наблюдаем. Но вот тут, к примеру, рождение или нерождение Адольфа не решает ничего. Он – пешка. Ульянов – игрок. Улавливаешь разницу? Именно в таких точках существует возможность изменить будущее. Либо допустить, чтоб оно изменилось само. Вот для победы Союза нужна была вера, которая позволила бы белым

действовать. Они не мы. Нам не нужно со стороны людей ничего, кроме их греховной натуры. А она, ваша натура, поверь, очень греховная. Чистоплюям непременно, обязательно необходимо, чтоб в них верили. Только тогда они имеют доступ к этому миру. Ты думаешь, почему книга вообще оказала то влияние, которое оказала. Вспомни. После 1917 что делали большевики среди своих основных мероприятий? Правильно. Церковь уничтожали. Потому что интуитивно чувствовали, так надо. Можно сказать, книга сама себя защищает таким образом. Ещё раз объясняю, нам не нужен мир, где воцарился ад. Своего вполне хватает. Поэтому нужна была твоя помощь. Иваныч Василия прошляпил. Правда, книгу не отдал. Это да. Но в первую очередь нужен был Васька. Васька и его вера. К Иванычу не подступишься. У него после Васькиной смерти неприятие всего, что связано с книгой. Ему в лоб не скажешь. Не верит никому. Свое детство он не помнит. Что с родителями стало, не знает. Когда Иваныча тот мужик, которому его брат отвел, в Москве бросил, много пацан хапнул. Не помнит он ничего. Свято верит в то, что Союз ему все дал. И не подступишься к нему никак. Поэтому пришлось тебя задействовать. Точнее, не совсем так. Именно твою кандидатуру выбрала Звезда. Как видим, не ошиблась. Все, что надо было сделать, ты сделал. И не закрути вы с Лизой всю эту романтическую лабуду, давно бы уже расплевались. Но девочку надо вернуть к обычному состоянию. Надо! Понял? Потому как очень скоро произойдет решающий момент игры. И королевой в нем будет Лизка.

Глава 12

– Значит так. Дальнейший план наших действий будет выглядеть следующим образом. Здесь мы своей цели благополучно достигли. Генрих останется в Ровно за Грачевым приглядывать и ситуацию с Кохом контролировать. – Наталья Никаноровна нахмурилась и с сомнением посмотрела на Мацкевича. – Ты там у немцев в их бюргерстве больно расслабился. Нет?

– Обижаешь. – Белиал откинулся на спинку стула, довольно поглаживая себя по заметно округлившемуся животу. – Тоже, знаешь, не сахар. Адольф постоянно в истерике. Ногами топает, волосы на голове дерет. И между прочим, не всегда на своей. Срочную победу требует. Ему же обещали. Геббельс, тот ещё жук, тоже выкруживает. Все нервы потрепали. Вынь положь им мировое господство. Придурки, говорю тебе. С миром-то потом что делать? Это же какое хозяйство на руках. Нет, мания величия у всех. Медом не корми, дай плюнуть в вечность. Хотят, чтоб их имена были выбиты на скрижалях. Не переживай, все будет на уровне. Моя цель, не дать вашему Колонисту Коха уработать…

Мацкевич осекся, но поздно. Естественно, я прекрасно услышал, что он сказал. На «показалось» в данном случае тоже не спишешь.

– Не понял…

Бабка-демон поморщилась, недовольная разговорчивостью Белиала. Эту информацию, похоже, мне никто рассказывать не собирался.

– Какого черта тогда? То есть фрица вы по сути и защищаете?

– Так, Иван! Ты это… соберись! Не о том думаешь! – Бабуля принялась суетливо переставлять тарелки на столе и, вот ведь интересно, отводила взгляд.

– Да я вообще ни о чем не думаю, потому что ни черта не понимаю! Помогаете убивать немецких офицеров, а Коха защищаете? Это как вообще? Правая рука делает одно, а левая другое? Раздвоение личности?

– Хватит! – Наталья Никаноровна хлопнула ладошкой по столу, – Развел тут…эту… демагогию. Равновесие! Понял? Кому надо, тому и помогаю. У Коха своя роль. И нечего лезть. Ясно?

Ясно мне, конечно, ничего не было, да и поднакрыло злостью изрядно.

– Хрен там! Какая роль? Он же садист и убийца!

– Короче… Чего прицепился? Я – демон. Зло во плоти. Также вы считаете? Вот и угомонись. Давай остановимся на том, что берегу Коха ради своего злодейского удовлетворения. Понял? И отстань уже. Разговор не об этом. Нам надо было попасть сюда и открыть дорогу Белиалу. Мацкевич – наилучший для этого вариант. Заодно подмогнули немного. Все. Дело сделано. Сегодня отправляемся к Сталинграду.

Последняя фраза была настолько неожиданной, что я просто молча смотрел на обоих демонов, переваривая информацию. Сталинград? Это не шутка? Но лицо у Натальи Никаноровны было, серьезнее некуда.

– Именно там состоится финальная, как вы это сказали, битва большой партии? – Выдал, наконец, более-менее сформулированный вопрос. Просто, честно говоря, ошалел о неожиданного поворота.

– Иван… Ты у нас парень не особо подкованный в этом вопросе, поэтому поясню. Так и быть. Хотя, не должна! Цени мою лояльность. С лета этого года Советский Союз ждёт помощи от своих союзников – Англии и США. Поставки вооружения по ленд-лизу срываются и недостаточно полные, второй фронт так и не открыли до сих пор, а он ой, как, нужен. Союзники, проще говоря, отделываются пустыми обещаниями. Знаешь, почему? Да потому что ждут, сволочи. Ждут, смотрят, наблюдают. Да, битва под Москвой поставила крест на германском плане блицкрига, однако вермахт по-прежнему силён. Гитлер наметил провести этим летом 1942 года масштабное наступление на южном фланге советско-германского фронта, захватить Сталинград – важнейший промышленный и транспортный узел на Волге, оккупировать богатые хлебные районы Кубани и Ставрополья и прорваться к кавказской нефти. На данный момент немецкие войска на южном фланге разделены на группу армий «А», наступающей непосредственно к Кавказскому хребту, и группу армий «Б», нацеленной на Сталинград. Основу мощи группы «Б» составляет самая боеспособная 6-я армия вермахта под командованием генерала Ф. Паулюса. Её поддерживают танковые и моторизованные дивизии. Наступление непосредственно на Сталинград уже идёт с 17 июля. Этот день стал началом Сталинградской битвы. Потеря Сталинграда поставит весь южный фланг советских войск в критическое положение. Враг бросает под Сталинград всё новые силы, хочет довести число своих дивизий на этом направлении с 38 до 80. С юга для удара по городу переброшена 4-я танковая группа. На данный момент овладение Сталинградом превратилось

из второстепенной в главную цель всей кампании вермахта. Соображаешь? Адольф, психопат с навязчивой идеей. Он и его генералы полны решимости взять один из важнейших городов советского государства. Тем более, если что, носящий имя вождя Союза. Просто… Чтоб ты понимал, германская авиация 23 августа нанесла удар по городским кварталам. В огне погибли десятки тысяч. Нефть вылилась в Волгу и загорелась. То, что там происходило, знаешь, очень сильно напоминало наш родной дом. Ад. Да. Удивительная возможность посмотреть, как оно там у нас все выглядит. Огонь. Везде. Даже вода горит. Сейчас идут активные бои за сталинградские кварталы. Хочешь получить ясную картину того, что там происходит? Глазами очевидцев.

Не дожидаясь моего ответа, Наталья Никаноровна взяла салфетку, лежащую рядом, скомкала ее в руке, а потом, распрямив обратно, дала мне. На светлой ткани теперь были видны слова, будто написанные синими, расплывающимися чернилами.

– Что это? – Я поднял удивленный взгляд на бабку-демона. Во-первых, салфетка только что была совершенно чистой, а во-вторых, редкость подобных фокусов делала их и правда удивительными. Бабуля упорно старалась избегать демонстрации чего-то подобного. Она словно не желала подтверждать свою сущность поступками.

– Почитай. Это часть донесения немецкого генерала Венда фон Витерсхайма. Из первых уст, так сказать.

Бабуля подтолкнула кусок ткани ко мне. Я взял его, развернул, а потом внимательно прочел написанные слова.

«Соединения Красной Армии контратакуют, опираясь на поддержку всего населения Сталинграда, проявляющего исключительное мужество. Население взялось за оружие, на поле боя лежат убитые рабочие в своей спецодежде, нередко сжимая в окоченевших руках винтовку или пистолет… Ничего подобного мы никогда не видели».

Повертел салфетку в руке, а потом положил ее рядом, не зная, куда деть.

– Так вот. Центром противостояния сейчас является Мамаев курган, с которого можно просматривать и обстреливать значительную часть города. Эта высота, как ты понимаешь, очень важна. До берега Волги многим немецким частям остается пройти всего 150–200 метров. Нужно, чтоб они не смогли этого сделать. На выручку обороняющимся в ночь на 15 сентября под жесточайшим вражеским обстрелом через Волгу будет переправлена 13-я гвардейская дивизия генерала А. Родимцева. Мы должны посодействовать благополучному исходу данного

мероприятия. Плюс, несомненно, в данном случае пригодится твой опыт. Имею ввиду, ты же снайпер.

– Черт… – Я провел рукой по волосам, потому что впервые со времени своей внезапной «командировки» в прошлое ощутил причастность к одному из важнейших событий истории. Просто предыдущие посещения были сосредоточены на личных проблемах и заботах. Да, книга, да, Крест, но это все представлялось каким-то эфимерным, образным, что ли. Словами не объяснить. Теперь же речь шла именно о прямом участии в Сталинградской битве. Это уже вообще совсем иное дело.

– Да, понимаю. Просто смущает момент того, что в голове, конечно, есть вся нужная информация. Но тело… Глаз, к примеру, не «пристрелян». Руки не знают нужное оружие. Получится ли?

– Иван, твой дед провел три месяца в специально лагере именно по этой причине. Пришлось подтолкнуть Тихонова к такому решению. Именно из-за того, чтоб тело приобрело нужный навык. Он все равно, конечно, отличается от твоего боевого опыта. Но у нас будет время, хоть и мало. Нам через всю Украину нужно попасть к Сталинграду. Доберёмся сначала до ближайшего немецкого аэродрома, оттуда нас доставят к Фридриху Паулюсу. Вернее, вас. Я там исчезну ненадолго. Вызывать вопросы у фрицев не хочу. Их, конечно, эти вопросы, можно пресечь на корню, но силы надо беречь. Они у меня тоже не бесконечные. Итак работаю, как Золушка из сказки. Пересеку линию фронта своим способом. Потренируешься несколько дней. Если точнее, то два. К сожалению, тебя и Елизавету я не могу переместить тем образом, который доступен мне. Поэтому… Да. Два дня, чтоб добраться. Выезжаем сегодня. Попадём в самый нужный момент к кургану. С Грачевым вопрос улажен. Он в курсе.

Возразить или продолжить разговор, ровно как и задать оставшиеся вопросы, мне не пришлось. Вернулась Лиза. В руках – поднос с чаем, на лице – откровенное недовольство.

– Ты закрыла защитой! – Девчонка поставила принесенное на стол.

– А нечего, как дуре малолетней, стоять под дверью, прислонившись ухом. – Резонно ответила Наталья Никаноровна. – Стыдобища. Ещё бы дырку проковыряла, чтоб подглядывать.

– Так по-другому теперь не могу. – Развела блондиночка руками. При этом на меня она старалась не смотреть. Видимо, причина пропавших сил, данных ей от рождения, Лизоньке вполне известна. Ну, хоть не винит, и на том спасибо.

– Так а ты учись. – С аналогичной интонацией передразнила ее бабуля. – Хватит тут характер показывать. Давай по делу. Собираемся и выезжаем. Сегодня. Конечный пункт – Сталинград.

Лиза, в отличие от меня, естественно, не знала, что битва за этот город станет переломным моментом войны, поэтому ее место назначения удивило ещё больше. Я же очень прекрасно понял, что имела ввиду Наталья Никаноровна, упомянув наших, типа, союзников. Они действительно сейчас ждут, кто победит в этом противостоянии. Если Красная Армия отступит, отдаст Сталинград, второго фронта никогда и не будет. Более того, уверен, и Англия, и Штаты быстро переобуются на ходу, переметнувшись в сторону сотрудничества с Германией. Поэтому они смотрят, куда вывезет ситуация. Если же мы, как и до́лжно, выиграем битву, то тогда они поддержки Советский Союз. Продажные буржуйские суки… Ну, ладно. Ничего. Мамаев курган, значит пусть так и будет. Где наша не пропадала.

Прямо в этот момент наполнило меня какое-то очень глубокое осознание важности момента. Серьезно. Снова взял салфетку со словами из донесения немецкого генерала в руки, перевернул ее, а на противоположной стороне ещё несколько предложений.

«Физически и духовно один русский солдат сильнее целого нашего отделения… Пятьдесят восемь дней мы штурмовали один-единственный дом!»

Опять посмотрел на бабку-демона.

– А… да это немецкий солдат. Обычный рядовой. Отт по-моему его зовут. Писал в письме родным. Но до его признания и этого письма ещё почти месяц. Это я случайно кусочек прихватила.

Ага. Случайно. Так и поверил. Каждое бабкино «случайно» имеет под собой четкий, трижды выверенный план с пятью вариантами развития событий и финала. Специально для меня подсунула. Чтоб я проникся. Но ведь проникся. Реально. Как там Наталья Никаноровна сказала? Выстояли на чистой вере? Вот и выстоим. Судьба наша такая. Всю жизнь держим оборону, пока нас со всех сторон на куски растащить пытаются.

Помню, когда началась компания в Сирии, многие тогда возмущались и говорили: «Во-о-о-от, это не наша война. Зачем мы туда лезем?» И только определенная часть понимала, наша. Вот именно, наша это война. Весь ближний восток превратили известные силы в клокочущую, бурлящую лаву, которая медленно, но верно подбиралась к нашим интересам. Отдать Сирию, страну, которая вроде бы очень далеко, это обеспечить четкую, сформировавшуюся угрозу для нас. Потому что рано или поздно, они подберуться совсем близко. К порогу. И если ничего не делать, чтоб этого избежать, однажды мы увидим врага на заднем дворе своего дома.

Поэтому, Наталья Никаноровна зря мне этот психологический трюк устроила. Я и без того готов был принять непосредственное участие, если мои поступки не навредят, а принесут пользу. Но слова, написанные на салфетке, тем не менее, несомненно, всколыхнули много чувств. Особенно, если учитывать, что слова эти сказаны тем, кто находится по ту сторону.

Дальше поднялась суета. Лизонька принялась собирать вещи, Мацкевич, или Белиал, тут уж, как угодно, ходил по квартире с довольным видом и раздавал указания. Наталья Никаноровна всем этим процессом руководила. Меня отправили к себе, велев приготовиться, а затем вернуться обратно.

На вопрос, как быть с работой и не вызовет ли исчезновение трёх людей подозрение у немцев, а уж тем более исчезновение столь заметной фигуры, как сама бабуля, Никаноровна хмыкнула и потом с усмешкой ответила: «Вызвало бы, если бы они о нас вспомнили».

Я так понял, наше присутствие в Ровно просто чу́дным образом раствориться в воздухе. Пытался вызнать за Марту, но снова получил гневный взгляд и раздражённо: «Иван, иди трусы с носками собирай. Без трусов особо не навоюешься».

Пришлось послушаться приказа и отправиться на квартиру. Вещей у меня особо много не было, поэтому сам процесс занял мало времени. Буквально через час я уже вернулся обратно.

Бабка-демон сказала, что выдвинемся, как только стемнеет. Меня ужасно интересовало, как это будет происходить. Мы в глубоком тылу врага. Тут на грузовичке по полям не выйдет смыться. Тем более, двигаться нужно в сторону линии фронта, где сейчас максимально напряжённая ситуация, а потом эту линию фронта пересечь. Да ещё достаточно быстро.

– Держи. – Наталья Никаноровна положила на стол документы. Они были выписаны на имя некоего Франца фон Рихтера.

– Что это? – Я покрутил бумаги в руке.

– Во-первых, не «что», а «кто». Во-вторых, это – ты. С наисекретнейшим сообщением от Эриха Коха двигаешься. Там же – приказ о назначении Паулюса фельдмаршалом. Кстати, настоящий приказ.

– Не рано? – Я спросил бабулю без конкретики, чтоб Лиза, находящаяся недалеко, не поняла, что возможный исход событий мне известен.

– Типа, глупо делить шкуру небитого медведя? Не заслужил ещё? Так тут другой смысл, Иван. Это со стороны Адольфа определенный способ обезопасить себя. Никогда ни один

немецкий фельдмаршал ещё не попадал в плен. Таким образом он даёт понять Паулюсу, что Сталинград должен быть взят. Дале если самому Фридриху придется сдохнуть под его стенами. Но отступить, сдаться – нет. По сути, со стороны Адольфа данное назначение – ультиматум.

– Но… Если я не ошибаюсь, при благополучном исходе… – Покосился на девчонку, которую в этот момент отвлек Мацкевич и она нас точно не слышала. – Звание фельдмаршала не скажется на желании Паулюса сохранить статистику.

– При благополучном, да. Он станет первым. Все, Иван, что гадать? Давай, выдвигаться пора. Нас будет ждать машина с водителем, соответствующими номерами за пределами города. Эх… Как же хорошо. Ни тебе мобильной связи, ни интернета. Пока разберутся, кто куда уехал, кто куда приехал, война закончится. Эй, Лизка! – Наталья Никаноровна окликнула блондиночку, – Хватит с Генрихом Эдуардовичем трепаться. Темнеет. Двигать пора. Он-то горазд лясы точить.

В итоге, едва сумерки окутали Ровно, мы втроём вышли из дома. Мацкевич заявил, что в силу слишком чувствительной натуры провожать не станет, а то расплачется. Заметил, есть у них эта тяга к театральщине. Вторая страсть после еды. Генрих даже выдавил напоследок одинокую слезу, чем заслужил от Натальи Никаноровны комментарий, что возраст совершенно не говорит о наличие ума.

Пока шли в сторону выезда из города, подумал, в этот раз, путешествие выходит долгим. Надо уточнить про слова бабки-демона, будто это опасно для нас с Иванычем в равной мере, у самой же Никаноровны. Главное, чтоб все хорошо закончилось.

Глава 13

Не знаю, в чем причина, но Наталья Никаноровна точно начала подгонять события. Причем, в буквальном смысле этого слова. Прежде она максимально старалась вести себя очень по-человечески. Никаких тебе супер способностей, никаких потусторонних штучек. То, что она пару раз кого-то где-то усыпила, в рассчет не беру. Ну, может ещё по мелочи. Теперь же, бабка-демон будто в спешке не обращала внимание на это. А вот я наоборот. Очень даже замечал некоторые вольности с ее стороны.

Мы миновали пропускной пункт, как по маслу. Немцы даже рта не успели открыть. Бабуля только зыркнула в их сторону и резко сказала: «Не было никого. Никого не видел.» Фриц, заглянувший в нашу машину и проверяющий документы, глупо улыбнулся, а потом молча протянул их обратно. Ещё и честь отдал, по-свойски, по-фашистски.

Та же история получилась и с машиной. Водитель действительно имелся. Но выглядел он немного заторможенным. По крайней мере, на нас, такое чувство, вообще внимания не обращал. Он будто пребывал в какой-то другой реальности. Сидел зато довольной рожей. Аж светился весь. Мне кажется, у него перед глазами были не пыльные дороги оккупированной советской земли, а цветущие луга на которых паслись жирные бюргерские коровы.

Мы пёрли, кстати, вперёд, объезжая любые мало-мальски крупные пункты. Киев, например, остался чуть в стороне. Дорогу выбирала Наталья Никаноровна. Немецкие пропускные пункты и посты встречались, конечно, но так понимаю, в меньшей мере, чем могло бы быть. Наши документы проверяли без лишних слов. На меня реагировали с достаточно большим почтением, несмотря на то, что звание имелось не сильно высокое. Однако, среди документов лежали две депеши со знаком «секретно» и это, видимо, ощутимо поднимало мой статус в глазах проверяющих.

Если у фрицев и вызывало вопросы присутствие в машине двух женщин, а одной, так вообще, очень странной, начиная от возраста и заканчивая внешним видом, то вслух они ничего не говорили. Возможно, к этому приложила руку бабка-демон. Не знаю. Мне вообще иногда, если честно, казалось, будто мы проваливаемся куда-то. Серьезно. Машина вроде ехала прямо, по дороге, как положено. За окном был обычный лес или какой-то

пейзаж, но при этом мой внутренний тумблер периодически щёлкал, выдавая тревогу, которая перекрывала все остальные чувства. А ещё присутсвовало ощущение, что воздух вокруг внезапно становился каким-то вязким. Будто прозрачное желе, которое обволакивало нас со всех сторон. В эти минуты водитель просто замирал, даже не моргая. Явно Наталья Никаноровны использовала какие-то фокусы. По крайней мере Киевскую область мы проехали гораздо быстрее, чем должны были.

– Вы же говорили, что не имеете возможности транспортировать нас способом, который доступен Вам? – Я не выдержал и обернулся к бабуле. Они с Лизой сидели сзади. Мне же приходилось всю дорогу наблюдать тупое, не имеющие особо разумных мыслей, лицо водителя.

Наталья Никаноровна недовольно прищелкнула языком, а потом покосилась на девчонку. Это был откровенный намек, даже совет прикусить язык. Предназначался он, естественно, мне. Я в ответ продолжил смотреть прямо на бабку-демона, тоже в свою очередь намекая, мол, не хочешь свидетелей, разбирайся сама, но будь добра, сообщи то, о чем спросили. Это была практически полноценная битва взглядов. Я таращился на бабулю. Она – на меня.

– Какой же ты упрямый… – Буркнула, наконец, Наталья Никаноровна. – Лизок, поспи. Дорога ещё дальняя впереди.

Блондиночка даже пикнуть не успела, как тут же вырубилась, откинув голову назад.

– Иван, ты становишься неуправляем. – Заявила Никаноровна очень недовольным тоном. – Говоришь, что ни попадя. Делаешь, что не попадя. Не боишься? Могу разозлиться и наделать глупостей в гневе.

Она была сильно раздражена и даже не скрывала этого. Но и мне, если честно, имелось, что сказать.

– Слушайте, Вы же нашли решение проблемы. – Кивнул на Лизоньку. – Вон спит человек, отдыхает. Я задолбался урывками, шепотом говорить о достаточно важных вещах. Между прочим, дело касается моей жизни и жизни деда. Так объясните, почему у меня ощущение, будто мы в некоторых местах словно на глубине, сквозь воду едем?

– Ну, едем и едем. Не стоим же? Да! Ладно! Ладно! Чего ты сразу рожу корчишь. Да. Торопимся. Кое-где, если есть возможность, немного мучу́ со временем и реальностью. А что делать, если опаздываем. В Ровно были дела. Пока я их не решила, мы не могли уехать. Немного процесс затянулся. Да ещё Белиал пока с новым телом приспособился. Думаешь, легко это? Оно же имеет свои законы и правила функциональности.

Человеческое тело. Это, как управлять куклой в театре. Она висит на веревочках и надо приспособиться, приловчиться. А то будет человек идти и на ходу падать. Странно же? Странно. Весь город не задурманишь. Нет, можно, но не нужно. Поэтому задержались. Ждали, пока Белиала можно будет одного оставить. Но нам надо быстрее к Сталинграду. Под Воронежем остановимся. Будет ночь. Лизка поспит, а мы с тобой делом займёмся. Надо попрактиковаться. Посмотреть, как твои знания к новым умениям Иваныча подойдут. Впритык все, Ваня. Впритык.

– Ясно… Ну, а если уж так зашло, и мы можем сейчас говорить спокойно, без лишних ушей… – Я покосился на водителя, который сидел истуканом, пялясь вперёд на дорогу. – Да. Без лишних ушей… Так вот. Скажите, что в Сталинграде? Только пожалуйста, не прививайте мне снова про помощь красной армии и родным советам. Ок? Это полный, абсолютный бред. У Вас снова есть своя, только Вам известная цель.

– Ок! – Передразнила меня бабуля. – Нам нужен Мамаев курган. Говорила ведь. Чем слушаешь?

– Я же просил!

– Не ори. Говорю, нужен Мамаев курган. Сам. Как таковой. Что вместо Сталинграда было, знаешь? – Бабка-демон, судя по настроению, не против была поговорить, раз начала издалека. Это очень хорошо. В такие моменты она много рассказывала.

– Ну… Волгоград? – Я выдвинул единственную версию, современную. Других не знал.

– Хренаград! – Вспылила Наталья Никаноровна, – Что ж вы вообще ничем не интересуетесь! Сидите, как дураки. История, Иван, это страшная сила. Чуть одно слово в ней исправил, одно предложение изменил и все, можно цивилизацию уничтожить. Царицын там был. Считается, что появился он в 1589 году. Ванька Грозный хотел защитить границу от степных племен. Но мало кто знает, на самом деле, прежде, на месте нового форпоста имелось более раннее поселение. Золотая орда расположила там один из своих лагерей, назовем это так. А ещё раньше, задолго до монголо-татар,… черт, как бы тебе объяснить… ну, пусть древние люди жили. Очень древние. Более пятидесяти тысяч лет назад. И вот именно тогда, в тот период, написана книга, вокруг которой столько суеты пришлось. Написана… Эх… Ладно, расскажу. Мы уже столько вместе пережили…

Бабка-демон вдруг отвернулась, уставившись в окно. И несколько минут молчала. Я начал думать, что сейчас она с разговора соскочит. Но нет. Продолжила.

– Книга написана одним из Падших. Так называем их мы, вы

зовёте нас демонами. Когда Падших скинули на землю, мы по началу были полны праведного гнева. Ибо не за что. Мы находились в полной уверенности своей правоты. Для вас, людишек, есть версия, тщательно отредактированная и немного видоизмененная. Якобы Сатана… или Люцифер… как хочешь. Якобы он сам хотел стать богом, потому что неимоверно силен и прекрасен. Восстал против создателя и был изгнан. Остальные ангелы, оказавшиеся на его стороне, получили то же самое. Бессрочную ссылку в ад. Так?

Наталья Никаноровна задала вопрос, потом посмотрела на мое бестолковое выражение лица и махнула раздражённо рукой.

– Ну, да… кого я спрашиваю. В общем, тогда просто слушай. Это – официальная версия. Но на самом деле было совсем не так. Причина конфликта крылась совсем в другом. Люди. Люди, люди, люди… человеки. Отец носился с ними, как курица с яйцом. Честное слово. Ах, они так прекрасны. Ах, они так полны разных чувств. Вот эти чувства восторгали всех неимоверно. Не только создателя, но и всю нашу братию. Радость, грусть, любовь… Их и было-то всего двое. Первых людей. Ну, это ты должен знать. Их имена. Прямо пылинки сдували с этой парочки. И как-то Люцифер поинтересовался у Отца. Почему? Почему этим слабым, ни на что не способным существам он дал возможность чувствовать? А нам… то есть своим первым детям, ангелам, нет. Что за несправедливость? В общем… Разговор вышел у них, скажем так, малоприятный. Создатель разгневался сильно и сказал, что каждый получает то, чего достоин. А Сатана упёрся, с какого это перепуга какие-то там людишки типа выше поставлены, чем кто-либо. Ну и… слово за слово. Перешли на повышенный тон. Сам понимаешь. Люцифер из принципа решил доказать, будто Отец сильно ошибся, дав этой парочке нечто особое. Вы называете это душа. Ну, вот эмоции, чувства и так далее, все же от души. Просто… Ты не представляешь, каково это, жить ничего вообще не ощущая. Ни злости, ни ненависти, ни радости, ни любви. Долго разглагольствовал на эту тему не буду, скажу вкратце. Итогом ссоры стал откровенный конфликт и неповиновение. За что Люцифер был сброшен вниз, даже не на землю. Ну, а остальные друзья – товарищи с ним. Суть не в этом. Я говорю лишь о предыстории сейчас. То, что интересно тебе, началось значительно позже. И Адам с Евой уже согрешили, не без помощи Сатаны, конечно, который продолжал упорно доказывать, что не достойны милости, и братья друг друга грохнули, тоже товарищи с приветом, скажу тебе. Времени, в общем, много прошло. И все

эти тысячелетия, Люциферу так и не было покоя. Понимаешь, не мог он отпустить эту мысль. Душа. Чувства. Способность ощущать. Очень сильно хотелось. Был момент, отправился даже по земле путешествовать. Короче, если ближе к делу, книгу он написал сам. Своей рукой. Описано там, как вызвать каждого из демонов. Как вызвать самого Сатану. О сути зла и добра написано. О том, чего хотели на самом деле все они. Падшие. В общем, если говорить привычным тебе языком, это – личный дневник Люцифера. Вот так понятнее будет. Поэтому слова в книге имеют гораздо большую силу, чем какие либо другие. Сам понимаешь, с ручками, карандашами и фломастерами тогда был напряг. Писал он своей кровью. К концу путешествия спрятал книгу там, где когда-нибудь ее нашли бы люди. Они тогда сильно высоким уровнем развития не отличались. Опять же. Есть много нюансов, как соотнести ваших любимых обезьян, которыми Дарвин тыкал в свою теорию эволюции, как Дон Кихот мечом в мельницы, с Адамом и Евой, но об этом говорить не будем, ты человек неверующий, для тебя это все – набор слов. Факт в том, что книга была спрятана среди людей и для людей. Они ее нашли. Естественно. Долго тупи́ли. Потом вообще делов натворили. По сути Люцифер им знания давал. Силу. А они, стоило заполучить столь ценный экспонат, все о своей жадности да о гордости. Деньги, власть, мировое господство. Стандартный набор, ничего нового. Видишь ли, книга, что в принципе закономерно, не была создана для зла. Но люди так устроены. Или кровь Сатаны так действует. Не могу тут сказать наверняка. Она пробуждает в них самые плохие, темные стороны. Открывает истинные мотивы и желания. В общем, первое появление книги на свет привело к большому злу, которое, в свою очередь, повлияло на пришествие сына. Ну, ты понял, чьего и понял зачем. Почему, ты думаешь, он по земле ходил из стороны в сторону? От нечего делать? Нет. Книгу искал. Искал, нашел, перепрятал. Ее же ни наверх не заберешь, ни вниз не скинешь. Книгу, опять же, имею в виду. Долгое время она была скрыта от людей. А потом добилась, чтоб ее снова нашли. Тут уж без нашего вмешательства произошло. Честно. Слово даю. Золотая орда. Чтоб ты понимал, эти неумытые кочевники, как многие тогда считали, практически половину Европы прошли. И если бы не Русь… вечно ваша земля становилась тем самым камнем о который каждый спотыкался… Если бы не Русь, то история Запада двинулась бы иным путем и в ином направлении. Просто на русских княжествах орда много сил потеряла. Да и вообще. Творили, что хотели за спиной у ханов. Всю кровь им попили. Не суть. Не в этом дело. Книга была найдена и снова вернулась туда, где впервые ее

спрятал сам автор. Туда, где сейчас находится Мамаев курган. Это и есть тот тайник, где ее изначально схоронил Люцифер. Так вот, наша задача – снова определить эту чу́дную вещь на ее законное место. Она… как бы это сказать… за все тысячелетия набрала в себя столько дерьма, что стала практически самостоятельной силой. Использовать ее для начала каждой новой партии становится уже опасно. Долго фонит во все стороны. Катаклизм на катаклизме из-за этого. Мы несколько веков пользовались ее влиянием. Как говорили раньше с тобой, книгу подсовывали, подкладывали, ее находили нужные личности и начиналась большая игра. Но ситуация вышла из-под контроля. Вы, людишки, напитали ее своими мыслями и чувствами.

Настало самое подходящее для нашего мероприятия время. Курган кровью полит. Так, как никогда больше не польется. Сейчас только есть возможность ее, книгу, запечатать навсегда. Но нам надо успеть сделать это как можно быстрее, а потом уже отдать высоту под контроль красной армии. Ну и фрицев, конечно, гарантировано тогда погонят в шею. Это я тебе обещаю.

– Погодите… Просто спрятать? Закопать? Типа того?

Для меня все, что рассказала Наталья Никаноровна, звучало, как детская сказка. Люцифер ходил по земле… Чего-то там кровью писал… Кого-то там соблазнял… Несмотря на все случившееся со мной, все равно это имя, эти события, о которых говорила бабка-демон, напоминали мне фантастическую историю.

– Почему же просто? – Наталья Никаноровна улыбнулась. Причем улыбка ее была очень неприятная, отталкивающая. Дале быстрее не улыбка, а оскал. – Просто, Иван, не будет. Нам очень сильно постараются помешать.

Глава 14

Сколько я не пытал Наталью Никаноровну, но после своей многозначительной фразы о возможных врагах, и в данном случае речь шла вовсе не о фрицах, она продолжать разговор отказалась. Про роль Лизы в непонятной последней эпической битве тоже умалчивала. Даже пытался ее шантажировать. Сказал, если бабуля не пояснит все до конца, буду задавать вопросы при Лизоньке. На что бабка-демон пожала плечами, заявила, что дураком родился, дураком и помру, а потом, с насмешкой глядя мне в глаза, щёлкнула пальцами, разбудив тем самым девчонку.

– Я спала? – Блондиночка потянулась, с подозрением рассматривая и меня, и Наталью Никаноровну.

– Ага. Сморило тебя, Лизка. Но оно и понятно. Дорога дальняя. Теперь я посплю. – Бабка-демон демонстративно широко зевнула, а потом завалилась на заднем сидении дрыхнуть. Причем, делала она это очень художественно. Храпела, сопела, бормотала во сне. Полный набор. Хотя, я точно знаю, что ни хрена не спала. Демону сон ни к чему.

Лиза молча смотрела в окно. Я тоже. При зомбированном Натальей Никаноровной водителе особо не было желания говорить о личном. А вот подумать над чем, мне, к примеру, имелось. Естественно, размышлял и о настоящем, и о будущем, но все эти размышления были связаны, в первую очередь, с девчонкой.

Вообще, в принципе, пытался понять, почему так сильно привязался к ней. А я привязался, это факт. Но особо логичного объяснения не находил. Ведь не мальчик уже. Всякое бывало. Единственное, и это, наверное, играет какую-то определенную роль, ни с кем не имелось прежде серьезных полноценных отношений. Таких, чтоб прямо общий дом, общий быт, общие интересы. Все мои увлечения носили лайтовый вариант. В Лизоньке же имелось нечто особое. Какая-то скрытая глубина. Очень давно, один товарищ в разговоре пояснял мне интересную разновидность критериев, по которым можно разделить женщин на два типа.

– Ваня, понимаешь, есть женщины – море. Море… Усёк? Вот идёшь по берегу, смотришь на эту потрясающую синь, чувствуешь этот свежий соленый запах, и тебе просто до жопы хочется окунуться. Разбегается, несешься в воду, плаваешь. А потом выходишь и идёшь дальше. Прошел пару километров. Жарко.

Опять надо окунуться. Ну и окунешься. В другом месте, в другие волны. Понимаешь аналогию? Да, есть красивые женщины. Но ты окунулся и пошел дальше. А ещё, Ваня, есть женщины – болото. О-о-о-о-о… это очень опасный тип. Вот она обычная. Казалось бы. Ничего в ней фантастического нет. Простая. Иногда даже может на первый взгляд казаться серенькой. Но если ты, хотя бы один раз, сунул ногу. Все. Мандец. Трясина затянет тебя с головой. И ты никогда, никогда, запомни, не выберешься оттуда сам.

Вот сейчас, встретив девчонку, я задумался об этих словах. Может, он и прав был, этот товарищ. Потому как разумного логичного объяснения своей сильной увлечённости найти не могу. Но точно знаю, хочу быть с ней. И все тут.

– Скоро на месте будем – Наталья Никаноровна очень неожиданно открыла глаза и приняла сидячее положение. До этого она лежала на плече блондиночки. – Остановимся переночевать. Потом рванем дальше. Сворачивай, любезный! Правее бери.

Последние слова бабки-демона предназначались водителю, который беспрекословно выполнил указание.

Мы не стали приближаться к Воронежу. Там линия фронта поделила город пополам. Левый берег был за красной армией, правый – за немцами. Остановились в пригороде, в большом достаточно поселке.

Наталья Никаноровна сразу велела ехать к комендатуре. Из машины вышла одна, приказав чтоб ждали. Вернулась очень быстро. Буквально десять – пятнадцать минут ее не было. Водителю был назван адрес, но в итоге, она просто командовала, где свернуть налево, а где направо. Все-таки Фриц с отключенными мозгами это тебе навигатор. Он себя то плохо сейчас осознает.

Мы подъехали к достаточно приличному дому, имевшему мансарду и просторный двор. Несмотря на близость боёв и тот факт, что город, скорее всего, будучи разделён на две части, лежит уже практически в руинах, село сохранило бóльшую часть дворов. Здесь даже имелось подобие нормальной жизни. Хотя грохот и звуки канонады слышались путь глухо, но постоянно.

Я прекрасно помнил слова Натальи Никаноровны о том, что мне предстоит испытать связку тела и сознания, но пока плохо представлял, как это будет выглядеть. Оружия нет. Где взять снайперскую винтовку, не понятно.

Как обычно, бабку-демона я недооценил. Не первый день знаю, а все равно периодически забываю, кто она есть. Умеет удивлять даже тогда, когда вроде бы ничего уже удивительного нет.

Для начала мы благополучно устроились в доме. Не все, естественно. Водитель так и остался сидеть в машине. Как истукан. Ей-богу. На мой вопрос не дать ли человеку отдохнуть, Наталья Никаноровна посмотрела так, будто я сказал полную ерунду.

– Иван, ты хочешь, чтоб по селу бегал внезапно очнувшийся фриц, вылупив глаза и пытаясь понять, какого черта он тут делает? Отдохнёт. Не переживай. Когда время придет. Все отдохнут рано или поздно.

Хозяин дома оказался местным старостой. Естественно, пребывающим в данный момент в услужении немцев. Меня это сильно коробило. Я то и дело смотрел на него, сдерживая огромное желание спросить, почему? Они же враги. Почему так просто, без сомнений этот человек пошел работать на них? Я не увидел большой семьи и много детей, например. Ради которых он мог бы поступить подобным образом. Даже одного ребенка не увидел. Жена имелась, тихая, какая-то забитая женщина. Но ешкин кот! В который раз вспомнились слова деда. О том, что каждый имеет свою цену. В чем его цена? Этого мужика, лет пятидесяти отроду. За какую цену он принял врагов своей страны и своего народа, как родных? Пошел трудиться под их начало, предав по сути все, что существует. И ответа на этот вопрос я не находил. Нет цены. Значит, изначально человек был таким. Ненавидел, возможно, существующую власть, но выжидал удобного момента. Если яблоко сгнило, значит, в нем изначально была червоточина.

Наталья Никаноровна мою реакцию и мое отношение прекрасно поняла, поэтому зыркнула недовольно и покачала еле заметно головой. Мол, заткнись Иван со своими моральными изысканиями. Не устраивает что-то, можешь идти в машину и спать вместе с водителем. Вот такой у нее был взгляд.

Но в большей мере меня беспокоила Лиза. С момента, как покинули Ровно, она практически не сказала ни слова. Вообще. Девчонка словно постоянно о чем-то думала. Причем, мысли эти были совсем не радостные. Пока были в Ровно я списывал ее состояние на окружение, среди которого нам приходилось жить. Находиться рядом с фрицами постоянно – радости мало. К тому же она ежедневно ходила в жандармерию. Да и перемены с ее пропавшими возможностями тоже не способствуют веселью. В любом случае, это тяжело, внезапно потерять себя. Наверное, как если бы хирург, который оперирует всю жизнь, неожиданно лишился рук. Но в Ровно мы много времени проводили вместе, гуляли, просто были рядом. Этакая имитация полноценной, нормальной жизни, с точки зрения

взаимоотношений между нами.

Но в момент, когда мы выехали, Лизонька замкнулась в себе. По сравнению с тем, какой она была раньше, в прошлые мои появления, слишком сильно ее поведение изменилось. Больше не было дерзости, какого-то внутреннего бунта. Допускаю, опять же, что смерть никому не добавляет чувства юмора. А если верить тому, что я слышал, девчонка реально умерла во дворе деревенского дома. Как-то Никаноровна дотянула ее до Москвы с помощью своей черной дряни. Потом, так понимаю, использовала книгу. Книга… кстати. Тоже вопрос. Бабка-демон утверждает, что на Мамаевом кургане мы ее зароем, закопаем, сожжем, хрен его знает, какой вариант правильный. Но где сам предмет? Я помню ощущение, которое вызывала эта штуковина, хоть и была в моих руках недолго. Тревога, маята, страх, депрессия. Пока нес ее Тихонову на Лубянку, казалось, это самый тяжёлый день в моей жизни с точки зрения морального состояния. Сейчас подобных ощущений не было. Шмотья у Натальи Никаноровны с собой – скромный чемодан. Даже если предположить, что она засунула дьявольскую вещь среди платьев, что очень маловероятно, я бы почувствовал влияние книги. А этого нет. Соответственно, и книги нет. Так откуда она возьмётся? Опять бабка-демон своими штучками будет пользоваться?

– Лизавета, ты давай мойся и спать. Нам с Иваном надо немного потренироваться. – Бабуля встала из-за стола, на котором хозяин дома сообразил скромный но все же ужин, и собралась было выйти из дома.

– Нет. Я с вами. – Голос у Лизоньки был тихий, и при этом очень решительный. Конкретный. Я раньше от нее подобного тона не слышал. Покричать могла, психануть. И то чаще в мою сторону. А тут просто однозначный бунт против нашей предводительницы, но такой, против которого нет оружия. Злость можно подавить, агрессию можно сломать, а вот это тихое упрямое сопротивление – нет.

– Вот как? – Наталья Никаноровна с любопытством посмотрела на девчонку.

Я ждал привычного окрика с ее стороны или ехидного комментария, однако, Бабка-демон молча кивнула, соглашаясь, а потом все же двинулась к выходу.

Лиза, не глядя на меня, убрала посуду, и вышла следом. Мне не оставалось ничего кроме, как отправится за обеими женщинами.

На улице, Наталья Никаноровна прямой наводкой промаршировала к машине, где по-прежнему сидел истуканом

несчастный немец с каменным, безэмоциональный лицом. Честно говоря, в некотором роде было его даже жаль.

Бабуля открыла заднюю дверь автомобиля, ту, которая имела отношение к багажнику, а потом одним легким жестом, как фокусник достает кролика из шляпы, выдернула на свет божий свёрток, своей длиной и формой сильно напоминающий мне родное снайперское оружие. Завернуто оно было в какую-то темную тряпку, наподобие мешковины.

– Итак. Перед нами немецкий Маузер 98k, 1935 года производства. Среди оружия подобного класса и уровня, по моему мнению, занимает первое место. Его система стала образцовой в классе болтовых винтовок. У нее нет выдающихся исключительных характеристик. Она не самая лёгкая, почти четыре килограмма, – Наталья Никаноровна принялась разворачивать холщевину, при этом совершенно спокойно, на весу, держа оружие, будто на самом деле оно весит хрен да ни хрена, – Не самая скорострельная, производит до 15 выстрелов в минуту. Но для тебя и твоей задачи это не является решающим фактором. Тем не менее, как говорится, «лучшее – враг хорошего». Не имея выраженных преимуществ, она не имеет и выраженных недостатков. В отличие от многих своих собратьев.

Наталья Никаноровна полностью убрала ткань, а потом протянула винтовку мне.

– Значит, смотри. Ударно-спусковой механизм. Ударник взводится при повороте рукояти во время открывания затвора. В задней части затвора расположен предохранитель, который имеет три положения. Одно горизонтальное положение блокирует затвор, при вертикальном положении затвор свободен, при другом горизонтальном положении можно вести стрельбу. Поднятый вверх флажок сигнализирует о невозможности стрельбы. Для тебя, как для снайпера, несомненным плюсом является длинный и плавный ход спускового крючка. Питание винтовки происходит из магазина с емкостью пять патронов. Магазин двухрядный, коробчатый и несъемный, он полностью находится в ложе. Патроны размещены в шахматном порядке. Прицел – полуторакратный. Дальность устанавливается от 100 до 800 метров с помощью вращающейся муфты. Кронштейн прицела зафиксирован рычажным устройством с защелкой, два подпружиненных ролика кронштейна устраняют его качание. Пожалуй, для начала, это вся информация, которая даст тебе понимание. Остальное – ручками. Практикой. Идём.

Наталья Никаноровне резко развернулась и направилась в сторону леса. Дом, в котором мы остановились, находился на окраине, и буквально через дорогу от него, достаточно густо

стояли деревья.

Бабка-демон двинулась в самую их гущу. Мы с Лизонькой, переглянувшись, отправились следом. Я на ходу осматривал винтовку, примеряя ее к руке.

Буквально недалеко от того места, где мы вошли в лес, обнаружился обрыв. Резкий и очень высокий по отношению к низине. Вдалеке серебрилась река. Несмотря на опускающиеся сумерки, я мог разглядеть ее вполне отчетливо. За рекой, ещё на более далёком расстоянии, виднелся город.

– Ну, что, Иван. – Бабка-демон, оказавшаяся на месте раньше нас, обернулась, когда я и Лиза вышли из-за деревьев. Выражение лица при этом у нее было очень радостное. Будто не под Воронежем находится, а, как минимум, в Монако. – Надо практиковаться.

– Надо. – Я подошёл ближе к Наталье Никаноровне, тоже рассматривая местность внизу. Сейчас мы условно говоря, на высоте. Случайно? Не думаю.

– Дай посмотрю. – Лиза как-то бесшумно оказавшаяся рядом, протянула руку и осторожно тронула меня пальцами.

– Кого? – Я реально сначала не понял, о чем девчонка говорит.

– Винтовку просит. Интересно ей. – Равнодушно пояснила Наталья Никаноровна, а потом отвернулась, снова разглядывая местность перед нами.

Я выпустил оружие, и Лиза аккуратно взяла его в руки.

– Интересно… Тяжёлое. А как оно стреляет?

Вид у девчонки был, как у ребенка, который получил новую игрушку. Я в двух словах объяснил блондиночке, где и что надо задействовать, а потом подошёл ближе к бабке-демону. Девочка пусть пока отвлечется и не обращает внимания на наш разговор.

– Высота? Мы будем защищаться? Держать оборону? Точно не к атаке вы меня хотите подготовить.

– Посмотрим, Ваня. Жизнь покажет. Я предполагаю одно, но потом кто-то из вас поступает по своему, неожиданно, и все. Приходится строить пирамиду заново.

– Иван, отойди!

Голос Лизы прозвучал очень внезапно. Не сам голос, конечно. Логично, что она говорит. Было бы более странно, если бы не умела. Но в нем, в голосе, отчётливо звенел металл. Я обернулся к девчонке и обалдел. Лизонька стояла напротив, целясь прямо в Наталью Никаноровну, которая, наоборот, а отличие от меня, даже не дернулась.

Бабка-демон спокойно сделала несколько шагов от края обрыва в сторону блондиночки и замерла, склонив одну голову

к плечу. Она рассматривала Лизу с равнодушным интересом.

– Что ты такое и где княгиня Долгорукова? – Надо отдать должное, держала винтовку Лиза достаточно уверенно.

– М-м-м-м-м… Помнишь стало быть… – Бабуля сцепила руки впереди замком и теперь стояла, как учитель, объясняющий урок. – Да. Раз задала этот вопрос, значит дорогу от Калинина до Москвы помнишь. И все, что тогда произошло. Интересно… Ну, давай, стреляй. Чего ты?

– И выстрелю! Если не ответишь мне, где настоящая Наталья Долгорукова. – В запале ответила блондиночка.

– Э-э-э-э-э… Вы чего? А ну-ка успокойтесь обе!

Я выставил руки вперёд, демонстрируя Лизе что все хорошо и надо убрать оружие.

– Да пусть стреляет. Дура. – Спокойно заявила бабуля, а потом просто в наглую повернулась к блондиночке спиной, уставившись вдаль. – Сдохла твоя Наталья Долгорукова. Уже года три как.

Я даже не успел выматерится в сторону бабки-демона, а очень хотелось. Кто же так сообщает подобные новости неуравновешенному человеку с оружием? В этот момент Лиза отчётливо сказала: «Ненавижу», а потом прозвучал выстрел.

Глава 15

Честно говоря, никак не ожидал, что девчонка выстрелит. Серьезно. Поэтому немного, конечно, прибалдел от той скорости, с которой развивались события. А ещё больше, от направления этих событий. Из-за Лизонькиного состояния податливой покорности, которое имело место быть последнее время, забыл, какой там в реальности характер. Что она вполне может пальну́ть в человека, если ей кажется в данную минуту это правильным. Причем, не сомневаясь. В плане бабки-демона блондиночка сейчас точно не сомневалась.

Отдача достаточно сильно ударила Лизоньку по плечу. Всё-таки к оружию она непривычная. Девчонка ругнулась, но винтовку не бросила. Только поправила приклад на своем плече. Естественно, промахнуться при том, как мы стояли по отношению друг к другу, не смог бы даже слепой. А у Лизы точно с глазами все нормально.

По сути, Наталья Никаноровна просто была идеальной, максимально доступной для выстрела целью. И, естественно, девчонка в нее попала. Ровно чуть выше сердца. Ближе к ключице. Даже интересно, это она конкретно в жизненно важные органы целилась, но промахнулась, или наугад. Напрягало то, что своего выстрела Лизонька совсем не испугалась. То есть это не было случайностью или на эмоциях. Девчонка не вспылила, она целенаправленно имела желание убивать. И в данном случае, убивать не кого-то, а одну конкретную бабку. Я бы тоже не против совершить столь приятный сердцу поступок, вот только в отличие от девчонки знаю, что это невозможно и даже, в некоторой мере, опасно.

– Эй! – Я сделал ещё несколько шагов в сторону блондиночки. Все это, конечно, чу́дно, но оружие надо забрать. – Милая, отдай папочке винтовку. Не бабская это игрушка. Прости… То есть не женская…

Хоть бы бровью повела. Продолжала упорно пялиться на бабку-демона, будто взглядом можно испепелить потустороннее существо. Хотя, надо признать, там и правда было на что посмотреть.

Пуля вошла в тело Натальи Никаноровны, как родная. Бабуля только дернулась в момент, когда ее ранило, по инерции поддаваясь силе удара. Комплекция-то у нее – килограмм пятьдесят если наберётся и то хорошо. Но тут же снова

выпрямилась, со своей привычной насмешкой глядя на девчонку. И все. То есть, ни стона, ни вздоха, ни хотя бы дежурного «ой». Да ей вообще было по хрену на пулю. Так, ерунда. Комарик пролетел. Вот так выглядела в данную минуту бабка-демон.

– Иван, не вмешивайся! Это – наш разговор. Девочка, видишь, давно его вынашивала. Думала. С самой Москвы. Воспоминания, так понимаю, стали приходить кусками. Обрывочно. Наверное, увидела в моем сознании присутствие чужой сущности. Да, Лизок? Вспомнила, как твою жизнь проклятый демон держал. Да? Исчадие ада. Дрянь и мерзость. Но была не уверена, что это – правда. Сомневалась, видимо. Так, да. Оно все верно. Когда ты, как последняя идиотка, кинулась Ваньку грудью закрывать, тебя Марта и прибила. Пришлось подселить кое-кого из моих… М-м-м-м-м…. назовем его коллегой. Чтоб твоя душа за что-то держалась, пока до Москвы доберёмся. А точнее, он ее держал. Так что, все правильно ты вспомнила. Ну? Дальше что? Ещё раз, может? – Наталья Никаноровна говорила вроде с нами обоими, но смотрела только на Лизу. Прямо взгляда с девчонки не сводила, при этом буквально фонтанируя в разные стороны переполнявшей ее злостью.

– Да идите вы в жопу со своими разговорами! Я не собираюсь наблюдать это безумие. Лиза! Отдай оружие! Быстро! Ей по хрену хоть винтовка, хоть пушка, хоть бомба прямо в зубы.

Но блондиночка, как и бабка-демон, на меня вообще не обращала внимание. Ее губы побелели, а глаза блестели, словно стеганула высокая температура. Выражаясь художественным языком, девчонку лихорадило. И это тоже однозначно было не от приступа вселенской любви. Состояние обеих женщин было идентичным. Как бы в волосы друг другу не вцепились. Хотя, с трудом могу представить Никаноровну в этом бабском поединке.

– Что застыла то? – Бабуля развела руки в стороны. – Стреляй! Ну!

– Что ты такое? – Снова повторила блондиночка. Ну, хоть палить перестала, и то хорошо.

И кстати… Очень правильно Лизонька задаёт вопросы. Не «кто»? А «что»? Вот только методы дознания у нее специфические. Естественно, за бабку-демона я не волновался совсем. Хотя, после первого, и надеюсь, единственного выстрела напрягся. Просто пока ещё при мне никто не пытался убить ни Наталью Никаноровну, ни Белиала. Хрен его знает, как они на это отреагируют. А вот за блондиночку душа заболела. Если сейчас бабуля распсихуется, ей ничего не стоит открутить девчонке голову. И я этому никак, вообще никак не смогу помешать. Вот

в чем дело. Нет у меня в наличие средств борьбы с демонами. К тому же, исходя из нашего с Натальей Никаноровной общения, склоняюсь к мысли, что их и нет, этих способов, как таковых. Церковь ей по фигу, святая вода тоже, со светлой стороной там вообще мутная история у них. Хрен поймёшь, кто против кого и есть ли вообще это противостояние. Тем более, уверен, те немногочисленные фокусы, которые я уже видел со стороны бабули – ерунда по сравнению с тем, что она реально может продемонстрировать.

– А ты думала, милочка, твоя сила, она откуда? От бога? От природы-матушки? Как тебе Феня рассказывала? А? Вот это типа древнее наследие русского народа… бла-бла-бла… Да щас! Очнись. Ничего не даётся просто так. Никогда! И да, бабка твоя померла давно. Ещё в лагере. Перед тем, как ее разыскал Тихонов. Это был ее срок. Я только взял тело, потому что оно мне подходило. И потому что нужна была ты. Княгиня Долгорукова умерла сама. Сама! Ясно? И нечего мне тут теперь битву добра со злом устраивать. Ты не добро. Поняла? Нет в тебе ни черта светлого. Одна только тьма. Иначе никогда в жизни я бы тебя из Калинина в Москву не довез. Ни один демон в тебе бы и секунду не прожил бы.

– Ещё раз спрашиваю, что ты такое? – Лизонька оружие опускать не спешила и по-прежнему держала Наталью Никаноровну на прицеле. – Почему говоришь о себе, будто ты – мужчина?

– Ой, ну не смеши! Убери эту пукалку. Очевидно ведь, она не причинит мне никакого ущерба. – Бабка-демон, не спеша, двумя пальцами залезла в крохотную дырочку, оставленную пулей, расширяя ее, а потом, как ни в чем ни бывало, поковырявшись, вытащила ту самую пулю наружу. Крови, что примечательно, не было вообще ни капли. – Только тело мне испортила… Психованная… Хочешь поговорить? Хорошо. Поговорим. Скажу то, что могу сказать. Но угрожать больше никогда мне не смей. Больше ничего подобного у тебя не выйдет. Гарантирую.

Девчонка, надо отдать должное, всегда неплохо соображала. И сейчас тоже. Она медленно опустила винтовку, но взгляд от бабули не отрывала.

– Ты… Ты – дьявол?

Я нервно хохотнул. Прямо смех меня разобрал. Вот это Лизонька замахнулась. Мыслит глобально.

– Нет. – Сказал я, планируя снова вмешаться в их беседу и объяснить девчонке, что по чем.

– Да. – Сказала Наталья Никаноровна, и я охренел.

– В смысле «да»?! – Тут уж меня накрыло. Что за бред опять происходит? – Не смешно, Наталья Никаноровна! Вообще не смешно. Говорите ей правду!

– Так и говорю же. Правду. – Бабка-демон одернула пиджак своего костюма, поправила жабо, а потом шляпку. Ридикюль все так же висел на локте. Он вообще, мне кажется, прирос уже к старухе.

– Какую, на фиг, правду? Она Вас дьяволом назвала, а Вы соглашаетесь! – Я в два шага оказался рядом с Натальей Никаноровной, испытывая сильное желание взять ее за плечи и со всей силы тряхнуть. Но, что вполне логично, ибо чувство самосохранения никто не отменял, делать этого не стал. Ее тряхнешь. Потом задолбаешься сам трястись.

– Ну? Угадала девка сразу. Не то, что ты, Иван, как дурачок. Тыкался, тыкался по углам и все мимо. Лепил мне какого-то Бегемота. Вообще… А что не чёрта? Или… Ну, не знаю… Вон, какого-нибудь упыря.

– Вы… О-о-о-о-о… Не надо упырей! Я не хочу этого знать! Ясно? Более чем хватает вас. И Белиала. Не хочу знать, что существует ещё какая-то хрень! – Меня переполняли эмоции, а в первую очередь настоящее бешенство. Вообще черти что выходит. Ладно демоны. Ладно! Хрен с ним! Пусть! Но дьявол? Увольте!

– Так. Успокоились! Ещё один припадочный. – Наталья Никаноровна переложила ридикюль в другую руку. – Ну, и дьявол. Что такого? Дьявол. Люцифер. Сатана. Что больше нравится?

– Да как так-то?! Вы же… – Я руками очертил силуэт Бабули, – Вы, блин, – старуха! Ну, хорошо, пусть демон. Я смирился с их существованием и все такое. Но дьявол?! Где огонь? Где копыта, там, например?! Рога где?!

– Иван… – Наталья Никаноровна подняла иронично одну бровь. – Что тебе дались эти рога?! Прямо мания какая-то. Ты сходи к хорошему мозгоправу. Это ненормально, ей-богу, такая потребность в рогах. Может, у тебя глубокая травма из детства?

– Вот! – Я пальцем почти ткнул Наталье Никаноровне прямо в лицо, – Вы сейчас бога упомянули! Как это?

– Ты знал… – Голос Лизы прозвучал неожиданно и очень тихо, но я сразу услышал. Честно говоря, лучше бы она накричала. В нем, в ее голосе, была огромная, болезненная обида. Девчонка медленно присела, положила винтовку на землю, поднялась и, не поворачиваясь, все так же стоя лицом ко мне и бабке-демону, сделала шаг назад.

– Черт… Лиза… – Я понятия не имел, что говорить в такой ситуации. По сути, реакция девчонки понятна. Она отталкивается

от того факта, что имея с ней близкие отношения, имея определенную связь, я, как и сама Наталья Никаноровна, можно сказать, врал. Скрывал от блондиночки настоящую суть княгини Долгоруковой. Не епте мать! Я и сам не знал. Дьявол?! Да бред. Бред! Не может этого быть! Издевается опять Наталья Никаноровна. Сто процентов, просто издевается.

– Ты знал. И молчал… – Лиза покачала головой, будто удивляясь этому факту, а потом снова сделала несколько шагов назад, пятясь от нас с бабкой-демоном.

– Так. Все! Хватит тут разыгрывать драму с трагедией. Значит, ты. – Бабуля указала на девчонку. – Замерла. Стоишь и слушаешь. Сама хотела знать, вот получай. Тебе же не втерпеж! Достали вы, людишки, своими эмоциональными всплесками. Гормональными фейерверками. Суетитесь, бегаете, выясняете. Пускает вперёд свои обиды. Каждый уважающий себя демон, довел бы дело до конца, получил бы свою выгоду, а потом, втихаря, грохнул бы врага, то есть меня, устроив красивую подставу. А вам, вот это, медом не корми, дай пострадать. Чтоб одна бежала в туманную даль. Второй за ней со слезами на глазах. Вернусь, я все прошу… И подобная лабуда.

Девчонка хотела уйти, но явно не могла больше сделать ни шага. Ее напряженное лицо и закушенная нижняя губа, однозначно говорили о том, что она очень старается. Однако, Наталья Никаноровна, похоже, ее как-то держала на месте.

– Ты! – Бабка-демон снова указала рукой, но теперь на меня. – Тоже прекращаешь эту истерику. Да, я именно тот, кем меня назвала Лизка. Все. Приняли информацию, успокоились и забыли. Это не играет для вас большой роли. Мне нужна была книга. Потому что ситуация начала выходить из-под контроля. Впервые за очень долгое время. Я ее получил. Теперь надо книгу положить в надёжное место. Сделать это предстоит именно вам. Соответственно, несложно догадаться, что вы оба мне тоже были нужны. Только по этой причине я няньчусь с вами. В любом другом случае…

Наталья Никаноровна замолчала, но при этом небо начало очень быстро темнеть. На улице и без того уже были сумерки, однако впервые в своей жизни я видел, как черные, грозовые тучи со скоростью, которой у них никак быть не должно, стягиваются в одно место. Причем центр этого места был ровно над нами. Буквально секунда, и между нашей троицей прямо в землю натурально ударила молния, а совсем рядом громыхнул гром. Вот такое, казалось бы, незатейливое природное явление. Молния. Но, ешкин кот… Она била прицельно. Это совершенно точно. Целенаправленно. Несложно догадаться, кто именно устроил

данный локальный погодный катаклизм. Естественно, следом, ливанул дождь. Похоже, даже дьявол не в силах изменить законы и раз была гроза, то держите, вам товарищи – освежающий душ.

– Я сказал все предельно ясно и возвращаться к этой теме больше не собираюсь. – Заявила бабка-демон. Хотя, уж и не знаю, как ее теперь называть. – Настоятельно рекомендую сосредоточиться на том, что нам предстоит.

При этом, вода лилась так, будто наверху, где-то там, в их небесной канцелярии, сорвало кран. Просто стеной. Нескончаемым потоком. Соответственно, стояли мы, я и Лиза, мокрые с ног до головы. Дождь стекал по волосам, по лицу, заливался под одежду. А вот Наталья Никаноровна, чтоб ей ещё раз пять сдохнуть, оставалась совершенно сухой. Нет, ливень попадал и на нее. Просто она не мокла. Вообще.

– Тебе не за что мне мстить. В любом случае вас бы «сдали». Тот самый мужик, чью жену пошла спасать Феня. Она ничего не смогла сделать, твоя воспитательница. У этой бабы вышел срок. Все. Остановить смерть ты никак не остановишь. Никто не остановит. А мужик, которому пыталась помочь ведьма, решил, что она и виновата в гибели его жены. Тип этот, едва Феня вышла из его дома, рванул в ближайший центр. И не явись в тот день Тихонов, за вами бы все равно пришли. Суть позже. Только убили бы всех. Сначала допрашивали бы, а потом убили. Скажи спасибо, что майор сделал все быстро и твоя любимая Феня не мучилась. Да и ты осталась жива. То, что произошло за это время, тоже послужило на пользу. По крайней мере твоей же земле. Те сведения, что ты принесла из Калинина, сильно помогли в подготовке контрнаступления, потому что знали, когда и откуда последует удар врага. Мацкевича вы тоже остановили. Чтоб понимала, скажу. Если бы Тихонов не нашел тебя, не нашел меня, то есть княгиню Долгорукову, и не создал свой отдел, Генрих Эдуардович убивал бы ещё. И поверь, не один раз. Какие претензии тогда, не пойму? Ко мне. Ну? Конкретно. Я не обязан был вам обоим представляться. Вообще. Сейчас – это жест моей доброй воли. Цените! Людишки… Что он в вас находит… Не пойму… Суетливые. Слабые.

Наталья Никаноровна очень выразительно сплюнула на землю, а потом резко сорвалась с места и быстрой походкой направилась в сторону села. Уже почти скрывшись за деревьями, она повернулась и посмотрела прямо на меня. Сейчас лицо бабки выглядело иначе. Оно было таким же, но другим. Как в самом начале нашего знакомства, когда я замечал эти внутренние метаморфозы. Челюсть стала тяжелее, лоб выше, нос крупнее. Сквозь старушечье лицо отчётливо проглядывался образ

мужчины.

– У тебя, Иван, ночь, чтоб привыкнуть к оружию. Понял? Не трать время. Внизу, на луг, придут дикие собаки. Они шустрые, подвижные и очень сильно злые. Это я тебе гарантирую. Займись делом. Надоели вы своим нытьем и своими страданиями. А ты… – Никаноровна уставилась на Лизу, – Голову включи. Нужно восстановить твое состояние. Иначе сдохнешь, как бабка Долгорукова. Если родилась особенной, с даром, то и жить должна определенным образом. Тем более, скоро будем на месте. И если ты не вернёшь свои способности, то мандец вам обоим. А мне лично вы все вот тут уже.

Старуха провела себе ладонью по горлу. Потом развернулась и потопала к домам, маршируя так, что из-под каблуков ее туфель вылетали комья мокрой земли и грязи.

– Лиза… – Едва Наталья Никаноровна скрылась из вида, я попытался поговорить с девчонкой. Куда там! Она обожгла меня взглядом, а потом процедила сквозь сжатые зубы.

– Не подходи ко мне… Ненавижу тебя…

В итоге все ушли в дом, ну, так думаю, что в дом, а я остался под дождем, устроенным бабкой-демоном, с четким ощущением, если эта история, наконец, не завершиться, сто процентов сойду с ума.

Глава 16

В дом я вернулся только под утро. Мокрый, голодный, злой. Правда, заняться было чем. Бабка-демон позаботилась о моем досуге на сто процентов. Зато, пусть не полностью, но оружие стало немного привычнее. К сожалению, ситуацию усугубляло различие между тем, что знал, умел я, и между тем, что знал, умел Иваныч. Но, в принципе, для нашего первого совместного опыта очень даже неплохо. Достаточно быстро мы приспособились в этом плане друг к другу. Не знаю, хорош данный факт или надо насторожиться. Всё-таки слова о том, что слишком долго оставаться в теле Иваныча опасно, помнил отлично.

Попутно местным помог решить проблему с дикими собаками, которых, на фоне окружающей действительности, развелось немало. Ну и относительно успокоился. Хоть как-то. Нервировала только мокрая одежда.

Потому что поначалу мне, не хуже Лизоньки, очень сильно хотелось догнать Наталью Никаноровну и пальнуть ей прямо промеж глаз. Думаю, особого там вреда не было бы. Эта особа пули из тела спокойно выковыривает. А вот душу отвёл бы знатно. Ибо достала, сил нет. Или достал. Хрен его знает, как правильно.

Просто… Люцифер? Это, блин, что вообще? Сама мысль о том, будто все минувшее время рядом со мной находился… даже не знаю, как назвать… хозяин Ада? Главный демон? Самое злое зло? Можно использовать любые термины, суть-то все равно одна и та же. Сатана… Твою ж мать. Это просто не укладывалось в моей голове. Никак. Вообще. Наверное, причина и правда была в подаче. В том, как Наталья Никаноровна преподносила себя окружающим. Особенно мне. Без пафоса, без какого-то величия, без всех тех атрибутов, которые, по идее, должны быть. Она ведь таскает в себе одно из самых могущественных существ, которых можно представить. Не зря меня постоянно преследовало ощущение подвоха. Даже, если говорить точнее, какой-то двойственности. Когда смотришь, но понимаешь, где-то тебя нагребывают. Будто игра в «напёрстки». Уверен, монета лежит под правым стаканом. Понимаешь, а хрена там! Пусто.

Правда и Наталья Никаноровна, надо отдать ей должное, очень успешно способствовала созданию образа этакой взбалмошной, немного придурковатой старухи. Хотя… Почему

немного. Иногда совсем придурковатой. Шизанутой, я бы даже сказал. Уж точно подобное поведение никак не вяжется с дьяволом. Она часть своих возможностей, очень малую часть, начала показывать совсем недавно. И то. В большей мере имела место некая демонстрация силы. Чтоб я не расслаблялся. А так – обычная пожилая особа с превеликим заскоком. И снова мне подумалось о том, насколько неправильно мы понимаем зло. Ждём наглядности. На самом деле, оно может выглядеть так, что ты в жизни никогда не заподозришь. Будешь, как дурак, смотреть прямо на него и не замечать.

Но все эти рассуждения – фигня. Интереснее другое. Теперь я вообще ни черта не понимаю. Схема выстраивается какая-то кривая.

Значит, Люцифер. Ок. Когда-то очень давно этот тип, наказанный за плохое поведение, обиделся на САМОГО́ и ушел гулять. Ходил, гулял, настрочил книгу, в которой описал много всего крайне увлекательного для людей. Хорошо. Ладно. Потом он эту книгу спрятал, чтоб однажды ее нашли. Люди, естественно, нашли. Оно же как? Если что-то где-то плохо лежит, надо скомуниздить. А лежало точно плохо, иначе осталось бы на своем месте. Дальше книга пошла по рукам. Я так понимаю, Люцифер об этом знал и стал наоборот использовать данный предмет, чтоб он каждые сто лет провоцировал новую шахматную партию, подталкивая людей к началу локального апокалипсиса. Черные ходят, белые отвечают, по факту должны выиграть белые. Потому что, в принципе, всех все устраивает и наблюдать толпы людей, завывающие в адской лаве, которая потечёт по улицам, черные точно не желают. Тут более-менее все понятно. Белых, очевидно данный расклад тоже устраивает. Лишний раз люди мордой ткнутся в свое же дерьмо.

Далее, как говориться, показания начинают путаться. Значит, спустя много тысячелетий книга немного обнаглела, напиталась человеческими эмоциями и стала обретать некую самостоятельность, очевидно, выйдя из под контроля самого Люцифера. Мацкевич стал очередным обладателем данной препротивной вещицы. Он вызвал демона. Аааа… Черт! Я аж хлопнул себя ладонью по лбу. В самом начале ведь бабка говорила, что искал Генрих Эдуардович способ встретиться именно с Сатаной, а прилетела смутная, дымная дрянь. Но ведь бабка-демон ещё тогда, объясняя мне сюжет, в данном конкретном моменте не уточнила, будто Мацкевич не смог вызвать того, кого хотел изначально. Это я сам уже так решил. Да и по сути, кто такой Люцифер? Демон и есть. Только самый главный. Я уже понял, что словами Наталья Никаноровна играет,

как жонглёр шариками. Ей надо задавать конкретные вопросы, на которые подразумеваются конкретные ответы. Без вариаций на эту тему. И тогда, ещё в первый наш разговор, если бы я в лоб поинтересовался, смог ли психованный Генрих встретиться с владыкой ада, она, бабуля, ответила бы положительно. Наверное. А там, конечно, хрен его знает. Что уж об этом говорить.

Далее. Мацкевич нашел книгу и вызвал Люцифера, свято веря, что он – обычный демон, в чем его сам же Люцифер и убедил. Это понятно. Зачем Сатане признаваться, что он Сатана? Генрих задолбал бы своими мечтами и требованиями. Таааак… Внезапно, в моей голове начала формироваться очень интересна мысль. Почему, являясь вон оно кем, Люцифер просто не послал Генриха, куда подальше, а нянчился с ним более двух лет? Ну призвал его мужик. Книга подействовала, пошел процесс подготовки к игре. И? Не потому ли, что сам владыка ада стал зависим от своего создания? Что, если она, книга, связывает его некоторым образом по рукам и ногам? Я прямо завис, глядя вдаль, где медленно поднималось солнце. Мои размышления происходили там же, в лесу, до того, как решил вернуться в дом.

Во всей этой истории точно есть один огромный подвох. И скорее всего, он именно тот, что я думаю. Люцифер сам как-то ограничен своей же книжонкой. Поэтому он терпел Мацкевича так долго. Из-за дьявольской вещицы главный демон не в состоянии разрулить ситуацию по своему усмотрению. Генрих его привел к людям. Да. Но, видимо, все пошло немного не в ту сторону, как надо было изначально черным. Поэтому появился ещё и Белиал, призванный Геббельсом. Вот уж точно, не захотел бы владыка ада, чтоб часть информации попала к фашисту, оно бы и не произошло.

Далее, книжонка отправилась в путешествие и оказалась в Москве. Следом явился Мацкевич. И тут снова что-то пошло не так. Наталья Никаноровна тоже ведь упоминала, будто никак дед не должен был оказаться в этой истории, а он оказался. И если допустить, что вещица обрела свою волю, то вполне возможно, книга самостоятельно подтянула Иваныча, чтоб не попасть в жадные ручонки своего создателя.

Теперь, смотрим дальше. Появился дед. Ребенок, должен был умереть, но не умер, благодаря вере матери и брата. Это как-то создало ему защиту от влияния Натальи Никаноровны и ей подобных, включая Лизоньку. В момент, когда книга сбежала к Иванычу, бабка-демон поняла, что вообще теряет ее. И договориться не получится с новым владельцем. Слишком упрям, слишком пропитан верой, но не той, которая нужна.

Предан идеям партии и Сталина. Попутно возник Василий. Он должен был бы дать белым возможность вступить в игру. Но! И вот тут снова можно предположить, что именно книга помешала этому. Соответственно, пришлось искать кандидата, который способен вернуть шаловливую вещицу тому, кто ее создал. Поэтому всплыл я. Но у меня ума тоже не особо хватило сделать все, как положено. Книга один хрен попала к Берии, снова сбежав от Люцифера. Это изменило будущее. Меня вернули и отправили за Алексеем. Так как, кровь из носа, нужен был человек, который станет проводником для белых. А потом девчонка…

Твою ж мать… Я второй раз ударил себя по лбу. Сильнее, чем до этого. Потому как очевидным становилось то, на что прежде внимания не обращал. Лиза хотела меня спасти. Но кто сказал, будто Наталья Никаноровна сильно этому удивилась? Именно благодаря смерти девчонки, бабка-демон сумела выдернуть книжонку у Тихонова. Не зря она, бабуля, вдруг стала подталкивать нас друг к другу… Хотя изначально была категорично против. Вот ведь… старая сука… Она знала! Более того. Сама и спланировала это все! Уверен! Специально дала возможность мне и Лизоньке увлечься ещё сильнее, чтоб блондиночка в нужный момент кинулась на мою защиту. А у майора не было выбора. Ему либо книгу зажать и не получить сведения, что на тот момент было гораздо важнее какой-то эфимерной штуки, выполняющей желания, либо отдать дьявольскую вещь, и получить гарантированный шанс отстоять Москву.

Я вскочил на ноги, а до этого момента просто сидел на каком-то пне, глядя вдаль, наблюдая рассвет и выстраивая всю информацию в логическую цепочку, затем принялся мерять шагами поляну. Все ложилось в цвет. Все мои мысли начинали обретать вид именно тот, который, скорее всего, соответствовал реальным событиям. Однозначно, произошедшее во дворе того дома, создала Наталья Никаноровна, она же – Люцифер, она же – Сатана, она же – старая, хитрожопая сволочь.

Но в итоге, несмотря на вернувшуюся к бабке-демону книгу, осталась Лиза, которая пожертвовав собой ради кого-то, утратила связь с черными и лишилась своих способностей. А девчонка, выходит, как и Иваныч, для Люцифера важны. Именно в качестве рук, которые книжонку спрячут или уничтожат на Мамаевом кургане. Поэтому меня снова дёрнули в прошлое, потому что, по словам Натальи Никаноровны, вернуть все взад могу только я. В плане состояния Лизы.

Соответственно, это и правда – последний этап. Имею ввиду

Сталинград и наше туда путешествие. Как только Люцифер сделает задуманное, все закончится. Поэтому он так за белых волновался. Что никак они не вступят в игру. Понимал, чертова книга мешает и всячески этому препятствует.

О, да… Нарезая круги по утреннему лесу, уставший, промокший, потому что катаклизм в виде ливня, вызванного Натальей Никаноровной продолжался достаточно долго, но крайне при этом довольный, я точно уверился в правильности своих размышлений. А самое главное – Люцифер, по сути, такой же заложник обстоятельств, как и все мы. Он не в состоянии самостоятельно справиться с вещью, которую сам, собственноручно создал. А той, в свою очередь, судя по всему, очень даже неплохо среди людей и уходить в забвение она вовсе не желает. Поэтому Василий тогда рассказывал о страшных, тревожных ощущениях, которые вызывала у него вещь, отданная на хранение Иванычем. Потому что эта самая вещь, выходит, может, конечно, и не живая, но имеет какую-то свою сущность. Она всячески сбивала Ваську с пути, чтоб тот не оправдал надежд Люцифера. Пыталась той самой веры его лишить. А Васька держался до последнего. К Алексею просто вещица доступа не имела. Да ещё крест этот. Типа семейного наследства. Короче, брат деда свое назначение выполнил.

Дело за малым. Во-первых, каким-то чудом привести в себя Лизоньку. И вот тут я даже приблизительно не знаю, как осуществить необходимое. Тем более сейчас. Девчонка психанула. Это факт. Причем психанула основательно. В ее представлении, я – предатель и брехун, который за ее спиной сговорился с владыкой ада. Это она ещё о перемещении не знает. Догадывается, понимает, Иваныч не вполне Иваныч, но правды пока не знает. Далее, нам нужно разобраться с книгой. Это позволит Люциферу успокоится и, очень надеюсь, вернуться домой. Мне – тоже обрести свое настоящее. Иванычу – жить дальше, как и должно было быть. Лизоньке… Ну, тоже, наверное, что-то там есть.

Как бы то ни было, мне стало значительно легче. Многие непонятные до этого моменты стали, наконец, на свои места. Может, не прямо миллиметр в миллиметр, и зная Наталью Никаноровну, уверен, там ещё несколько ответвлений от основного сюжета, как тот же Мацкевич, оставшийся в Ровно, чтоб беречь Коха, но общая картина более-менее стала ясна.

Я взял винтовку, которую до этого положил на землю, а затем направился к дому. Интересно, там все живы? Не поубивали друг друга бабы? Хотя, какие уж тут бабы? Лизонька то понятно. С ней все нормально. Как на Наталью Никаноровну теперь смотреть,

зная, кто находится внутри.

Только вошёл в дом, сразу заметил обеих. Сидели, как ни в чем не бывало, за кухонным столом, попивая излюбленны чай Натальи Никаноровны. Лиза с одной стороны, бабка-демон – напротив. Сильного накала страстей между ними не ощущалось. Такое чувство, что мои спутницы поговорили, выяснили недопонимания и вообще, вроде, помирились. Им, похоже, это надо было сделать без присутствия посторонних. То есть меня.

– О-о-о-о-о… Иван. Доброе утро. Присаживайся. Горячий ещё. – Наталья Никаноровна вела себя, будто вообще ничего не произошло. Серьезно. Просто словно мы пять минут назад расстались совершенно доброжелательно, без совместных претензий, а теперь опять встретились. Лиза тоже вид имела равнодушный. Сроду не подумаешь, что буквально несколько часов назад она стреляла в сидящую напротив женщину.

Я подошёл к столу, пристроился рядом с Лизой. Однако, девчонка тут же поднялась и вышла в другую комнату. Ну, ясно. То есть с Люцифером она нашла возможность поговорить и прийти к какому-то решению, типа, общая цель, бла-бла-бла, а я вроде и не достоин. Ладно. Ок.

– Дай ей время. – Заявила вдруг Наталья Никаноровна, глядя на меня поверх края кружки.

– Класс. А оно есть? Время? Мне казалось, нас поджимают сроки. – Честно говоря, прям задело. Тот факт, что меня, блин, поставили ниже Сатаны. Капец, конечно. Выходца из ада девчонка приняла, типа, а я – пошел на хрен. Круто!

– Поджимают, – Согласилась бабка-демон, – Но девке надо переварить.

– Слушайте, Вас то она переварила. Ничего. Не подавилась. Вон, смотрю, подружились практически.

– Не плети ерунды. Мы просто поговорили. Объяснил ей, насколько важно все, что предстоит сделать. В том числе, насколько важно вернуть ее способности. Баланс. Гармония. Равновесие. Нельзя его нарушать. Лизка должна стать такой, какой родилась. И сделать последний рывок тоже должна. Она меня услышала, приняла правильные решения.

– Манданешься. Кто-то с кем-то разговаривает. Объясняет. А почему мне с самого начала не объяснили?

– Чего именно, Иван? – Наталья Никаноровна отставила кружку в сторону, внимательно глядя мне в глаза.

Не долго думая, я рубанул все, до чего дошел в процессе размышлений. Бабуля, кстати, выслушала мои умственные изыскания серьезно, не перебивая.

– Ну? Что скажите? – Я уже закончил, а она по-прежнему

сидела молча, не отводя взгляд.

– Скажу… Да нечего сказать. В бóльшей части сказанного ты прав. В основной части. Книга, когда-то давно мной написанная, действительно вышла из-под контроля. Ее действительно нужно доставить в определенное место, а потом… – Наталья Никаноровна замолчала на несколько секунд. – А потом, как получится. Либо уничтожить, это лучше всего. Либо спрятать. Не могу утверждать, какой из данных вариантов сыграет. Но в любом случае, категорично важно все необходимо завершить. И это единственное, что тебе надо знать наверняка. Давай собираться. Пора ехать.

Бабка-демон выбралась из-за стола, планируя покинуть, как и Лиза, комнату.

– Погодите… – Я окликнул ее, когда она почти уже вышла. – Как мне Вас теперь называть? Всё-таки… ну … звание высокое.

– Кого перед собой видишь? – Бабуля поправила шляпку.

– Княгиню Долгорукову. Наталью Никаноровну.

– Ну, вот. Сам ответил на свой вопрос. Как звал, так и зови. Хватит маяться дурью. И без тебя ее полнó. С этими словами бабка-демон скрылась из поля зрения.

Глава 17

Когда Наталья Никаноровна, при нашем разговоре в машине заявила, что вернуть книгу на место или уничтожить ее, будет совсем не просто, потому как нам попробуют помешать, я как-то не обратил на это внимания. Вернее, обратил, но честно говоря, подумал, брешет опять старая сволочь. Кто там помешает? По сути мы уничтожим причину сильнейшего зла. Кому надо препятствовать данному событию? Белые? Так они наоборот заинтересованы в этом. Если уж сам Люцифер желает избавиться от своего творения, то им, белым, и подавно оно поперек горла стоит. Черные? Могли бы, но как? Если самый черный из черных сам же и тащит свою книжонку в последний путь. Все. А других я не знаю. Про других нигде не сказано. Серых пока что не придумали.

Однако, не успели мы отъехать от Воронежа в сторону, где сейчас шли самые ожесточенные бои, как машина пару раз фыркнула и замерла. В мы были даже не на главной дороге. Бабка-демон снова проложила маршрут через какие-то заковыристые тропы.

Причем водитель, который исправно на протяжении предыдущего времени изображал из себя безвольного робота, вдруг, как и сам автомобиль, дернулся, тоже фыркнул, а если говорить более точно, то зарычал, а потом кинулся меня душить. Резко и очень неожиданно. Просто встала машина, он бросил руль и в одну секунду ухватил меня за горло. Я так обалдел, что в первое мгновение не поверил ни своим глазам, ни своим ощущениям.

– Началось… – Буркнула Наталья Никаноровна, а потом, подавшись вперёд, они с Лизой по-прежнему занимали заднее сиденье, со всей силы долбанула фрица по голове ридикюлем. Тот сразу разжал руки и сдулся, как резиновый мяч.

Я хватал ртом воздух, по сути, за эти секунды не успев толком понять, что вообще произошло. Чёртовы законы этого дебильного перемещения. Чужое тело все равно плохо подчиняется мне. Рефлексы, будто притупившиеся. Слишком медленно следует реакция.

– Что это было? – принялся растирать горло, где, скорее всего, остались следы от пальцев фрица. Чувствовал, как горит кожа.

Кстати, Лизонька, стерва, даже не дернулась. Нормально? Ее

мужика тут чуть не придушили, а она даже не смотрим на меня. Пялиться в окно. До чего же бабы, однако, злопамятны, если считают, что их обидели. Все же, какой-никакой, а я – ее мужик, условно говоря. Интересно, если бы не вмешалась Никаноровна, блондиночка так и рассматривала бы пейзаж? Учитывая, что двигались мы по какой-то просёлочной дороге, с одной стороны было поле, с другой – лес. Посмотреть, конечно, приятно, но блин… Не когда рядом сошедший с ума полулодохлый Фриц пытается отправить на тот свет человека, который, вообще-то, ничего плохого не сделал.

– Это, Иван, мелкие препятствия. Пока что мелкие. Но оно нас тормозить будут. А вот это уже не есть хорошо. Ладно. Вылазьте. Машина теперь с места не двинется. Все. Сдохла она. Как и этот…

Наталья Никаноровна кивнула в сторону фрица. Он, когда вырубился, упал головой вперёд. И кстати, в машине начало как-то отвратительно вонять мертвечиной. А немец прямо на глазах обретал землистый цвет лица.

Я ругнулся вслух и выбрался наружу. Бабка-демон и девчонка сделали то же самое.

– Оружие забирай. Остальное нам ни к чему. – Приказала бабуля. – Вот суки… Задержимся теперь. К утру только будем.

Старуха подождала, пока я открою багажник и вытащу винтовку, а потом направилась в сторону леса. Лиза, ни слова не говоря, – следом. Аж бесит. Честно. Ты посмотри, какая принципиальная. Главное, с Сатаной она вась-вась, а Иван теперь – враг номер один. Это как вообще? Просто потому, что не рассказал ей про бабку. Причем, то, что столь высокое звание у занявшего жилплощадь демона, стало для меня ещё большим сюрпризом, чем для девчонки, та хоть сама догадалась, почему-то не учитывалось.

– Пешком пойдем? – Я прихватил винтовку и бросился догонять женщин. Женщин… Да уж.

– Пока что пешком, – Ответила Наталья Никаноровна, не оборачиваясь. Она целенаправленно пёрла в самую чащу, не обращая внимания на кусты, которые своими ветками хватали ее за длинную юбку. Срезать, что ли, хочет?

– А можно поинтересоваться, вот эта внезапная самостоятельность водителя – результат чьих-то конкретных действий? – Догнал бабку-демона и старался идти теперь если не рядом, ясное дело, не по улице маршируем, то хотя бы прямо следом за ней.

Лизу решил игнорировать, ровно как и она вела себя в мой адрес. Хочет беситься, пусть бесится. У меня, в конце концов, есть

конкретная задача – вернуть ей прежнее состояние. Причем, в душе не имею ни малейшего понятия, как. А чертова бабуля, (как же правильно теперь звучит эта формулировка) не хочет никак помогать, ссылаясь на свой идиотский принцип невмешательства. Что, блин, за неправильный дьявол. Бракованный какой-то. Гармония, равновесие…

– Нет, Иван. Он просто внезапно прозрел и понял, что ты совершенно невыносимый в своем занудстве товарищ. Можешь представить, насколько тяжко тебя терпеть, что аж мертвец не выдержал. – Наталья Никаноровна, резво шагая по буеракам, дале в дыхании не сбилась. А все ныла, тело ей не такое. Брехушка и есть. Что с нее взять.

Лизонька в ответ на комментарий бабки-демона демонстративно фыркнула, типа насмехаясь. Надо мной, естественно. Ладно. Потерпим. Помолчим. Потом отыграемся.

– То есть все это время нас вез… – Хотел сказать, зомби, но вспомнил, что тем самым спалюсь перед девчонкой. Сейчас ещё очередных разборок не хватает. В они будут, как только блондиночка узнает, что ее подозрения были верными и нет в данную минуту никакого Иваныча. Зато имеется его внук, переместившийся из будущего.

– Нас вез мертвый немец? – исправил опасную формулировку.

– Да что ж ты за человек такой… Конечно, мертвый. На кой черт нам живые немцы с собой. Мало что ли? Посмотри вокруг. Да не сейчас! Образно говорю. Этих немцев на каждый километр, что собак нерезанных.

– А кто заставил его броситься на меня? – Я упорно гнул свое.

– Тот же, кто загубил нам машину. – Многозначительно ответила бабуля.

Лиза снова фыркнула. Тут я не выдержал. Девчонка шла вроде рядом, но чуть в стороне. Резко свернул в ее сторону, ухватил за предплечье, сжимая его, а потом дёрнул ближе к себе. Блондиночка пискнула, но тут, же, сцепив зубы, тихим злым шепотом велела.

– Отпусти.

– Разбежался! Давай-ка поговорим, милая. Не собираюсь все оставшееся время терпеть твои закидоны. Ясно? Ты почему-то мою доброту и мое терпение начала принимать за слабость. Не надо. Это может нехорошо закончится.

Раздражение и злость переполняли меня. Бурлили, будто лава, которая сейчас рванет извержением вверх.

– Ну… поговорите. Верно. – Влезла Наталья Никаноровна. Она даже остановилась и обернулась, глядя на нас с девчонкой – Мешать не буду. Давайте только быстрее. Вот вообще не время

для вашей очередной драмы. На кону половина мира, если не весь, а они со своими отношениями никак не разберуться. Догоните потом. Не маленькие.

Бабка-демон подобрала юбку, которая собрала всю возможную растительность, и потопала вперёд, бормоча себе под нос, как же сильно бесят ее «эти людишки».

– Ещё раз говорю, отпусти руку. – Лизонька дернулась, пытаясь вырваться. Правда, гонор немного убавила. Говорила уже не с такой ненавистью, как до этого.

– А то что? Нет. Не отпущу. Поговорим сначала. Что за демонстрация характера? Я и без того знаю, он у тебя отвратительный. Поясни свою принципиальную позицию. Что-то не до конца ее понимаю.

– Неужели? – Девчонка перестала рваться, а наоборот, шагнула совсем близко ко мне.

Мы теперь стояли почти прижимаясь друг у другу. Очень неуместно возникло желание. Не желание чего-то. А просто – желание. Обычное, примитивное, мужское желание. Хотя, нет. Необычное. Сильное. Честно сказать, вообще бы сейчас не вел эти разговоры, а занялся гораздо более приятным делом.

– Ты все это время обманывал меня. Скрывал, что знаешь о смерти княгини. Что столько времени рядом находился… – Лиза замялась. Видимо, не смотря ни на что, ей, даже при ведьмовской натуре, тоже было очень странно произносить вслух настоящее звание нашей, прости Господи, спутницы.

– А что такое? Что замолчала? Сатана. Говори уж. Ты даже не поинтересовалась, знал ли я сам! Про демона, да, был в курсе. Но ешкин кот! Не мог рассказать. Не понятно что ли? Не мог. Понимаешь такое слово? А про дьявола вообще впервые услышал, когда и ты. Эта … этот… твою мать… Короче, это существо ни черта мне не рассказало, кто оно на самом деле. Я был уверен, обычный, простой демон. А ты вообще вон, между прочим, догадалась. Сама. Не то, что из меня дурака столько времени делали.

– Не догадалась… – Лиза отвела взгляд. Хотя только что буквально испепелила меня им. – Умерла я, Иван. А это существо, как бы назвал, меня через Ад в Москву привело.

Лиза замолчала, задумчиво уставившись вдаль, куда-то между деревьев. Я тоже уставился. И не менее задумчиво, чем блондиночка. Только на нее саму. Хотелось, как бы, пояснений, но девчонка, похоже, не планировала их давать. Вот молодцы! Нравится мне их эта манера, коллективная, причем, ляпнуть что-то мистически-загадочное, а потом уходить в себя. А ты, Ваня, соображай, что это вообще значит. И какое имеется в виду

понятие, переносное или прямое.

– Про ад… Ты же образно?

– Нет. Честно говоря, думала, ты именно поэтому меня сторониться вдруг стал. Вернее, сначала не помнила, как оно было. Провал в памяти. Одно большое чёрное пятно. От момента, когда Марта выстрелила, до той минуты, когда очнулась в книжном хранилище на диване. Рядом – бабушка… черт, по привычке… Какая уж теперь бабушка, – Лизонька усмехнулась и покачала головой, будто сама недоумевая от очень необычного внутреннего мира своей родственницы, – Рядом была княгиня и больше никого. Ты на следующий день появился, но стоило мне подойти, прямо отшатнулся. Будто что-то неприятное увидел. Противное. Не могла понять. Попыталась поговорить, а ты вообще заявил, мол, не было между нами ничего и кроме службы общего не имеем. Я, конечно… Обидно, в общем, стало. Но потом, постепенно, начали приходить воспоминания. Первые были совсем смутные. Будто смотрела на происходящее я, а в то же время, не я. Ну и подумала, ты, наверное, видел со стороны, как всё было. Наверное, тебе на самом деле неприятно после такого меня видеть.

– После какого «такого»? – Черти что. Разговариваю каждый раз с девчонкой, словно по минному полю хожу. Как было бы проще, имей я возможность рассказать ей всю правду до конца. А тут, будто в суде, где все сказанное вами будет использовано против вас.

– Ну… – Лизонька замялась, – Помню теперь, как во дворе, когда Наталья Никаноровна появилась, я вроде уже умерла. Странное ощущение, если честно. Может, когда-нибудь расскажу более подробно. Сейчас эти детали не так уж важны. Но потом что-то очень темное и холодное появилось. Оно меня будто держало. Не знаю, как объяснить. Знаешь… прозвучит странно, но представь, вот в твое тело кто-то другой подселился. То есть ты собой управлять не можешь, но сидишь там, внутри, и сделать ничего не получается. Наблюдаешь только беспомощно, как чужое существо за тебя живёт.

– Представляю. – Вот тут сказал совершенно искренне.

У нас, конечно, с Иванычем ситуация обратная. Я, наверное, и есть то чужое существо, да и дед на момент моего присутствия, можно сказать, засыпает. По крайней мере, Наталья Никаноровна уверяла, будто именно так мы сосуществуем. Но вот саму ситуацию в целом вполне себе понимал.

– Я подумала, из-за того, что ты видел это существо. Видел, как княгиня его в меня засунула, больше не желаешь иметь ничего общего. Отвратительно, наверное, было наблюдать, как в

человека нечто постороннее проникло.

– Лиза… – Осторожно потянул девчонку к себе. Очень хотелось ей сказать, что вида́ли мы и пострашнее. Особенно, в подростковом возрасте кино про Чужого. Вот где действительно потусторонняя, отвратительно слюнявая хрень то вылазила наружу, то залазила обратно. Но сейчас эта ирония точно не зашла бы. Лизонька выглядела какой-то совсем потерянной. Ужасно захотелось ее обнять, чтоб поняла, мое, именно мое отношение, совсем не зависит от каких-то там потусторонних подселенцев. И оно, это отношение, вообще не изменилось.

Блондиночка не стала сопротивляться. Прижалась ко мне, уткнувшись в плечо, и даже, когда я ее обнял, крепко обхватила обеими руками, сомкнув их на моей спине.

– Ерунда это… – Я гладил ее по голове, перебирая волосы. – Какая разница, что там в тебе находилось, если благодаря ему ты осталась жива. Вообще все равно.

– Правда? – Учитывая, что Лизонька спрятала лицо на моей груди, голос ее звучал глухо.

– Правда, правда! – Раздалось со стороны стоявших неподалеку деревьев. – Вы долго тут будете ещё свои страдательные сопли развешивать по кустам? Пришлось вернуться за вами. Этак мы к концу войны только на место доберёмся.

Наталья Никаноровна больше не строила из себя старушку, которая вот-вот покинет этот бренный мир. Нет, вид был, естественно, тот же самый, просто горбиться перестала. В голосе, в жестах, появилось больше мужского, резкого. Раньше она позволяла себе подобные вольности лишь в моем присутствии, но теперь, когда насчет ее настоящей природы Лизонька знает правду, видимо решила не заморачиваться.

Девчонка, услышав голос бабки-демона, медленно отстранилась, хотя, ощущал всеми фибрами души и тела, ей очень не хотелось это делать, поправила волосы, а потом сделала шаг назад, разрушая интимность момента.

– Так, дорогие мои товарищи. Ситуация следующая. – Наталья Никаноровна, естественно, заметила мой недовольный взгляд, на который ей откровенно наплевать.

А я, конечно, был недоволен. У нас с блондиночкой прямо отлично все пошло на лад. Дала бы эта старая сволочь хоть полчасика, вообще бы помирились окончательно.

– Не дойдем мы до точки назначения. Не дадут. Чувствую, припекает кое-у-кого одно место. Сильно припекает. Так что действовать будем иначе.

В этот момент у меня внутри начало формироваться весьма

отчётливое ощущение тревоги. Просто выражение лица, с которым Наталья Никаноровна говорила, ее тон, однозначно ничего хорошего не предвещал. Я уже знаю бабку-демона относительно неплохо. По крайней мере, ее внешние повадки. И вот если начинается песня, все ужасно и выбора нет, значит, сейчас будет предложено крайне радикальное решение проблемы.

– Раньше так не делали. Но раньше и обстоятельства были попроще…

– Стоп! – Я аккуратно отодвинул Лизоньку с дороги, потому что она стояла между мной и Натальей Никаноровной, а обойти ее вряд ли получилось бы. Густые заросли кустов и деревья с обеих сторон служили живой изгородью. – Давайте сразу к делу. Что за очередную хрень Вы придумали?

– Так ничего нового, Иван. Перетащить вас на нужное место способом, которым могу двигаться сама, не имею возможности. Было уже это оговорено. А расстояние ещё ого-го, какое приличное. Пешком, даже если побежим, что, как ты понимаешь, будет выглядет абсолютным идиотизмом, один хрен не успеем. Да и сдохнем быстрее. Вы сдохните, естественно. В общем… Надо домой вернуться, Ваня. Ненадолго. А потом обратно, только сразу туда, где должны быть.

Наталья Никаноровна посмотрела на меня, я – на нее. Она чокнулась? Хотя, зачем я задаю риторический вопрос?

– В смысле домой? – Показал взглядом на Лизоньку. Мол, что ж Вы, уважаемая бабка-демон, придевчонке палитре всю контору. Это во-первых. А во-вторых, меня дома уже со всеми собаками ищут. И вовсе не с хорошими намерениями.

– Чего косишься? – Хмыкнула Наталья Никаноровна, – С тобой она пойдет. Иначе никак.

Глава 18

– В смысле, со мной? Вы же… – Я снова покосился на девчонку, которая тоже ни черта не понимала и только переводила взгляд с Никаноровны на меня, а потом обратно. Пришлось ещё ближе подойти к бабке-демону. – Вы же говорили, что в будущее нельзя.

Сказал практически шепотом, но скорее всего девчонка один хрен услышала. Бабуля наклонилась ко мне впритык, а потом, так же тихо ответила.

– Будущее, Иван, это то, чего нет. А точка нашего с тобой знакомства, это не будущее. Это основная станция отправления. Так можно сказать. Плюс те дни, которые были прожиты. Вот за них уже не перепрыгнешь. За ними – пустота.

И тут же выпрямилась обратно, насмешливо глядя на мое растерянное лицо.

– Я вам не мешаю? – Не выдержала Лизонька. Она явно раздражалась из-за нашего с Натальей Никаноровной поведения.

– Нет. – Бабуля же наоборот была совершенно спокойна. Естественно. А чего ей нервничать. – Ты, Лизка, сейчас давай только без своих припадков. Договорились? У меня две новости, как у вас, людей принято. Одна хорошая, а вторая – плохая. С какой начать? Ой, ладно. Можете не отвечать. С плохой, конечно, начну. Все равно ты уже наполовину догадалась сама. Ну… Лизок, Иваныч, он, как бы не Иваныч. Это его внук на самом деле. А точнее, сознание внука, душа внука, хотела бы сказать, мозг внука, но мозга там нет. Одна дурь несусветная. Звать его тоже Ванькой. Так-то мужик неплохой. С прибабахом, но добрый. А соответственно, как понимаешь, будущего у тебя с ним нет. Как только с книгой разберемся, Иван вернётся обратно и больше никогда вы с ним не пересечетесь. Поняла?

Я застыл истуканом, ожидая очередного взрыва со стороны девчонки. Молодец, конечно, бабка-демон! Рубанула, так рубанула. Кто же такие новости сообщает подобным образом. Просто в лоб. Без подготовки. Однако Лиза оставалась подозрительно спокойной. Она стояла чуть сзади. Подбираясь к Наталье Никаноровне я ее немного потеснил. Поэтому, чтоб увидеть реакцию блондиночки, пришлось обернуться. Но реакции как раз не было. Вообще. Я напрягся, честно говоря. Зная вспыльчивость этой особы, сильно удивлен тем, что ещё ничего не летит в мою голову.

– Ясно. А хорошая? – Как ни в чем ни бывало поинтересовалась Лизонька.

– Хорошая… У тебя сейчас будет уникальная возможность оказаться в его настоящей жизни и увидеть своего ненаглядного Ваньку в его настоящем облике. Круто? Да?

Бабка-демон осклабилась, радуясь своим же словам.

– Поняла. – Лиза кивнула.

– Поняла?! И все? – Я не верил своим глазам и своим ушам. Это реально происходит? То есть, вот так запросто она приняла правду?

– Ну, а что ещё сказать? – Девчонка равнодушно пожал плечами. – Надеюсь, ты меня не в кошку и не в собаку засунешь? А то знаю я тебя. Давай этот момент уточним сразу.

Ее последние слова предназначались Наталье Никаноровне. Та в ответ захихикала, очень мерзко, кстати, рождая в моей душе подозрение, что изначально так и планировалось.

– Ох, ведьма, – Бабуля погрозила блондиночке пальцем. – Смотри, Иван, учись. Знает, как вести переговоры надо. Ну, ладно, обещаю. Не кошка, не собака, никакое другое животное. Человек. А было бы смешно, согласись?

– Обхохочешься. – Мой голос звучал мрачно, но и вся ситуация особо не радовала. – Тогда поясните, раз уж на то пошло. Вы меня забрали на момент, когда так-то несколько убийств вдруг стали иметь отношение к моей персоне. Это мы сейчас вернёмся куда? В руки правосудия? По идее, не в Ваших интересах. Но и, уж если на то пошло, не верю Вам от слова «совсем». Может, это очередной хитрожопый план.

– Вот знаешь, Иван, неблагодарная ты свинья, хочу сказать. – Наталья Никаноровна старательно изображала оскорбленную невинность. – Да я с тобой, как с родным насаюсь. Берегу, охраняю. А ты мне тут хренотень такую шьешь. Мент… что с тебя взять. Мент и есть. Не могу вас перекинуть к нужному месту здесь. Вернее, теоретически могу, но не факт, что вы в полной комплектации там окажитесь. Ну… знаешь, глаз, например по дороге потеряется, рука или нога. Я, видишь ли, если мне надо, так не по земле столь быстро перемещаюсь. Мне, видишь ли, чтоб в одной точке исчезнуть, а в другой появиться, надо из вашей реальности в свою перейти. Там – это час пути, к примеру. У вас – секунда. Как-то мы людей подобными дорогами не водили раньше. Но, если, конечно, тебе не хочется безопасно все сделать, можем и по моему дому прогуляться. Какая часть тебя со мной до конца пути догуляет, тут уж, прости, не знаю. Может, и вообще никакой. Ад, видишь ли, для людишек не предназначен в этом смысле. Туда насовсем, если только.

– Аа-а-а-а… вот в чем дело… Благодарю. Откажусь от приглашения. Лучше уж давайте сделаем все в безопасном варианте.

В этот раз я сразу понял, о чём говорила Наталья Никаноровна. Да и после всего, что было, начал уже разбираться в этих мистических тонкостях. То есть, по сути, когда она внезапно возникала там, где ее вроде быть не должно, на самом деле, просто возвращалась к себе, а потом снова появлялась, но уже в той точке, где ей надо.

В этот момент из-за ближайших кустов выбрался здоровый, наглый, черный кот. Вот тут я прибалдел, если честно.

– Аа-а-а-а… это как? – Указал сначала на жирную скотину, а потом повернулся к бабке-демону. – Разве вы не одно и то же?

– Нет, конечно. – Никаноровна даже фыркнула, выражая свое возмущение.

– Но… – Начал было спорить и тут же заткнулся. А что «но»? Всегда сначала отирался этот котяра, потом следовало появление бабули. И все. Больше ничего. Это я сам решил, будто демон из кота в княгиню превращается. Но видеть-то этого никогда не видел.

– Вот! – Наталья Никаноровна похлопал меня по щеке, а учитывая, что находилось мы близко, ей для этого даже руку протягивать не пришлось. – Наконец, начал соображать. Не прошло и половины жизни.

Бабка – демон поманила нас обоих, и меня, и Лизу за собой, заявив, что при той дислокации, в которой мы сейчас стоим, как дураки в кустах с деревьями, ничего не выйдет. Нужно открытое более-менее место. Кот перепрыгнул через растительность, мягко приземлился рядом с бабулей и довольно урча, потерся об ее ноги. Наталья Никаноровна пошла вперёд, жирная скотина бежал за ней. Нам с Лизой, естественно, не оставалось ничего другого, кроме как присоединиться к шествию.

Пока пробирались через заросли, я то и дело косился на девчонку. Серьезно? Не будет скандала? Упрёков? Она спокойно отнеслась к тому, что услышала? Поверить не могу.

– Ну, что ты все глаза сломал? – Лизонька отвела одну ветку, которая едва не ударила ее по лицу, и поднырнул под другую.

Я шел прямо за ней, хотя старался оказаться на одной линии. Просто лес, конечно, для парных гуляний точно не предназначен.

– Ты ничего не скажешь? – Задал вопрос прямо. Меня реально это волновало. Хотелось бы понимать ситуацию, а не отхватить потом от мстительной ведьмы какого-то дерьма.

– Скажу. Почему не скажу? Козел ты конечно, что скрывал.

Но я рада. Выходит, все те разы, которые у нас с тобой… ну, ты понял. Это был не Иваныч. Поэтому он и бегал от меня, как от прокаженной. Ох… Представляю, как это выглядело… У нас с ним, получается, просто ничего не было. Он не помнит этого. Верно? Его и сейчас тут нет.

– Бабка-демон говорит, что так и есть.

– Кто? – Лизонька даже задержалась на мгновение, обернувшись, а потом тихо рассмеялась. – Бабка-демон? Лихо ты Люцифера.

– Да я не знал, кто это. Думал, просто потусторонняя хрень. И даже это, знаешь, как тяжело было принять. Я нормальный современный человек… был. Мне ничего подобного никогда не являлось. А тут сразу вон оно как. Тебе смешно. В первый день думал, что чокнулся. Прикинь, жил себе спокойно, и вдруг проснулся в 1941 году рядом с типо́м, утверждающим, будто он – демон. А я даже фильмов таких не смотрел и книжек таких не читал. Какой к черту демон.

– Могу представить. – Девчонка снова засмеялась себе под нос, продолжая пробираться через заросли.

– Нет. Не можешь. Ты живёшь со всем этим с рождения. А я – воевал там у себя, служил в ментовке, ловил убийц. И вдруг… все перевернулось с ног на голову. А потом ещё ты. Ведьма. Это же охренеть просто. Никогда не думал, даже представить не мог, будто захочу, чтоб моей женой стала ведьма…

Ляпнул, но тут же заткнулся. Вот, блин, осел. Нашел время и место для откровений. Однако, девчонка шла вперёд, не останавливаясь. Значит, слава богу, не слышала. Ну, и хорошо. А то, как дурак бы выглядел.

В этот момент Наталья Никаноровна, ведущая нас, словно Сусанин, остановилась. Деревья стали значительно реже, а прямо перед нами оказалась небольшая поляна. Даже не поляна, а просто пятак, на котором ничего не росло.

– Нормально. Пойдет. – Кивнула сама себе бабуля. – Идите сюда. Вот сюда шуруйте оба. Бегемот, сделай круг.

– Бегемот? – Я перелез через очередной куст и встал рядом с бабкой-демоном. – Это и есть Бегемот? Демон?

– Нет, блин. Настоящий кот. Иван, что ж ты вечно какую-то херню спрашиваешь. – Никаноровна пристально изучала поляну. – Конечно, демон. Я его изначально с собой прихватил. Когда к себе возвращаюсь, он тут якорем остаётся, чтоб я сразу вернуться мог. Что ж тебе, это, из квартиры в квартиру, что ли шляться. Верёвочка нужна. За которую держаться могу. Так. Давайте в центр. Оба.

Мы с Лизой послушно встали на то место, куда указала

бабка-демон.

– Значит так. Сколько пробудете там, не знаю пока. Тут все равно время иначе идёт. Заодно, как раз, решишь проблемы насущные дома. Заберу обратно в нужный момент и к нужному месту.

– Так а Звёзды то нет с собой… – Я в доказательство даже хлопнул по карманам.

– Нет. А ты ее после перемещения то видел? Сообразительный мой? Она тебе больше не нужна.

Жирный кот начал нарезать вокруг нас с Лизой круги, чем изрядно нервировал, кстати. Вот точно не по себе, когда здоровенна кошачья скотина ходит рядом и смотрит на тебя с хитрой мордой, будто знает что-то очень интимное о тебе.

Расспросить бабку-демона о том, что она имела в виду, сказав, будто звезда не нужна, не успел. А это, между прочим, весьма немаловажный момент. За все время своих путешествий сделал один несомненный вывод. Все детали надо уточнять сразу, потом может быть поздно.

Однако, кот, нарезая круги, вдруг стал как-то смазываться, расплываясь в одно чёрное пятно. Я моргнул несколько раз, потом протер глаза. Не помогло. Внезапно начала наваливаться усталость и появилось дикое желание спать. В ногах появилась сильная, нестерпимая слабость. Я просто понял, что сейчас банально свалюсь на землю. Оглянулся на Лизу, стоящую рядом, но и ее видел уже плохо. Будто сквозь пелену тумана. Открыл рот, собираясь сказать, чтоб жирная сволочь остановился, потому что именно его брожения оказывают такой эффект, но вместо этого широко зевнул и понял, все, вырубаюсь.

Очнулся, как всегда это и происходило, сразу. Буквально закрыл глаза, а они уже сами открылись. Судя по ощущениям, лежу на кровати. Удобной, родной кровати с дорогущим ортопедическим матрасом. Забытое, благодаря крайне насыщенной событиями жизни, чувство. Но очень, надо признать, приятное. Снова комфорт и уют. Несколько минут пялился в потолок. Потолок тоже был знаком. Более чем. Моя квартира.

Кувырком скатился с постели и вскочил на ноги, осматривая себя. Стою в трусах. Больше ничего на мне нет. В квартире – тишина. За окном – темень. Выходит, сейчас ночь. Подскочил к тумбочке, где обычно оставляю мобильник для зарядки. Телефон был на месте. Провел по экрану пальцем и тупо уставился на дату. День смерти деда, получается, отметил вчера, судя по цифрам. Не понял…

Босиком прошел в кухню. На столе стояла тарелка с колбасой, две рюмки, одна из которых полная, частично пустая

бутылка водки. Рукой нащупал табуретку, подтянул ее ближе и благополучно уселся, чтоб опять не свалиться. Слабость все ещё присутствовала.

Ни черта не понимаю. Наталья Никаноровна вернула меня в день, с которого всё началось. А точнее, следующая ночь, после того дня. То есть, встречи с Клетчатым, получается, не произошло?

Я думал, это будет все же другая реальность. Та, где случилось ещё два убийства, а я валялся рядом с трупом очередной жертвы. Нет, так-то очень даже хорошо. Меня всё устраивает. Вот только ни черта не понятно, где Лиза? Ладно, я вернулся домой. Мне, в принципе, даже отлично. А девчонка? У нее сейчас точно стресс. Ещё большой вопрос, где она очнулась. И кем. А то с бабки-демона вполне станется отправить ее … в Матвеева. Например. Не дай бог, конечно. А что? Чувство юмора у Никаноровны извращенное, это факт. Ума хватит.

Я вскочил со стула и бросился в ванную комнату. Быстро принял душ, умылся. Боже… Как же круто жить со всеми благами цивилизации.

Срочно надо разыскать Лизу. Пока что понятия не имею, как, но однозначно надо. Натянул джинсы, футболку, взял ключи от квартиры, телефон и вышел в подъезд. Бегом спустился по лестнице, но когда выскочил на улицу, растерянно замер. Круто, конечно, но откуда начинать, не понятно. Ночь на дворе. Точнее, уже перевалило за три часа, скоро рассвет. Можно, конечно, подождать до утра, но есть сильное волнение. Правда. Просто я теперь прекрасно представляю, что значит, оказаться одному в чужом времени и чужом теле. Девчонка о современной жизни не знает ни черта. Конечно, в отличие от меня, у нее хотя бы присутствует понимание, что происходит. И шоком для нее это тоже не является. Но все же, вдруг ей нужна помощь.

Решил идти пока что по улице, попутно соображая, куда чертова бабка, она же, блин, повелитель ада, могла отправить Лизу. Вдали виднелся тот самый лесок, в котором очнулся при прошлом своем перемещении, потеряв, правда, почти месяц из памяти. Отчего-то он казался мне зловещим. Вот блин, дожил. Начал темноты что ли бояться.

Внезапно со стороны деревьев донёсся то ли писк, то ли приглушённый крик. Сердце как-то резко замерло. Я остановился, прислушиваясь, а потом просто рванул в сторону, откуда прилетел звук. Не знаю, что мной руководило. Возможно, предчувствие. Когда на протяжении некоторого времени общаешься со всякой потусторонней фигнёй, непроизвольно перестанет верить в случайности. Вот сейчас присутствовала

четкая уверенность, мне надо туда, в темноту, где черным пятном сгрудились деревья.

Пробежал по дорожке, вглядываясь во все попадающиеся на пути кусты. Звуков не было больше слышно и это нервировало гораздо больше, чем если бы доносились истеричные крики. Прошел почти до самого конца парка, потом вернулся обратно. Тишина. Да ешкин кот! Показалось что ли? Уже практически вышел обратно к домам, когда меня вдруг пронзило от затылка до последнего позвонка пугающей догадкой.

Я медленно развернулся и снова направился к деревьям, но теперь более конкретно. Двигался к тому месту, где очнулся в прошлый раз. Туда, где произошло убийство.

Чем ближе подходил, тем сильнее становилась тревога внутри. Старался передвигаться максимально тихо, по возможности не выдавая своего присутствия. Как только оказался на нужном пятачке, сразу увидел темный силуэт, сидящий на земле. Неподалеку имелся ещё один. Только он, в отличие от первого, лежал, а не сидел. Причем, лежал в подозрительно знакомой позе. Твою мать, а у меня с собой ничего. Ни орудия, ни, естественно, ксивы. На кой черт, мне, правда, ксива, если это сидит убийца? Думаю, вряд ли ему есть дело до официальной составляющей своего задержания. Хотя… бывало всякое. А вот оружие, это да. Это проблема.

Быстро скользнул вперёд, приготовившись сыграть на эффекте неожиданности. Уж, по крайней мере, прихватить, как положено, я эту тварь сумею. Тут мое время, мое тело, мои навыки.

Однако в последнюю секунду, когда я практически был в одном сантиметре от человека, сидящего ко мне спиной, он вдруг обернулся. Хотя слышать моего приближения точно не мог. Я умею быть совсем незаметным.

– Иван?

Я охренел. Честно. Не знаю, каким чудом остановился, не успев ухватить девчонку удушающим за шею.

– Лиза…

Это реально была она. Именно она. Ее лицо, ее тело, ее светлые волосы, испачканные кровью. Блондиночка полностью повернулась ко мне, подняв испуганный взгляд.

– Вань… Я кажется, убила человека…

Глава 19

– Да как так? Почему не помнишь? Вообще? Хоть что-то, может, всплывает? – Я остановился посреди кухни и вопросительно посмотрел на чумазую, уставшую Лизу, которая сидела да столом. Шмотки на девчонке были приличные, кстати. Я бы даже сказал, дорогие. Только очень грязные.

– Не помню. Вообще. – Ответила блондиночка и тяжело вздохнула.

Нет, теоретически, понимал, о чем она. Но практически выходила какая-то ерунда. Во-первых, почему тело у девчонки именно ее, а не чье-то постороннее? А это сто процентов она. Причем, все та же. Молодая, красивая. Совершенно не изменившаяся. Будто мы не в 2022, а там же, где были недавно, в 1942 идём по лесу в сторону Сталинграда.

Но это же, получается, как бы, бред. Меня все время закидывали в тело деда. То есть брали сознание, мозг, я хрен его знает, как ещё это обозвать, и отправляли в тело человека, который живёт в той реальности, в тот период. Сейчас, по идее, точно так же взяли сознание Лизы и отправили… в Лизу? Значит, по всем законам логики, девчонка существует и в моем времени? Так ведь выходит. И то, что я встретил ее в момент, когда оказался в изменившемся будущем, вовсе не совпадение, не итог моего поступка, который повлиял на ход событий и привел к новому витку истории, несколько отличающемуся от оригинала. Я то думал тогда, что причина в этом. Ан нет. Потому как тело даже Наталья Никаноровна, то есть непосредственно Люцифер собственной персоной, не мог никак перенести. Это вообще уже просто ни в какие ворота бы не лезло. Душа, переселение разума, ок, все, принял. С телом, увольте.

И вот теперь мы сидели в моей квартире, пытаясь разобраться, что происходит, потому что вариантов не было ни у меня, ни у нее.

Девчонка уверяла, будто ничего не помнит вообще. То есть не помнит именно тех событий, которые происходили тут. При том, что в своем как бы теле и находится.

– Я тебе говорю, последнее воспоминание, как вокруг нас кружит черный кот. И все. Потом очнулась в лесу. Вернее, среди этих деревьев. Лесом их назвать сложно. В руке – нож. Рядом – несчастная девушка. Но я не помню совсем, почему находилась там. Как пришла. Или почему вообще оказалась рядом с убитой.

Если ты уверяешь, будто Люцифер перемещает сознание, то по идее, мое переместили в меня же. Но я не знаю, что было до этого. Понимаешь? Получается, настоящую меня заменили на другую настоящую меня… Черт… Можно сойти с ума…

– Да что ты?! – Я остановился, прекратив метаться по кухне, и с сарказмом посмотрел на девчонку. – А на меня психанула помнится. Хотя пытался тебе объяснить именно это. Что по началу есть четкое ощущение, будто едет крыша. И уж точно нет ни возможности, но желания, это с кем-то обсуждать. А потом уже вроде и ни к чему. Теперь сама побудь в моей шкуре. Может, поймёшь, наконец. Только представь, тебе не нужно скрываться от всех. Изображать того, кем не являешься. И у тебя есть я. Человек, который знает правду. А у меня никого не было.

– Иван, дело не в этом сейчас. Есть гораздо более важный вопрос. Ты понимаешь, что я на самом деле могла убить эту девушку? Мне хорошо известно, как именно должно происходить жертвоприношение, чтоб итог вышел правильным. Не знаю, почему, но получается, мне удалось прожить… какой еще раз, скажи, год?

– Восемьдесят лет с того момента, как мы находились в лесу. Имею в виду от той точки, когда бабка-демон отправила нас сюда.

– Вот видишь! – Блондиночка всплеснула руками.

Не знаю, что конкретно я должен увидеть, но со всех сторон выходит полная ересь. На момент нашей встречи в 1941 Лизе было двадцать лет. То есть сейчас, если считать, соответственно всем законам математики, девчонке сто один год. Сто один! Но выглядит она ровно, как и тогда. Законсервировали ее что ли? И в прошлый раз, помню, меня поразил именно этот же факт. В той реальности, где изменились события. Она тоже выглядела молодой.

– Так…Успокойся. – Я подошел ближе, взял стул и сел рядом с Лизонькой, сжав ее руку. – Мистика, демоны, Сатана… Ок. Но всему должно быть хоть какое-то объяснение. Пусть и бредовое. На данный момент, самая насущная проблема – это убийства.

Как только там, в парке, понял, что передо мной действительно Лиза, помятуя о случайных свидетелях и их четвероногих питомцах, как было, например, со мной, поспешил ее с места преступления увести. Хотел бы я сказать, что в тот момент во мне боролись профессиональная совесть мента и те чувства, которые испытываю к девчонке, но нет. Ни черта там не боролось. Сразу же понял, даже если несчастную убиенную замочила Лиза, я все равно должен разобраться, как и почему. Ну, а уж потом будет видно, как поступить дальше. Не знаю, отчего-

то было ощущение, блондиночка не виновата. Причем, именно вот так. Не то, что она не убивала. А то, что она не виновата.

Я с удивлением осознал, вполне допускаю Лизу в роли убийцы. Даже серийного. Не допускаю, будто она делала это просто так или развлечения ради. Вот и докатился ты, Иван Сергеевич. Должен, по идее, сейчас блондиночку на предмет алиби допрашивать, а ты быстренько за шиворот уволок ее подальше от трупа, еще и позаботился, насколько это возможно, прибраться на месте преступления. В темноте, впопыхах сильно с уничтожением улик не разбежишься. Тупо непонятно, есть ли они вообще, а что-то мне подсказывает, именно в этот раз их будет предостаточно.

Не просто так все сложилось именно подобным образом. Аналогичным моему прошлому возвращению. Но там Наталья Никаноровна постаралась. Она, в принципе, сказала это в открытую, имея цель вынудить меня к дальнейшему сотрудничеству, потому что, якобы, отказ с моей стороны уже имелся. Зачем сейчас Люциферу подставлять Лизу? Ответ очевиден. Незачем. Вот прям вообще ни к чему. Он отправил нас в настоящее, чтоб потом вернуть в нужную временную точку. Останься мы в прошлом, как сказал этот тип, не успели бы тупо добраться.

Тем не менее, по факту, имеется очередное убийство и в роли маньяка – Лиза. Все понимаю, реально допускаю, будто так оно и есть. Серьезно. Наверное, потому что знаю, девчонка вполне способна ради определенной цели, действительно важной цели, совершить не только тринадцать жертвоприношений, но и все тридцать три. Однако, лишь в том случае, если цена за это действительно стоящая. Может, я и дурак, но, прежде всего, должен разобраться в ситуации сам. И без ее присутствия мне этого не сделать. Поэтому без малейших сомнений кинулся приводить место преступления в относительно безопасное для блондиночки состояние. Толку, правда вышло не особо много. Будь ты хоть самым крутым ментом из всех самых крутых ментов, ночью, когда в любой момент тебя хлопнут, сложно действовать собранно и результативно.

Уж тем более непонятно, где именно могут находиться улики. Ясное дело, в первую очередь это – тело жертвы. Но возможности изучить его не представилось. Опасался появления очередной истеричной тетки, которая поднимет шум до того, как мы с Лизой исчезнем с места преступления. не тащить же невинно убиенную с собой. Это уж вообще…

Как только мы оказались в кухне родной квартиры, принялся третировать Лизу на предмет воспоминаний, которых,

как оказалось, у нее не было.

– Хорошо… – Я осторожно пребирал пальцы девчонки своими, искренне надеясь, что этот простой жест поддержки ее успокаивает. – Ты же ведьма. Давай, подумай, может ли кто-то из вашего, так сказать, рода, прожить больше ста лет в одном виде. Ты со стороны оценить этого не можешь, но поверь, выглядишь ровно на тот возраст, когда мы встретились. Хотя… нет. Знаешь, все же более верно сказать, когда нас сюда Наталья Никаноровна отправила. За год войны у тебя глаза стали более грустные и усталые. Единственная разница.

Лиза задумалась, осмысляя мои слова. Руку она не убирала, наоборот, еще и прилегла головой мне на плечо.

Близость девчонки очень сильно отвлекала, если честно. Так-то сложно собрать мозг в кучу, когда вокруг одна чертовщина, а тут еще ее запах. Дурманит, не дает покоя. Последнее, что хочется в этот момент, думать об убийствах, демонах и планах владыки ада. Честно. Я бы с огромным удовольствием утащил блондиночку в спальню. Между прочим, нам выпала удивительная возможность заняться более интересными вещами в комфорте, а не, как обычно. То кровать, прости господи, похожа на черти что. То немцы вокруг, как вороны, вьются. То бабка-демон нервы треплет. А тут – тишина, покой и полная релаксация.

Лизонька мой настрой поняла, а потому вдруг очень шустро отодвинулась в сторону.

– Эй! Ты чего? – Стало даже как-то обидно. Так быстро она среагировала.

– Кобель!

Я охренел, если честно, от такого обвинения. Несколько минут просто тупо смотрел на девчонку, подбирая нематерные слова. От нее же в ответ летели копья и стрелы праведного гнева. Ну, ей явно казалось, что он праведный. По мне – абсурд.

– Непонял. А с чего бы такие выводы?

– Ты собрался так-то с другой женщиной в постель. Как еще можно назвать? Понимаю, мы клятвы друг другу не давали, но все же, совесть поимел бы. Я то все вижу. Тут вообще-то сижу.

Еще минут пять так же молча пялился на девчонку, искренне надеясь, что она сейчас рассмеется и этот абсурдный разговор перейдет в плоскость юмора. Но нет. Смеха не последовало. Лизонька смотрела на меня с осуждением и разочарованием.

– Милая, вполне понимаю, ты испытала стресс. Впервые путешествуешь во времени и в реальности. Да еще и убийства сразу на тебя могут повесить. Шок. Ясное дело. Но давай в маразм не скатываться. Хорошо? С какой другой бабой я куда

собрался?

– С ней! – Лиза указала пальцем себе в грудь.

– Та-а-аак… Милая, возможно сейчас открою тебе страшную тайну, и это станет, возможно, крайне удивительным для тебя, но ты это … – ты! Представляешь?

– Нет… – Блондиночка затрясла головой и отодвинулась еще дальше, – Это кто-то другой. Сильно похожий на меня. И внешне, да, наверное я. Но не я. Как ты не понимаешь?

Лиза резко поднялась со стула.

– Мне нужно поспать хотя бы пару часов. Наверное, все это правда сильно выматывает. Только два часа. хорошо? Потом тогда будем со всем разбираться.

Девчонка гордо задрала голову, затем вышла из комнаты, оставив меня одного сидеть и хлопать глазами. Потому что, как реагировать на подобное, честно, не имею ни малейшего понятия. Это только бабы могут столь странно вывернуть ситуацию. Как вообще можно было додуматься, не представляю. Это я, говорит, но не я… Матернулся несколько раз, но догонять психованную не стал. Это же Лизонька. Там если клин зашел, надо ждать, пока отпустит. Иначе все пойдет по возрастающей вверх.

Девчонка первым делом отправилась в ванную комнату. Буквально через пять минут послышался звук льющейся воды и довольные, восторженные междометия.

Могу представить, какие эмоции у нее вызывают все современные блага. Ясное дело, она не из каменного века пожаловала, но все же.

Пока Лиза принимала душ, снова задумался. Странно все это. Не могла Наталья Никаноровна не знать, в какие обстоятельства мы попадем. И если вспомнить момент смерти Мацкевича, кстати, бабка-демон тогда ведь акцент даже сделала, мол будущее изменилось, причем в лучшую сторону. Ну, и что тут лучшего? Было еще хуже, что ли?

Как бы то ни было, думаю, надо выяснить биографию Лизоньки, которая живет в этом времени. Не с потолка же она упала. Человек, живой, а не иголка в стоге сена. Все эти годы по-любому чем-то занималась. Может, тогда, хоть какая-то ясность появится. Вопрос только в том, как? Если девчонка о себе современной ничего не помнит. Да, не вопрос, нынешний век позволяет разыскать кого угодно и где угодно. Можно попробовать отталкиваться от тех данных, которые мне известны. Имею ввиду фамилию.

– Иван! – Лиза выскочила из ванной в одном полотенце. Издевается, что ли? – До меня дошло! Наверное… Смотри. Я ведь

умерла. Помнишь? Точно умерла. С этим сложно ошибиться. Но Люцифер смог дотащить меня до Москвы, точнее тащил кто-то другой…Ну, ты понимаешь…Я думаю, в этом и есть дело. А точнее, причина, почему так долго она… то есть я… мы обе живем.

– Милая, настоятельно рекомендую тебе прекратить говорить о себе в третьем числе. Это – ты. Нравится тебе данная мысль или нет, но она верна. Ты – там и ты – здесь, один и тот же человек. Просто в разное время. Но в принципе, твоя мысль понятна. Думаешь, благодаря этому, тебя вроде как заморозили в одном состоянии?

– Не уверена, но скорее всего, да. Иного объяснения нет. И потом… В Москве княгиня провела ритуал. Не знаю его смысл. Не настолько меня обучали, чтоб в подобных вещах разбираться. Феня вообще всегда говорила, что наша сила от природы. А видишь, как вышло… Ну, просто в голову пришло…

Девчонка, смутившись, посильнее завернулась в полотенце и снова исчезла в ванной.

Я тяжело вздохнул, поднялся на ноги и потопал в комнату, чтоб приготовить гостье постель. Лизе действительно надо отдохнуть. Тем более шататься вместе со мной по городу она не может. Пока что. Надо выяснить, что там с этим убийством и насколько сильно блондиночка влипла. То, что влипла, не сомневался ни на секунду. Опять же, зная Наталья Никаноровну, уверен на сто пятьдесят процентов, хитрожопое потустороннее существо не просто так отправило нас именно в этот период и в эти обстоятельства. Она специально дала возможность либо разобраться и решить до конца, либо наоборот, увязнуть по самые уши. В любом случае, старая сволочь обещала, что это – последняя командировка. потом все, наконец, устаканится. Особенно, важно то, что Лизонька действительно живет в этом времени. Гораздо лучше выяснить все сейчас и решить эти проблемы. Чем если бы мероприятие благополучно завершилось там, в 1942, я бы вернулся, а тут – на-ка! – девчонка, например, тот самый серийный убийца. И главное, обратно уже не отмотаешь. Если же я сейчас все улажу, то потом есть надежда на тихую, спокойную жизнь. И может быть, даже с Лизой.

Лиза вышла из ванной довольная, даже на удивление спокойная. Хотя, конечно, надо признать, она всяко лучше себя ведет в этих обстоятельствах, чем я. Разница в том, что для блондиночки мистические события не были чем-то из ряда вон выходящим… Она всю жизнь находится в этом состоянии, когда чудеса вполне реальны. Вспомнил, что исполнял я, когда очнулся рядом с Белиалом…

Отправил Лизу в постель, а сам пошел готовить завтрак. Время близилось к утру и по идее, если не произошло еще чего-то крайне неожиданного, то мне вообще-то нужно на работу. В убойный отдел. И, кстати, еще должен прибыть товарищ из су ска. Твою мать… Как же это все не вовремя… Вот сейчас бы точно никто не нужен. Самому бы разобраться, а тут будут отираться всякие…

Самый первый, насущный вопрос, является ли девчонка убийцей на самом деле. Причем, снова поймал себя на мысли, что подобная перспектива, конечно, крайне нежелательна, но в шок меня не приводит. Однако, выяснить этот факт надо непременно.

Прежние эпизоды не имели никаких следов, улик, вообще любого постороннего присутствия. Жертвы будто ни с того, ни с сего, сами калечили себя, а потом умирали. Если вспомнить, кем является девчонка, то, в принципе, чисто теоретически, она могла бы подобное провернуть. И тут меня осенило. Что же я не задал самый главный вопрос. А в сложившихся обстоятельствах он имеет огромное значение. Как Лиза чувствует себя сейчас. В плане своих способностей и возможностей. В прошлом она их потеряла. Что сейчас?

Снял сковороду с яичницей, которую готовил себе на завтрак, и тихо, практически совсем не слышно, подошел на цыпочках к спальне. Приоткрыл дверь, заглянул в щель. А потом громко выругался и открыл дверь нараспашку. Постель была пустой.

Глава 20

Не знаю, как я ухитрился задремать. После того, как обнаружилась пропажа, бежать на улицу в поисках Лизы было глупо. Если девчонка смылась, а она смылась, это факт, то вряд ли сидит на лавочке у подъезда в ожидании, когда же Ваня ее разыщет. При всех странностях Лизоньки склонностью к идиотизму она не страдает. Дверь квартиры была лишь прикрыта, и этот нюанс говорил, что покинула блондиночка мое жилище по доброй воле. Зачем? Не знаю. Это же Лиза. В обычном состоянии у нее в голове хрен разберешься, а теперь, когда их там две, пусть одна теоретически спит или как оно выглядит, то вообще, наверное, глубокие дебри, а не мысли. Как бы то ни было, девчонка точно имела определенную причину, чтоб сбежать, вытекающую из только ей известных и понятных соображений. Разобраться с этим решил по ходу событий.

Вроде хотел буквально пять минут полежать, а потом одеваться и уходить на работу, но, так подозреваю, сказалась банально усталость. Так-то не терминатор, реально. Скакать из настоящего в прошлое и обратно. Наверное, запас у организма какой-то тоже имеется и он не безграничный.

Меня разбудил звонок телефона. Поначалу даже не понял, откуда звук. Настолько отвык от мобильника за это время. Нащупал рукой и провел по экрану.

– Симонов! Ты охренел? Какого черта я не вижу тебя в отделе? Времени сколько? Уже решил, что на пенсии? Ее такими темпами может вообще не быть.

Матвеев. Вот черт!

Я вскочил с кровати, вытаращив глаза, по стойке «смирно», будто подполковник находился рядом и мог меня видеть. Спросонья плохо славливался, что, куда и зачем.

– Ты где есть?

– Тут, Николай Петрович. Подъезжаю. Вот сейчас уже буду.

– Бегом! Подъезжает он… У нас новая жертва. Хотя, нет… Не у нас. У тебя.

Подполковник скинул звонок, а я, как ошпаренный, принялся метаться по квартире. Переоделся, схватил документы, ключи и выскочил на улицу.

В родной отдел входил с чувством неимоверного тепла внутри. Серьезно. Если бы не сложившиеся обстоятельства, вообще, наверное, растрогался и пустил бы слезу. Какое же тут

все родное, знакомое. А главное – не надо дергаться, напрягаться, следить за каждым словом, оглядываться на каждый свой поступок.

Несколько знакомых парней по дороге кивнули мне, мимоходом выразив сочувствие. Они же посоветовали бегом мчаться к Матвееву. Сразу. Не заходя к себе. Я даже не спрашивал, по какому поводу. Итак все ясно. Нашли труп девушки в посадке, недалеко от моего дома. Сто процентов. Когда выезжал, не стал там светиться. Все же не прямо у подъезда находится место. Случайно не увидишь. А отправить туда меня пока никто не удосужился.

– Бухал? – Матвеев минут пять молча рассматривал мое лицо, когда я появился у него в кабинете.

– Никак нет. С чего бы? Помянул немного деда и все. Две рюмки. Честно.

– Как-то странно ты выглядишь… Будто на себя не похож. Всегда был заметно, что пошел в породу Иваныча, но сейчас… Копия. Ладно. Что ж, поздравляю.

– Спасибо, Николай Петрович…

– Какое, на хрен, спасибо! – Тихонов вскочил из-за стола, резко, с противным звуком отодвинув стул. – Ты бы хоть сообразил, что это, бляха муха, сарказм! Очередной труп. Рядом с твоим домом, между прочим. Рыбак рыбака, как говорится… А при такой работе, не удивлюсь, если следующее тело на порог убойного положат. Несколько часов назад нашла собачница. Отправилась на прогулку. Поназаводят себе… а потом шляются, где ни попадя. Сволочи…

Матвеев так выразился, будто тетка, которая выгуливала собаку, труп не только нашла, но и сама его подкинула, предварительно совершив убийство. По его интонации выходило, будто виновата во всем известная любительница животных. Подозреваю, чисто интуитивно, та же самая, которая застала меня рядом с убиенной в прошлый раз. Вот только не сходится один момент. Наталья Никаноровна говорила, в моем случае имелся еще один труп, между отправлением в первую командировку и той минутой, когда я очнулся среди деревьев с ножом в руке. А тут, выходит, ситуация повторяется один в один кроме участников, теперь в роли подозреваемого не я, и количеств жертв меньше.

– Почему мне не сообщили? Почему я не на месте преступления? Дело пока еще мое.

– Потому что! – Подполковник подошел к окну и уставился на улицу, наблюдая, как дворник добросовестно метет тротуар. Настроение у Николая Петровича было даже не плохое. Он явно

перевалило за отметку «отвратительное». – Сегодня утром вместо ожидаемого нами «су ска» явились личности из Федеральной службы безопасности.

– Не понял… А эти тут при чем? – Я реально удивился.

– Совсем что ли? В смысле при чем? Они при всем по нынешним временам.

Конечно, я понял, о чем говорит Матвеев. Да, контора могла заинтересоваться данным делом, но они интереса не проявляла с самого начала. А тут, ночью убили девушку, утром уже фэбсы пожаловали. Типа, работают так отлично, с опережением? Ну… как говорил незабвенный Станиславский, не верю.

– Короче… – Продолжил Николай Петрович, все так же не отрываясь от окна, – Там тебя ждут. На твоем рабочем месте. Человек один. Остальные уехали.

– Остальные? Их тут много было? – Еще интереснее, выходит, ситуация.

– Трое. Дело остается у тебя. Но под их контролем. – Матвеев, наконец, оторвался от окна и вернулся обратно за стол. А то я, грешным делом, начал подозревать, будто Николай Петрович нервничает больше обычного.

– А су ск?

– Херуск! – Гаркнул подполковник. – Иди. Ждет тебя этот… Иди, короче. просто хотел предупредить раньше, чем ты с ним встретишься. Чтоб морально был готов. Типа того.

Я послушно отправился туда, куда послали. По дороге пытался сообразить, что же могло измениться. Ритуальная составляющая убийств была неизвестна никому. Имелось лишь очень смутное подозрение насчет какой-то разновидности сектанства, и то лично у меня. Но сам я допетрил на сто процентов только в момент, когда мы осматривали дом, где Мацкевич совершил подобное жертвоприношение, в попытке снова вызвать демона. Думаю, столь интересные детали не могли всплыть случайно. Все же то, как убивали жертв, не совсем откровенно указывает на ритуальную цель. Мало ли. Может, убийца просто скрытый поклонник Джокера. Тут надо точно знать. А чтоб знать точно, опять же, необходимо иметь информацию и о книге, и о демонах. Не нравится все это мне. Очень сильно не нравится…

В рабочем кабинете никого из коллег не оказалось, зато присутствовал молодой мужчина, лет тридцати пяти, одетый по гражданке.

– Добрый день, Иван Сергеевич.

Видимо, я должен был проникнуться. Типа, меня знают в лицо. Мало ли кто зашел, а тут сразу по имени отчеству.

Федералы… Что еще от них ждать…

– И Вам хорошего дня… – Вопросительно посмотрел на незнакомца. Мол, как обращаться?

– Капитан федеральной службы безопасности Сергеев. Но Вы… зовите меня Игорь. – Мужик улыбнулся. Мне эта улыбка показалась ни капельки не искренней. Такой, оскал крокодила перед тем, как он заглотит жертву.

– Ну, ок. Тогда уж и Вы меня Иваном. Иначе как-то неправильно выходит. Я сотрудника столь уважаемой организации по имени, а ко мне официально.

– Как скажите. Может, и на «ты» сразу перейдем? – Мужик усмехнулся, игнорируя сарказм в моем голосе. Хотя, не заметит его было сложно.

– Да конечно. У нас же теперь много общего? Правильно понимаю? Совместное времяпрепровождение в том числе.

Подошел к своему рабочему месту, которое, собственно говоря, было сейчас занято этим Игорем. Тот даже не дернулся. Ну, хорошо. Взял свободный стул и устроился напротив.

– Итак… Иван… так понимаю, начальство уже ввело тебя в курс дела? Вопросов особо с втоей стороны нет. – Чекист держал в руке зажигалку, без остановки переворачивая ее пальцами.

Это против воли привлекало внимание. Интересно. Психологический ход или привычка? Скрывать не буду, я, как и любой мент, не очень любил Контору. В прошлой своей работе мы имели схожие цели, но пять лет в убойном, привили некоторое раздражение, имевшееся по отношению. к федералам у всех моих коллег.

– Относительно. Почему мне не сообщили о новой жертве? Точнее, сообщили, но непосредственно начальник отдела. Я должен был поехать на место преступления.

– Мы так решили.

Коротко, но очень ясно Интересно только, кто такие эти «мы». Он о себе в третьем лице? Или о своей организации в общем?

– Почему? – Я сделал совершенно невинное выражение лица. Мол. не понимаю, в чем дело.

Вот за это и недолюбливаем Контору. Очень у них все… с высокомерием каким-то. Не сказать, что мы отличаемся друг от друга, но они так себя всегда подают… Элита, блин.

– Сначала мне нужно с тобой поговорить. Обсудить некоторые детали, являющиеся в данном случае очень важными. Прежде, чем продолжить заниматься убийством. Вернее, прежде, чем ты продолжишь. с моей, естественно, помощью. В этом же и есть смысл сотрудничества. Помогать друг другу.

Зажигалка несколько раз перевернулась в его пальцах.

Может, сказывалось мое настроение в общем и целом, а оно было совсем не радужное, особенно из-за Лизы и ее странного поведения, но имелось крайне сильное желание выхватить этот предмет из рук капитана и швырнуть его об стену. Помогать… Как же. Знаем мы вашу помощь, граждане чекисты.

– Я весь во внимании. Хочешь сообщить мне что-то новое? Неожиданное? Игорь…

Честно говоря, знаю, что не надо дразнить гусей и провоцировать гбэшника, но было в нем нечто очень сильно бесячее. Либо, опять же, сказывался мой настрой. Тут и без него хренова туча загадок. Лизка исполняет черти что, с минуты на минуту могут дернуть обратно в прошлое, долбаная дьявольская бабка же не сочла нужным обозначить сроки возвращения, ситуация с самими убийствами внезапно из отвратительной превратилась в полную жопу, потому что, чисто логически, я предполагал, именно сейчас в деле появятся новые, крайне волнительные факты, указывающие на некоторых конкретных девиц. На меня, по идее не должно. Подчищая, что возможно, за блондиночкой, а в первую очередь, это было орудие убийства, которое я забрал, старался сам следов не оставлять.

– Видишь ли, Иван… Знаю, ты человек с определенным прошлым. Прошлое это, скорее всего, повлияло на склад твоего ума и восприятия окружающей действительности. Поэтому, возможно, та информация, которую ты от меня сейчас услышишь, покажется тебе сначала немного… странной.

Вот в этот момент мне уже стало не по себе. Появилось такое противное, нехорошее предчувствие.

– Я не просто состою на службе в организации, которую, по твоим же словам, ты сильно уважаешь, – Игорь снова усмехнулся, давая понять, что мою издевку он все же заметил, – Но и являюсь сотрудником некоего отдела, о котором мало кто знает. А точнее, практически никто. Даже в рядах смежных с нами структур.

В эту секунду мне вспомнился один товарищ. Служили вместе. Так вот у него крайней степенью возмущения, осуждения, злости или любой подобной негативной эмоции было забавное выражение. Он вздыхал и грустно, очень грустно, протяжно говорил:«Бл*ть… Просто бл*ть…» Сейчас, глядя на этого Игоря, мне захотелось сказать то же самое. С такой же интонацией. Потому что, на середине рассказа чекиста, я уже понимал, что услышу дальше. – В жизни все не так, как кажется. Зачастую, по крайней мере. Ты, думаю, обращал внимание, как много в последнее время вокруг нас всякого… странного. Имею в виду, то же телевидение. Битвы людей с паранормальными

способностями. Ведьмы всякие, колдуны… Замечал?

Я молча кивнул. Интересно, как долго он будет мять сиськи? В лоб тоже не скажешь, не ссы, мужик, лично с некоторыми знаком. А если уж говорить откровенно, то вообще со мной Люцифер, повелитель ада, на связи. Так что не парься, жги откровенно.

– Так вот. Отдел, в котором я работаю, имеет такую направленность. Мы занимаемся всем, что для обычных людей выглядит странно.

Игорь замолчал, глядя на меня с ожиданием. Не знаю, что предполагалось. Может, какие-то вопросы с моей стороны. Но я из принципа, чисто посмотреть, как он поведет себя дальше, продолжал пялиться на него с очень бестолковым выражением лица. Идиот идиотом.

– Эм… Ладно. Скажу более конкретно. Наш отдел занимается всеми делами, в которых замешаны паранормальные факты, мистические или, как принято называть среди обычных граждан, магические элементы.

– Ясно. То есть, так понимаю, организация, которую мы все безгранично уважаем, извини, что повторяюсь, считает, будто в этих убийствах имеется подобный след?

Теперь Игорь таращил на меня глаза, правда, стараясь не показывать вида, что удивлен моей реакцией. Наверное, в его понимании, я должен был идти в отказ и не принимать все озвученное за чистую монету, заподозрив, не проверяют ли таким образом мою профпригодность. Конечно, случись подобная беседа до моего знакомства с Натальей Никаноровной, Белиалом, Лизой, до путешествия в прошлое в тело деда, наверное, так бы и подумал. Однозначно. Но сейчас, вот честно, совершенно не хотелось тратить время на подобную ерунду. Его, времени, не понятно, сколько у меня есть. Исходя из клятвенного обещания бабки-демона, будто это – последняя командировка, значит, уладить все дела надо сейчас. Уж тем более с тем, что касается Лизоньки.

– Ты не удивлен. – Наконец, выдал Игорь. – Обычно реакция со стороны сотрудников органов, если нам приходится с ними взаимодействовать именно по таким делам, несколько иная.

– Слушай… Давай откровенно. Три женщины были убиты достаточно жестоким способом. Убийства – идентичны друг другу. Нет никаких улик. Вообще. Отсутствуют следы, отпечатки, волосы, слюна, перхоть, что угодно, хоть что что-то. Ничего нет. Прилететь, а потом исчезнуть в воздухе, убийца, если он обычный человек, не мог. Насчет обычного человека уточняю в свете сказанного тобой. Прежде меня такая мысль не посещала. Сразу

уточню. Но вот приходишь ты и говоришь, что делом заинтересовался отдел ФСБ, который занимается ведьмами и колдунами. Так почему я должен удивиться?

– По мне, наоборот, это придает более здравый смысл всему. Потому что только с помощью мистики можно было все провернуть подобное.

– Отлично! – Чекист в очередной раз перевернул зажигалку. С нервами, что ли не в порядке. – Я рад, что мы обошлись без этапа неприятия. Это ускорит процесс. Да, ты сказал верно. Убийство, которое имеет место быть, а точнее, убийства, во множественном числе будем говорить, это не совсем простой случай. Даже, совсем не простой. Еще более примечательно, что сегодня, после четвертой жертвы, вдруг появилось огромное количество фактов и улик. Речь о человеке, которого мы давно, но безуспешно ищем. Женщина.

А вот тут несколько офигел я. Естественно, ожидал, что речь сведется в итоге к девчонке. Но предполагал, она, как и в прошлом, является, скорее всего, сотрудницей их отдела. по сути, удивительного ничего нет. Если существовал тринадцатый отдел в НКВД, почему ему бы не остаться в дальнейшем действующим. Может, под другим названием, и скорее всего так и было.

Вполне допускаю, что после реорганизации НКВД в КГБ, а того, в свою очередь в Федеральную службу безопасности, Тихонов передал свою отдел, как знамя, дальше. Мог, в принципе, заниматься сам. Некоторое время уж точно. Но из слов капитана следует, что Лиза находится по другую сторону баррикад. А вот это уже странно. Неожиданно.

– Ты хочешь сказать, что имя убийцы… Потенциального убийцы, вам известно?

– Я хочу сказать, что четвертое убийство очень точно указывает на особу, находящуюся в розыске последние три года.

Глава 21

Это было лишь начало всего удивительного, что мне предстояло услышать от нового знакомого. Коллегой назвать не рискну. Но главное, данный факт реально настораживал, огромные желание и энтузиазм, с которым товарищ капитан федеральной службы безопасности давал информацию. Обычно они не столь разговорчивы, да и особо «своим» предпочитают не делиться. А тут, просто самый настоящий собрат по оружию.

– Елизавета Николаевна Долгорукова. Двадцать два года. Молодая. Да? Но уже весьма опытная особа. Появилась в зоне наших интересов три года назад. Первый эпизод случился в Волгограде. Девочка девятнадцати лет, в то время, имею в виду. Сирота, семьи не имеет. По документам, была найдена на улице возле детского дома младенцем. Окончила местное училище после того, как покинула его стены. Затем, как она сама утверждала, открылся дар. Вроде, медиум. Способна выходить на связь с мертвыми. Только почему-то бóльшей частью ее клиентов стали люди, имеющие среди усопших родственников, которые являлись участниками Великой Отечественной, причем, конкретно участвовавали в Сталинградской битве. Странный факт. Не так ли? И мы не сразу его обнаружили. Далеко не сразу. Поначалу думали, совпадение.

– Из-за чего она вообще стала объектом вашего внимания? – Я перебил Игоря, вдохновенно рассказывающего мне биографию Лизоньки.

Про найденыша с улицы, конечно, чистой воды липа. Все могу понять, и, да, бывает такое, когда родственники имеют внешне очень много общего. Но девчонка не просто похожа на прежнюю Лизу. Это и есть Лиза. Дам на отсечение любую часть своего тела, которое мне дóрого целиком. Она сидела рядом в квартире. Я видел ее максимально близко. Трогал. Чувствовал аромат. При том, что внутри находилась та, первая Лизонька, тело несомненно, тоже принадлежит блондиночке. Именно ей. Не дочке, не внучке, не кошке, не жучке. Соответственно, скорее всего, в какой-то момент своей очень долгой жизни ведьма просто обнулялась. Хрен его знает, как именно, но пропадала в виде одного человека и появлялась уже другой личностью. Фамилию, похоже, оставляла настоящую. Не знаю, может, прикалывал ее этот маленький нюанс. Существовать именно Лизой Долгоруковой. Однозначно одно, особо сильно она не скрывалась,

потому что не испытывала страха, который вынудил бы ее полностью изменить личину. Просто избавляла себя от ненужных, лишних проблем, которые, тем не менее, критичными в ее понимании не были.

Странно, естественно, если соседи, к примеру, или знакомые, были же у блондиночки знакомые, не в лесу живет, наблюдали на протяжении многих лет одно и то же двадцатилетнее лицо. Ну, можно, так думаю, выглядеть старше при желании. Грим, косметика, любые другие женские примочки. Тем более, в современном времени их навалом.

Если, опять же, Лизонька снова обрела свои особенные свойства, а уверен, все именно так, она вполне способна как-то затуманивать восприятие окружающих ее людей, однако, всем без разбора мозги на загадишь. Соответственно, так предполагаю, прожив некоторое количество лет, она меняла дислокацию и имя, приобретая заодно новую биографию. Уж это точно проблемой не является. Сейчас за деньги можно купить себе все, любой вариант. Если денег много, то вообще, хоть родословную от Рюриковичей иди бери. Правда, вот уж в этом Лизонька точно не нуждается. И без того кровь царская.

Гораздо интереснее, и при этом крайне неожиданно, девчонка вдруг оказалась не в рядах всяких тайных спецслужб, где теоретически должна быть, все же 13-й отдел из ее прошлого никуда не делся, а наоборот, против них. Вот это удивляет сильнее прочего. Даже в той реальности, где существовал современный Союз, она работала в том же отделе, на том же месте. Не понятно, в какой момент все так сильно изменилось. Она ушла из НКВД на вольные хлеба? Сомневаюсь, что ее так просто бы отпустили. Все же ведьма, причем, если верить Наталье Никаноровне, далеко не самая слабая. Уж не знаю, как у них уровень профессионализма определяется, или чем они там свою силу меряют, однако, интерес Люцифера именно к Лизе, уверен, говорит о многом. Не методом же тыка он Долгоруковых выбрал. В общем, пока что вопросов гораздо больше, чем ответов.

– Объектом внимания спецслужб гражданка Долгорукова стала из-за одного интересного дела. О нем, собственно говоря, и начал рассказывать. Некий иностранный подданный, имеющий очень крупные финансовые интересы в нашей стране, вдруг, несколько лет назад активно начал скупать различные предметы, обладающие исторической ценностью. Увлекся мужик одним словом. В том числе, в его коллекции находится некая книга, которую, к сожалению, увидеть так и не удалось, но упомянул я ее неспроста. Чуть позже поймёшь, почему. Три года назад этот гражданин прибыл на территорию Российской федерации ради

своих, финансовых дел. По причине интереса к истории нашей страны, господин Мацкевич отправился в Волгоград, имея желание посмотреть места, где происходила одна из самых значимых битв не только 20 века, но и вообще в принципе, тысячелетия.

– Стоп! – Я обхватил голову руками, пытаясь не выдать своего состояния. А оно было такое – хотелось заорать на все здание:«Идите на хрен!» Мацкевич? Серьезно? Человек, которого я собственноручно, причем в полном смысле этого слова, убил? И в данном случае, обратно не развернешь. Я убил его раньше, чем мы отправились к Сталинграду, а потом Наталья Никаноровна устроила нам вот это все, что происходит сейчас. Живым Мацкевич оказаться не может. Сам Мацкевич, естественно. Значит, что выходит? Кто-то из демонской братии продолжает ошиваться здесь? Хотя, в принципе, что меня удивляет? Бабка же несколько раз рассказывала, будто основная их цель – соблазнять, сбивать с пути. Ясное дело, для такой работы точно надо быть поблизости от людей. И что? Получается, Белиал так и живет, припеваючи, в образе Генриха Эдуардовича? Да ещё и в богатеи записался. Действительно. Не инженером ведь ему трудиться на заводе.

– Что такое, Иван? Хотя… Понимаю. Первый шок отпустил, теперь до тебя, наконец, стало доходить? Да, представь себе. Существует много всего, что обычному человеку покажется странным. А тебе, с твоим образом мышления, наверное, вообще это кажется бредом. – Игорь с сочувствием похлопал меня по плечу.

Чекист решил, будто я пребываю в нервном стрессе от новой, открывшейся информации о существовании потусторонних сил. Идиот, блин. Я в стрессе от того, что конца и края этому не видно. Вот это меня точно кроет. По сути, ситуация выглядит так. Белиал отирается среди людей, выполняя свою прямую задачу, а именно – склоняет человечество на сторону греха. Лиза живет сотню лет, являясь кем-то, похоже, не очень хорошим. Осталось в очередной раз объявиться Наталье Никаноровне, то бишь Люциферу, и все, суперкоманда в сборе. Правда, теперь вообще непонятно, кто друг, а кто враг. В очередной раз. Оно и до этого ясности особо не наблюдалось, но хоть в Лизе относительно видел своего человека. Сейчас девчонка вроде тоже должна быть на одной со мной стороне, но тогда за каким чёртом она сбежала?

Я провел ладонями по лицу, а потом, немного успокоившись, посмотрел на Игоря.

– Да, шок. Все нормально. Продолжай.

– Так вот. Мацкевич, не могу сказать, каким чудом и с

помощью каких связей, получил разрешение исследовать места боев. Это реально чудо. Там, на секундочку, исторический памятник. На вопрос, как он смог этого добиться, представь себе, даже у нас нет ответа. Видимо, его возможности находятся на том уровне, куда сложно допрыгнуть простым смертным. В любом случае, исследования велись аккуратно, без каких-либо нарушений и повреждений. Вот упомянутая мной книга появилась, как явление, именно в тот момент. Причем, очень неожиданно. Господин Мацкевич, уже закончивший свое мероприятие и планировавший возвращаться на Родину, подал заявление в местное отделение полиции, обвинив гражданку Долгорукову, будто та, путем обмана, проникла в его номер, где совершила кражу некоторых ценных вещей. Среди них упоминались золотые украшения, приличная сумма денег, отчего-то наличными, и крест, являющийся исторической ценностью. Последняя деталь выяснилась в ходе следствия. Учитывая ситуацию с иностранным подданным, причем, предположительно, имеющим связи, как говорится, его порочащие, в данном случае не только в эшелонах власти, но и криминального характера, потому присматривали, плюс ценность украденного, в первую очередь, этот крест, который по заверению представителей церкви тоже пропал, но очень давно, а по утверждению Мацкевича, приобретен законным путем на аукционе, дело попало в наш отдел. С Долгоруковой он якобы случайно познакомился в ночном клубе. Пригласил ее в номер. Ну, а дальше, по классике. Выпитое вино, провалы в памяти. Однако, когда дело взяли в разработку, как раз выяснилось, что Елизавета Николаевна прежде активно выходила на связь с различными людьми, уверяя их, будто мертвые родственники покоя не дают, просят разыскать потомков и передать различную информацию. Кто-то просто посылал девицу, а кто-то шел на контакт. Во время сеансов Долгорукова просила уточнить у усопших по поводу книги. Якобы, во время битвы они, эти усопшие, могли быть свидетелями некоего события, где данный предмет фигурировал. Напомню тебе, выбирала девица людей, чьи деды или прадеды воевали. Она уверяла, будто является лишь проводником, и ей мертвые на прямые вопросы отвечать отказываются, если спрашивает лично о своем. Вот с внуками, это да. Это они очень рады поговорить. Через Долгорукову, естественно. В общем, в силу того, что кое-какие факты показались коллегам странными и не вполне объяснимыми, подключился наш отдел. Потому как люди, имевшие дело с Елизаветой Николаевной, утверждали, будто способности медиума действительно есть. Многие факты из их жизни или жизни семьи она просто не могла знать.

Но самое интересное, гражданка Долгорукова после той кражи и заявления господина Мацкевича, будто сквозь землю провалилась. Исчезла. Вообще. Как понимаешь, нам это сильно ощутимо бьёт по репутации.

Мацкевич уехал, для его задержания не было никаких причин, тот же крест действительно он приобрел на закрытом аукционе, а мы вот уже три года пытаемся отыскать интересующую нас особу. Потому что вокруг нее слишком много оказалось различных нестыковок. Например, в детском доме, где она якобы выросла, никто не помнит такого человека. Вообще никто. Ни преподаватели, ни люди, в тот период времени там же находившиеся. Да и не только это. Суть в том, что именно сейчас, впервые за очень долгое время, она снова всплыла. И связано это с убийствами, которыми ты занимаешься. Точнее, с последним убийством. Но вполне очевидно, вряд ли предыдущие три были совершены кем-то другим, а вот четвертая жертва – дело рук Елизаветы Николаевны.

В этот момент у капитана зазвонил мобильник и он, извинившись, вышел из кабинета. Слава богу. Потому что я сидел, как пыльным мешком пришибленный. Картина вырисовывалась не просто плохая, а отвратительная. Если перевести на нормальный, человеческий язык все, что рассказал Игорь, ситуация выглядела следующим образом.

Мацкевич жив, и, скорее всего, это кто-то из демонов. Предположительно, Белиал. Он ошивается за границей, имеет много бабла и связи криминального характера. Лиза, что уже вполне понятно, тоже жива, но только творит какую-то невразумительную дичь. Обоих их интересует книга. И еще, крест. Вот тут муть какая-то. Тот ли фигурирует крест, который я отдал в свое время Алексею, то ли совершенно другой. Но что более всего меня поддергивало на данный момент, – уверенность, ни хрена Наталья Никаноровна не случайно отправила нас с девчонкой в мое настоящее. Дело не только в том, будто мы просто должны вот так, прыжками, оказаться в нужном месте прошлого. Более того, во мне росла и крепла уверенность, все происходившее в последнее время, начиная от самого первого появления обоих демонов, связано в первую очередь как раз с настоящим. Изначально Наталья Никаноровна преподнесла все так, будто надо вернуться в годы начала карьеры деда, а потом исправить то, что он не смог сделать правильно. Но вот теперь я вдруг задумался, а не сбрехала ли бабка.

Если хотя бы допустить вариант, о котором я сейчас думаю, то получается, именно настоящее гораздо важнее, чем прошлое. Именно поэтому их Звезда Давида выбрала меня. А не по якобы

своей прихоти. Убийства связаны с убойным отделом, находятся в моих руках. Здесь я, опять же, в своей среде. Но, во-первых, явись ко мне хоть кто-то с заявлением, будто он – демон или того хлеще, Люцифер, вполне понятно, какая реакция его бы ожидала. В лучшем случае просто набил бы идиоту морду. Ну, а если женщина, отправил бы в психушку. Во-вторых, скорее всего, некоторые факты прошлого все равно требовали корректировки. В общем, судя по ситуации, последний этап вовсе не там, в 1942 году, а здесь.

И тогда вся ситуация поворачивается совсем под другим углом. Например, с хрена ли Мацкевичу писать заявление на Лизу в ментовку. Обхохочешься. Честно. По-любому, он – демон. Иначе просто быть не может. Опять же, в столь долгую родственную линию не верю вообще. Насколько помню, не женат был Генрих Эдуардович, семьи не имел. Детей, официальных, по крайней мере, тем более там не присутствовало. Да и сильно изменившаяся с появлением Натальи Никаноровны жизнь научила меня исключать подобные совпадения. И вот пошел древний, как остатки жизнедеятельности мамонтов, демон жаловаться дяденькам в форме на злую девочку. Нет. Бред. Тут, скорее всего, просто надо было привлечь внимание к персоне Лизоньки определенных структур, чтоб они тоже как-то вмешались, путались у нее под ногами.

Пока не могу понять, как Лиза ухитрилась соскочить с крючка Тихонова. Или это произошло позже. И почему она ждала так долго. Восемьдесят лет с момента, когда мы теоретически, а я надеюсь, все сложится удачно, спрятали эту чертову книгу. В истории спецслужб вообще и 13-го отдела НКВД в частности, имя Долгоруковой не значится, раз сотрудники новой версии детища майора и Берии его, это имя, прежде не встречали. Столкнулись лишь после кражи в гостинице у Мацкевича.

Как бы то ни было, вот она, та самая настоящая проблема, которую надо решить, а Наталья Никаноровна с самого начала держала меня за идиота, который просто послушно выполнял все, что требуется. Даже если вспомнить тот выстрел Марты, который, якобы произошел неожиданно, и бабка орала, какие мы с Лизой дураки. Да хрен там! Все было ею просчитано. Теперь уверен на тысячу процентов. Каждый свой шаг, каждый мой поступок старуха, а точнее Люцифер, сидевший внутри нее, просчитывал на миллион вариантов вперед. Вот я, конечно, лох. Иначе не скажешь. Ладно, в самом начале не славливался и вообще не мог принять существование демонов, ведьм и всякой подобный ерунды, но потом… Ведь уже знал, Наталья Никаноровна не проста. Это мягко говоря. Там не мозг – хитроумная

программа, которая точно знает, к чему надо прийти в итоге. А путь, который будет выбран ее вообще не волнует. Надо пожертвовать всеми нами, без малейших сомнений это сделает. Надо обмануть, схитрить, использовать – даже не дрогнет ни на мгновение.

– Все нормально? – В кабинет вернулся Игорь. причем, я вполне мог задать ему тот же вопрос. Лицо у товарища капитана было несколько озадаченное.

– Да. Сижу просто, перевариваю. Не каждый день такие новости услышишь. Сам понимаешь, привычный мир почти рухнул.

И ведь не соврал чекисту ни на грамм. Только привычный мир рухнул гораздо раньше, чем он думает. Когда в моей жизни появились эти двое – Клетчатый и бабка-демон.

– Слушай, нам надо ехать. Ждет один человек… Собственно говоря, тот самый Мацкевич, о котором я рассказывал. Странно, откуда мог узнать, что Долгорукова появилась снова…

Глава 22

Странно ему от появления Мацкевича… Ага. Мне так уже ни от чего не странно. Вообще. Ничто больше не шокирует. Серьезно. После признания Натальи Никаноровны, кем она является на самом деле, даже представить не могу, что бы меня выбило из колеи. Не каждый день слышишь слова, типа, да, я, кстати, Люцифер, владыка Ада и вся такая хрень. Быстрее удивился, если бы хоть несколько часов прошли спокойно, без всяких новостей и сюрпризов. Особенно в последнее время.

Игорь был на машине. В принципе, я тоже, но решили, использовать его транспорт. Хотя… как решили… Чекист просто уверенно направился к своей тачке, не оглянувшись и не уточнив пожелания коллеги. То есть мои пожелания, конечно. Я, соответственно, шуровал следом. Меня, как бы, никто и не спрашивал, а я, как бы, и не возражал. Баба с возу, кобыле легче. Бог с ним. Привык парень быть главным, пусть будет. Вот это меня волнует в саму последнюю очередь, попытки меряться письками, чтоб выяснить, кто из нас круче. Ясное дело, он гбэшник, за ним и сила, брат. Тем более, тут другая головная боль вырисовывается. И она гораздо важнее.

Все, что чекист рассказал про Лизу…С одной стороны, в голове не укладывалось. Где-то в глубине души даже не хотел верить. Аферистка и воровка… Девчонка. Моя девчонка с ее принципиальным характером. Очень странная тема. Просто это не похоже на Лизоньку. Блондиночка никогда не стремилась к наживе или чему-то подобному. Это точно. По крайней мере, та девчонка, которую я знаю. С другой стороны, от момента нашего с Елизаветой знакомства пошло больше восьмидесяти лет. Понятия не имею, что с ней происходило все это время. Не представляю, какие сложности и трудности пришлось пройти. Вряд ли это была веселая прогулка. Да и потом, долгая жизнь никому не шла на пользу. Говорят, характер портится изрядно. И все же… Однозначно, Лизой двигало не просто желание разыскать книгу. Вернее, да, в первую очередь, именно оно. Имею в виду, понадобилась вещица ей с какой-то определенной целью. Не себе во благо. Тем более, Лиза знает прекрасно, насколько это опасная штучка. Если она ее ищет, значит, либо я в прошлом, либо сама бабка-демон, по-любому успели блондиночку просветить о специфике данного фолианта.

В любом случае, три года назад Лиза, судя по всему,

пережила очередное обнуление и появилась с Волгограде. Город был выбран неспроста. Она явно в нем имела определенный интерес. Что-то привлекло ее. Хотя, почему обобщаю. Не что-то, а вполне конкретная вещь.

– Ты говорил, некая таинственная книга появилась в этой истории, в связи с именем Мацкевича? – Из-за внезапного звонка Игорь так и не рассказал мне все до конца, когда мы ещё были в кабинете. А момент это немаловажный. Даже, наверное, самый важный. Снова всплыла чертова штуковина, вокруг которой все крутилось столько времени, и которая, собственно говоря, послужила основным толчком всем событиям.

– А-а-а-а-а-а, да. Книга. О том, что она находится в коллекции Мацкевича мы узнали уже после его отъезда. Когда стали выяснять обстоятельства кражи, а именно, личность потенциальной подозреваемой, открылись подробности с ее даром медиума. Потом, как и говорил, некоторые из бывших клиентов рассказали, будто усопших родственников по просьбе Елизаветы Николаевны спрашивали именно о книге. Стала известна сторона дела, не совсем привычная простым людям. Простым сотрудникам органов в том числе. Собственно говоря, тогда нас и подключили. Мы связались с Мацкевичем. Уже именно наш отдел. Когда этот гражданин был в России, никто же не догадался опросить его правильно, детально. Мы же любим все через одно место. А тут тем более, иностранец. Местные проблем себе не хотели. Соответственно, у нас имелись вопросы. Очень много вопросов. И вот в беседе, которая, к сожалению, была возможна лишь по видеосвязи, и то, благодаря желанию Мацкевича сотрудничать, мог бы к черту послать, разговор коснулся книги. Я спросил, не успел ли за короткое время общения наш пострадавший услышать от Долгоруковой что-то с этим связанное. Мало ли. Мимоходом. Вскользь. Так вот он, Мацкевич, соответственно, рассмеялся и сказал, что прекрасно понимает, о какой книге идёт речь. Мол, эта самая книга у него в коллекции, он нашел ее раньше, чем Елизавета Николаевна. Но а тот момент более детальных пояснений отказался дать. Заявил, книга к краже никакого отношения не имеет.

– А тебя не смутило?

Я покосился на Игоря. Он сидел с каменным лицом, разглядывая автомобили впереди, которые очевидно мешали нам пробраться в центр, к гостинице, где должна была состояться встреча. Однако при этом, мы все равно двигались наравне со всеми, а могли бы проскочить пробку за пять минут.

Мне до ужаса самому было интересно увидеть Генриха. Даже не столько увидеть, сколько понять степень своей правоты. Кто

там внутри? Белиал? И как, интересно, поведет себя Мацкевич. Уже знает, наверное, что я вместе с Игорем.

– Что именно должно было смутить? – Чекист даже головы не повернул.

– Ну, факт столь странного совпадения. Девица искала книгу до встречи с иностранцем. Правильно? Потом она знакомится в баре с этим типóм, и книга, вдруг, оказывается, именно у него. Просто ты говоришь об этом, как о совершенно далёких друг от друга событиях.

– Нет, конечно. Неправильно понял. Естественно, после разговора с Мацкевичем, стало очевидно, их знакомство было совершенно не случайным. Долгорукова выбрала не просто богатого иностранца, которого можно «обуть», а человека, владевшего вещью, которая ей нужна. Да, она разыскивала книгу, видимо, каким-то образом узнав, что искомый предмет у приезжего господина. Правда, удивляет, неужели девка реально думала, будто этот очень даже непростой, солидный человек, будет таскать ценную вещь при себе. К сожалению, саму Елизавета Николаевну мы пока что спросить не можем. Надеюсь, данная ситуация изменится очень скоро.

– М-м-м-м-м… Ну, да. Ну, да… А как стало известно, что она имеет отношение к четвертому убийству? Криминалисты не успели бы так быстро. Тело нашли едва ли не за час до твоего появления в убойном. Может, отдел ваш особый, но вряд ли вы предсказаниями и гаданиями занимаетесь. Или имеются ведьмы на службе?

Естественно интересовался не просто так. Хотел понять, в каком виде бывший 13-й отдел НКВД существовал сегодня. Есть ли среди его сотрудников кто-то подобный Лизоньке. Или, не дай бог, Наталье Никаноровне.

– Сообщили, Иван. Сообщили. У нас тоже есть свои осведомители. А по поводу ведьм… Информация для тебя не шибко нужная, но отвечу. Ведьм нет. Они отказываются сотрудничать. Сволочи хитрые… Меркантильные особы. Хотят денег много. Контора их запросы не может удовлетворить. Есть, так называемые, экстрасенсы. В некоторых моментах, кстати, очень полезные люди. Есть один экзорцист. Не поверишь, но пришлось своими глазами наблюдать, как в девочке лет тринадцати, беснуется демон. Я поначалу даже подумал, глумится девчонка. Кривляется. Пока она по потолку не побежала и не начала раздвоенный язык высовывать. Было… да чего там лукавить. Чуть не обосрался. Только перевелся в этот отдел и тут такая встреча. А вот Алексей Алексеевич совсем не растерялся. Прям на стол залез с ногами, за шиворот бесноватую ухватил

и вниз сдернул, а потом демона, непосредственно, изгонять начал. Тоже, скажу тебе, очень занимательный процесс.

– А ты как вообще попал на такую службу? – Мысленно отметил, либо во времена первых лет работы Тихонова поспокойнее с нечистью было, либо сейчас она очень сильно разошлась. Деду ничего подобного видеть не приходилось. Гоняли только за Мацкевичем, да книгу искали. Ну, может, конечно, война, все такое. То, что Игорь рассказывает, гораздо интереснее.

– Ну… как тебе сказать. Дело одно расследовали, там всплыла тетка. Она замуж выходила, вдовела и наследство получала. А деньги всегда были немаленькие. Здоровенные деньжища. Главное, причины смерти мужей всегда были вполне объяснимые. Только один из последних оказался управленцем весьма не маленького уровня. Увлеклась она. Безнаказанность вообще сильно расслабляет людей. В общем, вот эта тетка, выяснилось по итогу, являлась той самой, как ты назвал, ведьмой. Изводила их целенаправленно. Но это я позже узнал. Когда в расследование отдел вмешался. Так и попал на службу. Ты, кстати, нормально правду принял. У меня была форменная истерика. Два дня пил, отказывался признавать, что своими глазами видел, как ведьма с помощью обычной куклы из воска и волос жертвы, реально убивала. Представляешь?

Я покосился на чекиста, ожидая увидеть насмешку или иронию. На полном серьезе он не мог это рассказывать. Нет, ни черта. Совершенно обычное лицо. Хрень какая-то выходит. Почему раньше такого не было. Вообще не помню, чтоб Наталья Никаноровна нечто аналогичное говорила. Из подобной братии только одна Лиза и была. Больше ведьм вокруг не ошивалось. Да и нечисть присутствовала лишь в лице самого главного. А, ну ещё Белиал. И кот. Про кота чуть не забыл. Сейчас же, в современном времени, сотрудник федеральной службы безопасности рассказывает мне какие-то сюжеты мистических фильмов. По нарастающей что ли, шло. Типа тогда, спустя недолгое время после влияния книги на историю, было ещё терпимо. А теперь лезут со всех щелей?

– Ну… ладно. Значит, вам сообщили насчёт Долгоруковой?

– Да. Звонок был от осведомителя. Сам знаешь, как обычно это происходит. Позвонил только слишком поздно, гад. Ровно через некоторое время после убийства. Зато сказал все подробно и детально Сообщил бы раньше, девушка осталась бы жива. Это жаль, конечно. Я про жертву. Единственный момент… В некоторой степени даже странный. Есть у нас женщина, внештатный сотрудник, можно сказать. Сама рвется

к взаимодействию очень давно. Такая… С прибабахом. Вот она сегодня знает, что заявила? Это судьба их – умереть. Им же лучше, что вот так все закончилось. Могло быть гораздо хуже.

– В смысле? – Я бестолково уставился на чекиста. – Кому судьба умереть? Жертвам? Что за бред?

– Да. Им. Вроде бы о них речь шла. Тетка мутная. Она в тот момент просто была в отделе, совершенно по другому делу. Мы от нее прежде никакой пользы не видели. Так, ерунду всякую рассказывала. Утверждала, будто предчувствует будущее. Но подтверждающих фактов не давала. Я мимо нее шел, как раз к тебе собирались. Она меня за руку ухватила и сказало вот это… сейчас… типа… Судьба им помереть. Не вините никого. Лучше так, чем то, что предназначено. Короче, что-то типа того. Я не придал значения. А пока тебя ждал, смотрел предыдущие жертвы. У всех есть одна деталь, объединяющая, на которую особо внимания не обратили. Мелочь, которая, теоретически, на дело не влияет. Проблемы со здоровьем. Незначительные. По женски, так сказать. Короче, с маткой. Не люблю подобные темы обсуждать… А надо. Работа, блин. В общем, по предварительному заключению моих коллег, моих, не твоих криминалистов, женщины имели очень большой шанс получить онкологию. Причем, в быстро развивающейся форме. Если брать процентное соотношение, то 99 из 100. Предположительно, все четверо могли скончаться в течение нескольких месяцев. Я бы вообще не стал это выяснять и обращать на это внимание. Если бы не слова этой мутной тети. Привык, знаешь ли, обращать внимание на любые странности, даже если изначально они кажутся глупостью. В нашем деле это очень важно. Кстати… Про наше дело… Как думаешь, почему я так открыто говорю с тобой?

– Не знаю. – Я пожал плечами, а потом усмехнулся, – Будет специальная штука, которая стирает память?

– Слушай, Люди в черном занимались инопланетными существами. У нас тут посерьёзнее темы. Нет. Но шутка зашла. Думаю, раз мне велено не скрывать от тебя никаких деталей расследования, никаких фактов, и по максимуму вводить в курс дела, скоро ты поменяешь отдел.

Я уставился на Игоря, широко открыв рот от удивления. Он глумится? Но чекист все так же оставался серьезным.

– Какой отдел?! У меня пенсия. Со службой завязываю. Все. Свое отбыл. Достаточно. – Прямо очень сильно напрягли его слова. Мысль о том, что скоро все закончится и меня оставят в покое, грела мою душу все это время, а тут такой внезапный поворот вырисовывается.

– М-м-м-м-м… Пенсия… Я тоже из запоя вышел с этой мыслью. Знаешь, очень сильно расстраивает, когда рядом с тобой падает твой друг, прямо на землю. Его корежит, руки, ноги ломаются, а рядом никого. Вообще. Сами. Прикинь. Ну, это я думал, что сами. Оказалось, наша подозреваемая в этот момент его куклу калечила. Вуду. Да. Представь себе, действует. Их же, в основе всей мистической темы, три основных направления – вуду, руны и работа с потоками. Там, брат, целая наука. Интересно будет самому разобраться. Не просто с потолка все взято, из воздуха. Действительно наука. Все имеет объяснение. Ну, не об этом речь. Я тоже собирался на пенсию. А вышло вон оно что. Подозреваю, начальство специально таких, как мы и находит. Тех, кто имеет настоящий опыт за плечами. Да и возраст… Тебе случайно не тридцать три?

– Ну, да. Это при чем?

– Да так… Интересуюсь. Мне столько же было. Потом поймёшь. Если я прав и тебе наш отдел светит. Тридцать три года… Один товарищ положил главный отсчёт с этой цифры. Именно с тридцати трёх лет. Это мое тоже в первые дни работы объясняли, когда в новый отдел перешёл.

– Какой товарищ? Вообще ни черта не понимаю. – Я начал немного заводиться. В мои планы больше никакая служба не входила вообще, а уж тем более, в очередном отделе, который мистической дрянью занимается.

Но разговор пришлось прервать. Мы, наконец, оказались прямо перед зданием гостиницы, где остановился Мацкевич.

* * *

От автора – Пишу следующую утром выложу.

Глава 23

Конечно же, это был самый дорогой отель города. Ну, и, конечно же, Мацкевич снял самый дорогой номер. Генрих Эдуардович и правда, похоже, чувствует себя хорошо. Ясное дело, чего ему должно быть плохо. Если мои догадки верны, а я в это уверен, и в нем сидит проживший хреналион лет демон, могу представить, какие открыты возможности для зарабатывания денег. Интересно, в казино он просто знает, какая фишка сыграет, или они, эти фишки, ложатся по его желанию. Учитывая, что в запасе у Мацкевича был не один десяток лет, думаю, там на двадцать жизней вперед денег хватит.

Мы поднялись на самый последний этаж и прямо из лифта попали сразу в апартаменты. Навстречу вышел молодой человек, серьезный в очках, который представился личным помощником Генриха Эдуардовича.

Нам предложили присесть и подождать. Еще предложили выпить, но я так и не понял, чего именно. То ли воды, то ли покрепче. Поэтому на всякий случай отказался. Хотя, сказать честно, с огромным удовольствием опрокинул бы стакан водки. В качестве успокоительного. Одни нервы, ей-богу.

Мацкевич появился буквально следом, не прошло и пяти минут. В отличие от Лизы, выглядел он совсем иначе. Не так, как в 1942. Хорошая стрижка, дорогой костюм, запах парфюма, который по цене равен месячной зарплате среднестатистического гражданина, но главное – абсолютная, полная уверенность во взгляде. Изменился Генрих Эдуардович. Несомненно изменился. На меня он посмотрел мимоходом, не заостряя внимания. Будто мы никогда прежде не встречались. С другой стороны, при Игоре, который, на секундочку, сотрудник федеральной службы безопасности, наверное, вести себя как-то иначе, было бы странно. Даже, пожалуй, опасно.

Поздоровался с чекистом, мне быстро и смазано кивнул, а затем прошел к креслу, стоящему напротив дивана, где сидели мы.

– Гених Эдуардович… Неожиданное приглашение. Вы же последние три года так сильно были заняты, что не имели возможности посетить нашу страну. – В голосе Игоря отчетливо звучала насмешка.

– Да, дела, знаете ли. – Мацкевич с совершенно невозмутимым лицом пожал плечами, будто не заметил

подтекста в словах гбешника.

Я пристально рассматривал его лицо. Пытался найти хоть какие-то признаки присутствия Белиала. Да и вообще. Интересно. В принципе, если встретились бы мы где-то на улице, мимоходом, наверное, быстрее принял бы этого Генриха Эдуардовича за близкого родственника того Генриха Эдуардовича, прежнего. Первого, так сказать. Вот Лиза, к примеру, не изменилась вообще. Даже прическа была та же, волосы заплетены в косу и перекинуты через плечо. По крайней мере, в тот момент, когда нашел ее на месте преступления. А там хрен его знает, может ей так удобнее убивать. Жесть конечно… На полном серьезе думаю о том, что девчонка и правда могла убивать тех несчастных. Снова прислушался к своему внутреннему голосу. Нет ужаса. Нет возмущения. Интересно. Я, так – то, мент. Преступление всегда вызывает у меня гнев, а тут, ты посмотри… Ничего. Может, дело в том, что я знаю, тело, которое ходит по городу сейчас, это совсем другая Лиза. А моя, настоящая, сейчас находится там, как пассажир. Кстати, насколько знаю девчонку, по этой же причине она могла и сбежать. Мол, сначала разберется сама, чтоб меня не втягивать. Вот только как? Если ни черта не знает в этом времени. Если только… Внезапно меня посетила мысль, очень даже логичная. Когда мое сознание переносили в прошлое, дед, по крайней мере так уверяла Наталья Никаноровна, где-то спал. Ну, типа его душа. А в будущее? Если Лизоньку перекинули сюда? Сознание реальной блондиночки, живущей одновременно со мной, тоже уснуло? Ну и ещё один момент. Судя по всему, современная Лизонька снова имеет все возможности, которые потеряла в свое время по моей вине.

– Познакомьтесь, мой коллега, Иван Сергеевич. – Игорь кивнул в мою сторону. – Вы удивительно вовремя, Генрих Эдуардович. Буквально сегодня утром стало известно, что гражданка, ограбившая Вас, снова находится неподалеку. Думаю, удивительная интуиция…

– Это, да… – Мацкевич развел руками, намекая, что сам в шоке от того, насколько он классный пацан. – Ещё дед, кстати, мой полный тезка, тоже Генрих Эдуардович, говорил, это у нас семейное.

– Дед? – Я не хотел вмешиваться, но вырвалось против воли.

– Да. Знаете, интересный был человек. Незадолго до войны, второй мировой, имею ввиду, организовал целое философское течение в Германии. Сейчас это назвали бы сатанизмом, но он видел суть своего учения немного другой. Хотя, как говорят, на самом деле мечтал вызвать Люцифера и подчинить его себе. Представляете, глупость какая?

Мацкевич посмотрел мне в глаза, но вежливо, без подтекста. При этом он склонил голову к плечу, ожидая, видимо, ответа.

– Конечно, глупость. Если бы это и было возможным, думаю, скорее всего вашего деда ждало бы огромное разочарование. Сомневаюсь, будто Люцифер сидит и ждёт, когда же ему выпадет столь огромное счастье, служить какому-то человеку.

– Интересно… – Генрих Эдуардович немного подался вперёд – А Вы не верите в Люцифера?

И главное, взгляд у него такой, честный – пречестный. Будто действительно человек лишь любопытствует, интересуется. Без всякого подтекста.

– Почему же… В жизни всякое может быть. Допуск многое.

– Как удивительно… Впервые встречаю человека, несколько лет занимающегося убийствами, который не требует доказательств.

– Откуда взяли, что убийствами? – Я, как и Генрих Эдуардович, тоже наклонился вперёд. Теперь мы по сути сидели с ним и друг напротив друга, таращась друг другу же в глаза. Но при этом, сволочной иностранец выглядел так, что я, хоть убейся, не мог понять, тот ли это Мацкевич, которого я думал в квартире в Ровно, иди реально его внук. На вид лет сорок. Холеный. Ухоженный. Не скажу, будто копия. Просто сильно похож. Но ведь это и не преступление.

– Догадался. Вы не федерал. Это однозначно. У товарища капитана, – Генрих кивнул на Игоря, совершенно другая осанка. Более уверенная. Однако при этом, когда вошли в номер, именно Вы, Иван Сергеевич, осмотрели его внимательно, задерживаясь взглядом почти на каждой вещи и каждой стене. Это не любопытство. Вы оценивали ситуацию, попутно искали улики. Не спрашивайте, какие. Мне не известно. Какие-то улики, нужные Вам.

Мацкевич разорвал зрительный контакт и откинулся на спинку дивана.

– Так вот. Мы говорили о деде. Почти сразу перед войной он был вынужден бежать из Германии в СССР. Фашистская власть сильно его не взлюбила. Правда, и советская тоже. Просто дед захотел продолжать свои изыскания, связанные с потусторонними силами, но НКВД, которое в то время следило за всем и за всеми, сами знаете, его рвения к науке не оценило. Поэтому летом 1941 родственник сбежал из Москвы и перешёл на территорию, которая уже была под оккупацией. Больше его никто не видел. Из близких и друзей имею в виду.

Я чуть было не ляпнул, что у того, прежнего Мацкевича не было друзей. Имелись какие-то ученики, да. До войны.

Но друзей, близкий у него точно не было. Там с головой проблемы. Откуда взяться друзьям.

– А Ваш отец? Он где вообще был? Место рождения? Сами просто говорите, в Германии дедушка, о котором Вы говорите с таким трепетом, занимался каким-то философскими учениями, а в СССР пробыл недолго.

Мацкевич бросил на меня спокойный взгляд. Вот ведь гад. Либо притворяется так хорошо. Либо реально это внук.

– Отец родился в Германии. С его матушкой у деда был непродолжительный роман. Буквально перед отъездом Генриха Эдуардовича, как уже говорил, мой полный тезка, в союз.

– Очень содержательный рассказ. Нам это итак было известно. – Вмешался, наконец, Игорь. Ему, похоже, наши с Генрихом «гляделки» изрядно надоели.

– Так это вам. А товарищ вот интересуется. Ну, да ладно. Действительно. Что мы все о прошлом да о прошлом. – Мацкевич будто встряхнулся. Просто как-то резко стал выглядеть иначе. Пропала цепкость из его взгляда. – Собственно говоря, тема, ради которой я вас пригласил – книга. Так вышло, она у меня сейчас с собой. Совпадение. Можно так сказать. Вернее, здесь, в вашем городе, состоится встреча с одним очень серьезным коллекционером. Ну, и раз уж так вышло, взял предмет, который может помочь в расследовании.

– Очень интересно. – Игорь, иронично поднял одну бровь. – Как она нам поможет?

– Слушайте, товарищ капитан, ну, вы же сотрудник органов, не я. Должны сами догадаться. С помощью книги можно ловить на живца. Так вы это называете? Той девушке нужна была вещь, которая находится у меня. Вы сами пришли к этому выводу. И кражу она, наверное, затевала по этой же причине. Просто за неимением важного, взяла, что подвернулось. Теперь есть возможность спровоцировать ее. Сегодня весь интернет пестрит сообщениями, статьями и постами о том, что они известный коллекционер приехал к другому известному коллекционеру. Упоминается их встреча и тот факт, что у приезжего коллекционера с собой уникальный экспонат – книга, в своей время, в средние века, используемая ведьмами для контакта с дьяволом. Ваша Долгорукова в любом случае современный человек, правильно? А любой современный человек без интернета не может существовать. Думаю, она уже в курсе. Поэтому сразу пригласил вас. Уж простите за инициативу.

– Уж прощаем… – Чекист рвению Мацкевича явно рад не был. И восторга его точно не разделял. Похоже «ловля на живца» не была его любимым методом работы.

Смех смехом, но Игоря вполне понимаю. Я бы тоже при столь грубом вмешательстве, да ещё без предварительного согласования, в лучшем случае этой книгой по голове инициатору и настучал бы. Вот он теперь геморой Конторе подсунул. Главное, поставил просто перед фактом. Вещь, которую хотели украсть, здесь, и я ещё, если что, раструбил на весь город, где её можно взять и когда. Ну, все. Теперь ловите вора.

– Геннадий, – Мацкевич оглянулся на помощника, который, словно тень, стоял в углу комнаты, ожидая распоряжений от хозяина. – Принесите книгу.

Я от неожиданности тихо «крякнул» себе под нос. В смысле, принесите? Вот так запросто?

Парень молча кивнул и исчез в соседней комнате. Буквально через пару минут он уже снова стоял рядом с Мацкевичем, протягивая ему до боли знакомый сверток. Охренеть просто… Книга даже завернула была в ту же самую тряпку. Серьезно. Почти сто лет прошло. Это как вообще? Ни одна ткань не выдержала бы.

– Хотите посмотреть? – Генрих Эдуардович взял вещь, вокруг которой на протяжении очень долгого времени происходила всякая хреновина, а потом протянул ее мне.

– Кто? Я? – Вышло как-то испуганно.

Пришлось даже подавить желание спрятать руки под задницу. Правда. Воспоминание о том, какие эмоции вызывает книга, были ещё свежи в моей голове, а еще больше – в сердце. Вот точно не хотел брать ее. Но на меня смотрели три пары глаз, Игорь, Геннадий, который помощник, и сам Мацкевич. Причем, последний, явно с интересом. Кем бы он ни был, настоящим Генрихом или внуком, но, судя по этому взгляду, он точно знает, этот предмет со мной связан.

– Берите, берите… – Повторил Генрих Эдуардович и настойчиво ткнул книгой в мою сторону.

Твою ж мать… Я приподнялся с дивана, протянул две руки, будто предстояло взять не фолиант, а гирю, и осторожно забрал дьявольскую вещь у Мацкевича. Не знаю, насколько это было заметно внешне, но меня тут же накрыло ужасной, невыносимой тоской. Серьезно. Прямо будто взяли за шиворот и кинули в ледяную воду. Появилось такое ощущение, словно из всех углов комнаты раздается тихий шепот. Разные голоса. Мужские, женские, детские. И все они будто просят о чем-то. Или жалуются. Не знаю. А еще было чувство, словно книга узнала мои руки. Честное слово. Я буквально кожей ощутил, она меня реально узнала. Чертова вещь… Изменилась. Раньше такого не было. Когда впервые ее забрал у Василия, лишь испытывал негативные

эмоции, а сейчас… Аж в пот бросило.

– Эм… Спасибо. Боюсь держать столь дорогую вещь. Не дай бог что-то испорчу.

Я протянул фолиант обратно владельцу, но Игорь, видимо, решил, негоже без его участия всякие ознакомительные мероприятия проводить. Он перехватил книгу, спокойно взял ее, развернул, уставился на обложку, которая была совершенно черной, даже какой-то матовой, без малейшего отблеска света. При этом лицо у чекиста оставалось совершенно спокойное, только имело выражение любопытства. Все. Выходит, для него она и правда обычная. Он рассматривает ее без малейших признаков волнения или вообще какой-то эмоции, бровью не поведет.

– Можно открыть? – Гбешник посмотрел вопросительно на Мацкевича.

У меня сердце остановилось от его вопроса. Вот уж точно не хотелось бы, чтоб он это делал. Не знаю, почему. Не могу объяснить. Ясное дело, вряд ли сможет прочесть текст. Он на латыни, насколько помню из рассказов Натальи Никаноровны. И все же…

– Открыть то можно… Только не советую. – Генрих Эдуардович мило улыбнулся. – Говорят, она проклята. Вон Геннадий нервничает, например, когда ему приходится взаимодействовать с данным экспонатом моей коллекции.

Я посмотрел на помощника. Тот и правда выглядел бледновато, но при этом, следил за книгой, не отрывая взгляд. Хотя, по виску у него скатилась капля пота.

– А Вы? – Игорь протянул фолиант обратно, – Не боитесь?

– Нет, конечно. – Мацкевич тихо рассмеялся. – Меня не берут проклятия. Геннадий, унесите и приготовьте все необходимое. Через час нам выходить.

Парень шустро подскочил к хозяину, принял драгоценную вещь, а потом опять исчез в соседней комнате.

– Через час? Мне не послышалось? – Товарищ капитан поднял руку и посмотрелна часы, который украшали его запястье.

– Да. – Зато Генрих Эдуардович оставался совершенно невозмутимым. так что, если хотите поймать вашу Долгорукову, советую поторопиться и сообщить вышестоящему руководству.

Глава 24

– Не нравится мне этот тип. Просто жопа, как не нравится… – Выдал вдруг ни с того, ни с сего Игорь.

Мы сидели в его машине напротив входа в один из самых дорогих ресторанов города. Понты наше все. Естественно, встречу с коллекционером Мацкевич назначил в заведении, куда я, например, если когда-то и попаду, то только устроившись на работу охранником. Вот само место, собственно говоря, больше всего товарища капитана и нервировало.

– Идиот. Человек просто идиот. Выбрать для столь опасного мероприятия общепит. То есть он притащил все ценности, стоимость которых вызывает у меня приступ зависти, а у любого другого, не особо отягощенного законопослушанием – желание их заполучить, туда, где полно левых гражданских. Да ещё каких. Тут простых людей днём с огнём не найдешь. Не дай бог, кого зацепим или ещё что-то. Тьфу-тьфу – Игорь поплевал в открытое окно.

– Есть такое. Согласен. Из всех максимально неподходящих мест Генрих Эдуардович выбрал самое неподходящее. Но сам понимаешь, это жест доброй воли с его стороны. Заставить его изменить локацию мы не можем. Если уж твое начальство не смогло, куда рыпаться.

Наша машина стояла носом ко входу, поэтому красивую, украшенную резьбой, дверь и лакея в соответствующем костюме наблюдали мы оба.

– Угу. За это органически не люблю иметь дело с богатеями. Они искренне считают, что все вокруг происходит соответственно их желанию. И срать им на сложности и возможные последствия. А тут сиди, волнуйся, как сделать все аккуратно.

Естественно, ресторан был оцеплен профессионалами, ни одного из которых простой обыватель никогда в жизни не увидит. Плюс на само́м Мацкевиче имелась прослушка. Но при всем этом я нервничал ещё больше, чем товарищ капитан. Причина, собственно говоря, одна. Лиза. Девчонка далеко не простой обыватель. Это первое. А второе, я один хрен не мог понять, что происходит. В теле той Лизоньки, которая живёт в этом времени, должна быть сейчас прежняя. То есть, по идее, мы – соратники. Однако, ее исчезновение и дальнейшее отсутствие сильно напрягали, заставляя в таком раскладе сомневаться. Я оцениваю ситуацию со своей точки зрения, но мы

с Иванычем – простые люди, без всяких там особенностей и способностей. Поэтому, когда я нахожусь в его теле в прошлом, он спит. А Лиза… Ни черта не знаю, как с ней обстоит дело. Она же, блин, ведьма. Что если старая Блондиночка вполне себе благополучно договорилась с новой и комфортно существуют теперь вместе. Но главное, не понятно, для чего именно ей нужна книга. Она ведь не просто так начала ее поиски несколько лет назад.

И ещё, не понимаю, почему этот трижды проклятый фолиант оказался у Мацкевича. Явно данное событие произошло по стечению каких-то обстоятельств прошлого. Мы не справились? Не добрались? Не смогли её уничтожить или хотя бы спрятать? Вопросов тысяча, ответов вообще не имеется. Кстати, обнаружилась ещё одна несостыковочка в действиях и словах Натальи Никаноровны. Она якобы отправила нас сюда, чтоб потом в нужный момент дёрнуть обратно уже к месту Сталинградской битвы. Типа, не успеем дойти ножками. Но тело то и Иваныча, и Лизы остались в 1942. Не срастается. Какая разница, там мы или не там. И вообще, я исчез, Иваныч пришел в себя. А Блондиночка? Лежит под березкой спящей красавицей? Господи… Как я устал от всей этой круговерти…

Да и вообще, где сама эта чертова бабка? Предыдущие разы появлялась практически сразу. А сейчас, когда назрела столь сложная, серьезная ситуация, ее не видно нигде. Я покосился на сидящего рядом товарища капитана. Да не-е-е-е… Люцифер же говорил, что проспорил там какую-то фигню Белиалу и теперь по итогу этого проигрыша должен вселяться только в женщин. Жаловался, что над ним весь ад сейчас из-за этого угорает. Типа, главный демон, а шляется то в убогих старушечьих костюмах, то в платьях. Да и по поводкам Игорь на бабку-демона не тянет. Та бы уже сто раз надо мной поглумилась. Часа рядом спокойно бы не провела. Нет. Гбешник реально сотрудник Конторы. На демонов у меня уже нюх.

Я не успел додумать мысль до конца, как среди прохожих, которых в силу специфики района было не очень много, такие люди пешком ходят мало и чисто для удовольствия, мелькнула знакомая фигура. Сначала думал, выдаю желаемое за действительное. С устатку показалось. Потряс головой. Не помогло. Я отчётливо видел, как по тротуару в сторону ресторана семенит старушка, до безумия похожая на почившую английскую королеву, в розовом твидовом костюме, шляпке с вуалью и ридикюлем под мышкой.

– Да ну нахер… – Крепко зажмурился, протер глаза, а затем

снова резко их вытаращил.

Черта-с два. Идёт бабка, совершенно невозмутимо, крутит головой по сторонам. Рядом – жирный черный кот.

– Ты чего, Иван? – Товарищ капитан развернулся лицом, наблюдая все мои манипуляции с подозрением во взгляде.

– Я? А-а-а-а-а-а… да ничего. Просто показалось, что увидел знакомого. С прежней службы. А он, вроде как, погиб. Короче, глюкануло меня.

Тем временем Наталья Никаноровна поравнялась с рестораном, а потом просто в наглую помахала рукой. Нам.

– Что за странная бабка? Ты ее знаешь? – Игорь уставился на княгиню, конечно, даже приблизительно не подозревая, кто стоит рядом с лакеем.

– Главное, что ты ее не знаешь. – Ответил себе под нос. – Поверь, это огромное для тебя счастье.

– Так кто она? – Чекист с удивлением рассматривал бабку-демона, которая улыбалась, будто встретила самых родных на свете людей.

– Соседка. Редкостная… сука.

– А какого черта она нам машет? Как вообще нас рассмотрела. Тачка тонированная. Через переднее стекло плохо видно. Наглеть не стал, но затемнено все равно. Это нереально просто.

– М-м-м-м-м… У стервы зрение, как у стаи орлов.

Наталья Никаноровна перестала, наконец, привлекать внимание гбешника и размахивать своей конечность. Она отвлеклась от нас, раскрыла ридикюль, достала оттуда коробку спичек, а затем одну сунула себе в зубы, напоминая больше уголовную шпану, чем представительницу российской интеллигенции, уж не говорю про дворянство. Жирный сволочной кот терся возле ног старушки.

Вопрос: «А что, собственно говоря, происходит?» стал не просто насущным, он, этот вопрос, распирал меня со страшной силой, грозя разорвать на части, как того хомячка.

В промежуточное мое возвращение, когда в будущем остался существовать Советский Союз, Люцифер был вынужден разгуливать в другом теле, потому что Долгорукова «скончалась» сразу после войны. Вернее, вынуждена была скончаться. Бабуля, прожившая столько много лет, бесконечно «обновляться», как Лиза, не может. Вот это точно палево палевное. Соответственно, тогда, сидя в теле моей, прости Господи, не дай бог, тещи, он как раз и жалился, что пришлось менять образ несколько раз. А тут, вон рассекает, как ни в чем не бывало. Да и когда началась вся эта история, он тоже был в теле бабки. Вот

теперь снова.

Наталья Никаноровна тем временем что-то сказала лакею, который на появление старухи отреагировал удивительно спокойно, хотя на посетительницу заведения подобного уровня она уж точно не тянет. Мужик в ливрее несколько раз кивнул головой, а затем открыл дверь, пропуская бабку-демона внутрь. Вместе с котом. Может, он его не видит. Бывало же и такое.

– Ничего себе… Твоя соседка крутая? Смотри, чуть ли не раскланялся. – Игорь хмыкнул, а потом потянулся к телефону и набрал номер ребят, которые находились неподалеку в фургоне, напичканном системами слежения и прослушки. – Ну, что там? Сидят, разговаривают? Ясно, значит появился коллекционер. Странно. Как это мы его упустили. Сейчас подойдем.

Чекист скинул звонок и кивнул мне на дверь.

– Вылазь. Присоединимся к парням.

Я послушно выбрался наружу. Вылазь, так вылазь. Кто ж против? Конечно, там оно поудобнее будет.

В фургоне находились трое. Поэтому с нашим появлением стало значительно теснее.

– Что тут? – Товарищ капитан по-хозяйски приблизился к аппаратуре, рядом с которой сидел пацан в наушниках, лет двадцати пяти на вид.

– Да ничего. Обсуждают какую-то особенную вещь. Который не «наш» предлагает ее купить. Который «наш», то ли ломается, то ли цену набивает.

– Вот он идиот… А книга? Книга где сейчас?

– Лежит на столе в специальном футляре. О ней который не «наш» спросил в первые же минуты. Очень ему интересно. Говорит, феноменальная вещь. Типа, инструкция работы всех ведьм хрен его знает на протяжение скольких лет. Правда, судя по всему в эту информацию он не особо верит, но однозначно считает, что фолиант практически бесценен в силу своей древности и репутации. За покупку этой штуковины даже не заикается, говорит, у него денег, типа, не хватит. Но хотел бы, конечно. Заполучить.

– Чу́дно… – Протянул Игорь, хотя судя по интонации, ничего чудесного в этом как раз не видел. – И тот, который «наш», одаренный, так сказать, раструбил по всему интернету, что эта самая бесценная древняя книга будет присутствовать на встрече, как третий ее участник почти.

– Ага. – Пацан усмехнулся, – Весь инет пестрит. Особенно всякие специальные каналы.

Я слушал их разговор в полуха. Помимо специальных микрофонов, распиханых по пятаку, где ужинал Мацкевич

со своим «коллегой», имелась ещё связь с камерами видеонаблюдения в заведении. Гбешник ухитрился договориться с владельцами ресторана, хотя, быстрее думаю уместны слова «заставил», «принудил», «шантажировал».

Соответственно, целый ряд экранов показывал нам зал, где находились посетители. И вот там как раз было то, что привлекло мое внимание. Конечно же, речь о Наталье Никаноровне. Бабуля с дельным видом занимала один из столов. Перед старухой стоял бокал вина, по крайней мере, похоже на то, и тут же был кот. Жирная скотина реально расположилась прямо рядом с бокалом. Сидел в виде «копилочки», обернув хвост вокруг своей откормленной задницы.

Чуть в стороне стояла тарелка с нарезкой из сыра и вяленого мяса. Рядом – ваза с фруктами. Наталья Никаноровна каждые пять минут подносила бокал к губам, делала глоток и жмурилась от удовольствия. Вот оно, самое главное отличие демонов от людей, по которому их всегда можно опознать. Они не просто едят, не просто получают удовольствие от наших, человеческих продуктов, приготовленных и поданных в виде блюд, она наслаждаются вкусом, смакуют его, пытаются сохранить в памяти. Оно и понятно. Если верить тому же Люциферу, в моменты его настоящих откровений, он неоднократно говорил, что в аду ничего подобного даже рядом нет. Поэтому они так рвутся испытать все возможности, доступные нам, если находятся среди людей.

При этом Наталья Никаноровна была совершенно спокойна. Даже сказал бы, довольна. Хотя, за все время я ни разу ее в другом состоянии и не видел. С Мацкевичем друг на друга они вообще не смотрели. Будто не знакомы. Генрих Эдуардович, склонив голову к плечу, внимательно слушал, как сидящий напротив седовласый мужичок интеллигентного вида заливался соловьём о какой-то редкой вещице, имевшейся у Мацкевича в коллекции. Благодать и лепота. Но у меня от этой картины внезапно появилось и начало расти чувство тревоги. Вся сцена, разыгравшаяся перед моими глазами, словно была прелюдией. Ожидание чего-то более важного.

– Объект появился! – Один из парней ткнул пальцем в соседний экран, на котором виднелся вход в ресторан.

Я моментально переключил внимание. Так и есть. Совершенно в открытую, не прячась, не стесняясь, в заведение вошла Лиза. Выглядела она на сто баллов. Строгий брючный костюм подчеркивал все достоинства ее фигуры.

– Вообще охренела девка. – Выдал стоявший рядом Игорь. Он впился глазами в изображение, наблюдая, как Блондиночка

походкой «от бедра» двигается в сторону зала.

Не согласиться с ним было сложно. Это – верх либо тупости, либо наглости, вот так откровенно явится в ресторан, будто чисто поужинать забежала.

Лизонька, не останавливаясь, прошла в сторону Мацкевича, на ходу взяла свободный стул и уселась напротив Генриха, закинув ногу на ногу. Никогда не видел, чтоб девчонка вела себя настолько уверенно. Она, конечно, и прежде скромняжкой не была, но сейчас я наблюдал высокомерную, наглую, жёсткую, а главное – опытную стерву. Это не моя Лиза. Это, как раз, та Лиза, которая прожила почти сотню лет и за ее плечами охренеть, какой багаж.

– М-м-м-м-м… Елизавета… Неожиданно… – Мацкевич отложил вилку и нож, которыми собирался разрезать кусок стейка, только что, принесенного официантом.

– Ой, перестаньте, Генрих Эдуардович. Сомневаюсь, что для Вас наша встреча была неожиданностью. Не просто так ведь Вы прятались три года за границей, а теперь явились, да ещё и с книгой. – Лизонька, усмехнувшись, кивнула в сторону специального квадратного футляра, сделанного ровно под печатное издание, может только чуть больше размером.

– Я за границей не прятался, Елизавета. Я там жил. Прятались Вы тут, в своей стране, у себя на Родине. От сотрудников вашей доблестной полиции. – Мацкевич был все так же удивительно спокоен и благодушен.

– Твою мать… – Это высказался товарищ капитан за моим плечом.

– Что будем делать? – Один из парней отодвинул полу пиджака и взялся за кобуру.

– Да щас! Там гражданских херова туча. Вот поэтому я и был против. Только кто же меня послушал. И начальство такое умное. Нормально все, не посмеет она открыто заявится. Будет ждать на выходе или по дороге. Девка на всю голову отмороженная. Идём, Иван. Попробуем старую добрую систему переговоров.

Капитан с огромным энтузиазмом рванул вылазить из фургона. А вот я бодрости его духа не разделял. Потому что весь расклад мне не просто не нравился. В голове колокольным набатом долбила паника. Что-то не так. Неправильно.

Но оставаться в фургоне было вообще уж тупо, поэтому, естественно, я последовал за Игорем.

Когда мы оказались внутри ресторана, первое, что бросилось в глаза, это странное состояние его гостей. Они просто сидели с каменными лицами и настолько прямыми спинами, будто их сейчас придут проверять на степень строгости осанки. Но больше

всего пугало выражение глаз. Пустота. Ощущение возникало, что люди даже не заснули, а будто выключились. Как роботы.

– Ух ты, вот и те самые доблестные органы пожаловали. – Лиза бросила фразу, не оборачиваясь.

Мы, конечно, особо и не скрывались с капитаном, но все же, как она поняла, кто именно забежал в зал. Живыми в этом царстве мертвецов, а у меня реально было чувство, что я в музее восковых фигур, оставались только Мацкевич, сама девчонка и Наталья Никаноровна со своим гадским котом. Бабуля, как ни в чем не бывало, продолжала посасывать винишко. Кот вообще просто развалился на столе. Только что яйца не вылизывал. Наверное, это претит его демонским понятиям, а то бы точно занялся.

– А Вы, Генрих Эдуардович, шалун. При нашей прошлой встрече смогли меня убедить, будто и правда являетесь внуком. Я поверила. – Лизонька снова переключилась на Мацкевича.

В руке девчонка держала какой-то предмет. Вернее, он, этот предмет, лежал на столе, а Блондиночка накрывала его ладонью.

– Гражданка Долгорукова, сейчас медленно встанете с поднятыми руками. – Игорь решил, раз свидетелей, можно сказать, не имеется, в силу их вынужденного равнодушия к происходящему, то можно не церемонится.

Капитан достал оружие и теперь целился практически девчонке в затылок. Я стоял рядом, пока ещё плохо соображая, как лучше поступить. С переговорами, боюсь, у чекиста не выйдет. Слишком Лиза уверенно себя держит.

– А то что? – Она все так же не оборачивалась, разглядывая лишь Генриха, который ответно пялился на нее. – Иван, ты бы объяснил этому чрезвычайно милому, но ужасно глупому мальчику. Не надо пытаться пугать ведьму. Кстати, если рассчитываешь на ту старую тварь, которая сидит за несколько столов от нас и скалится, то зря. Она ничего сделать мне не сможет. Во-первых, как ты помнишь, принцип невмешательства. Смешно, да? Быть самым могущественным существом и не иметь возможности прихлопнуть зарвавшегося человека, как муху. Ирония вселенной. Во-вторых, из-за этого.

Лиза убрала руку и я, наконец, увидел, что лежало на столе. Крест. Тот самый крест, который в свое время отдал мне Алексей. Только сейчас одна его сторона была заточена, как маленький острый колышек.

– Лиза… – Я обошел Игоря, который, судя по недовольному пыхтению и злому выражению лица, немного удивился нашему с девчонкой знакомству. Хотя бы хватило ума ничего не высказывать сейчас, в данную минуту. А то подобные сцены

смотрятся очень пошло и наигранно.

– Что, Вань?

Видел только тыльную сторону ее шеи, благодаря поднятым в прическу волосам, и часть лица.

– Зачем ты это делаешь? Скажи. Просто объясни, зачем тебе книга? Хочешь уничтожить, да?

В этот момент со стороны столика, за которым сидела Наталья Никаноровна, раздался хриплый смех.

– Иван… что ж ты такой наивный… – Бабка-демон покачала головой, потом отставила пустой бокал в сторону, достала из ридикюля коробок спичек, портсигар, оттуда вытащила папиросу, именно папиросу, не сигарету, и закурила, сделав глубокую затяжку.

– Так, я не понял, Симонов… – Чекист, наконец, сорвался. – Это что, мляха муха, за общество друзей по интересам. Я тебе два часа про объект рассказывал, а ты тут, похоже, со всеми и без меня знаком? И бабка … Слишком осведомлена особа для простой соседки, даже для очень крутой соседки.

Игорь смотрел на Лизу, не отрывая глаз, но я видел, как на его скулах ходят желваки. Злился гбешник в первую очередь на меня. В принципе, его реакцию вполне понимаю. Я бы тоже охренел. Может, даже ещё больше, чем он.

– Да, капитан. Тут практически семья собралась. – Мацкевич усмехнулся. – Вот решаем, родственные, так сказать, разногласия. Девочка, так подозреваю, хочет меня убить и забрать книгу. Бабка вон та, которая за соседним столом, чисто посмотреть явилась. Толку от нее ноль в этой ситуации. Иван… Иван единственный в нашей семейке достойные намерения имеет. Думает, его возлюбленная… Ах, да… Ты же не в курсе, капитан. Познакомься, Долгорукова Елизавета Николаевна – без пяти минут супруга твоего коллеги. Ну, это он так думал. Надеялся. Планы строил.

Лиза еле заметно вздрогнула. Ее плечи напряглись, а подбородок поднялся выше. Жест был настолько мелкий, я бы и не обратил внимания, если бы сам не таращился на девчонку с таким же вниманием, что и чекист.

– Не знала? Лизонька… не знала… Да, представь себе. На полном серьезе прикидывал наш Ваня, как найдет тебя в этом времени и создаст с тобой ячейку общества. Ужины по вечерам, завтраки в постель утром, детишки, вся вот эта ваша человеческая хренотень. – Генрих Эдуардович сидел все так же, откинувшись на спинку стула, только ещё теперь руки сложил в замок на животе. Чисто добрый дядюшка. А вот его манера говорить стала вдруг рождать в моей душе одно очень смутное, но очень интересное подозрение.

– Почему он использует слова «человеческая жизнь» и «наше время»? – Капитан кинул на меня быстрый взгляд, по-прежнему, тем не менее, держа на прицеле девчонку. – Ой, да по хрену. Потом разберемся. А то устроили тут черти что. Гражданка Долгорукова. Повторяю, сейчас медленно встаете, отходите от стола и следуете вместе с нами. В другом случае буду вынужден применить силу.

– Непременно, капитан. Непременно… – Лиза начала подниматься со стула и в какое-то мгновения я даже поверил, что все обойдется. Хрена там. Уже практически встав на ноги, она вдруг резко схватила крест со стола, а затем кинулась к Мацкевичу. Это было настолько неожиданно, что следующие события происходили, как в замедленном кино.

Генрих Эдуардович одним прыжком ухитрился оказаться в стороне, попутно откинув стул, на котором сидел. Скорость его действий поражала. Человек так двигаться точно не способен. Хотя…я же с самого начала подозревал, ни черта он не человек. По крайней мере, внутри. Соответственно, Лиза промахнулась, проскочив сбоку от своей цели. При этом Мацкевич самым бессовестным образом ещё и ухитрился подставить девчонке подножку. Но она, в свою очередь, тоже ухитрилась не упасть, только отклонилась, ударилась бедром об угол стола и, зашипев, выронила крест, который зажимала в руке, как оружие.

– Ну, все… Понеслась… – Хохотнула Наталья Никаноровна. Бабуля сделала последнюю затяжку, бросила окурок в бокал, а потом очень неожиданно гаркнула. – Что вылупился, Иван? Совсем дурак? Крест хватай! Это капитан тут своим пистолетом детским машет, как будто толк есть от него, а у тебя руки пустые.

Не знаю, что подействовало на меня сильнее. Вариантов было несколько. Сначала выстрелил Игорь. Реально выстрелил. Думаю, хотел ранить Лизу. Но из его оружия вылетело цветное конфетти. Серьезно. Куча цветных бумажек с весёлым шелестом рассыпалась в воздухе, а потом упала на пол. Потом Лизонька, оттолкнула стол, и бросилась в сторону креста, который валялся неподалеку. Ну… я оказался чуть более быстрым. Упал на колено, прокатившись вперёд, прямо под рукой девчонки, которую она уже тянула к святыне вообще-то моей семьи, а потом схватил крест за обычный, естественно, не заточенный конец. И вообще, у меня, кстати, вопрос. За каким чёртом испортили фамильную вещь? Не за вампирам же гоняемся. Учитывая, что три года назад Лизонька насадила его у Мацкевича, подозреваю, ее рук дело.

А вот дальше все пошло немного не по плану. Ну, чекист охренел, это понятно. Он вертел свой пистолет и так, и сяк, совершенно не понимая, каким таким чудесным образом оружие

превратилось в детскую игрушку. Вернее выглядело то оно нормально, как и должно, но каждый раз, стоило ему попытаться выстрелить, оттуда летело все то же конфетти. Мацкевич, застыл в стороне, настороженно наблюдая за мной и Лизой. Бабка-демон все так же сидела за столом, подперев подбородок кулаком. А вот девчонка стояла напротив и смотрела прямо мне в глаза.

– Иван, отдай крест. – Она протянула руку и улыбнулась.

– Зачем? – Я поднялся на ноги и тоже смотрел на блондиночку с улыбкой.

Надеюсь, это все же была улыбка, а не гримаса. Потому что на самом деле внутри у меня скручивалась в тугой узел очень непривычная боль. Я вдруг очень отчётливо, очень ясно понял, да, убийства и правда совершала Лиза. Вот эта, которая сейчас стоит передо мной. И моей Лизы там нет. Либо она где-то очень глубоко. Ведь и в то, неудачное возвращение Наталья Никаноровна говорила, что девчонка с годами стала очень сильна. Даже, сам Люцифер тогда не был уверен, что справится с ней. Вот сейчас я точно видел, мою Лизоньку бессовестным образом либо выкинули обратно, дай бог если так, либо подавили. А та, которая стояла передо мной, не знала ни жалости, ни человечности. Это была женщина, да. Человек. Не демон. Но… черт… лучше бы она носила в себе потустороннюю сущность, хоть не так обидно.

– Иван… – Лиза снова улыбнулась и повторно ткнула рукой в мою сторону.

– Объясни, зачем тебе книга. И… та, которая должна быть внутри тебя… она жива?

– Не понимаю, о чем ты. Это я и есть, Вань. Книгу мы заберём, уничтожим, как хотели.

– Да конечно… – Наталья Никаноровна начала говорить, но Мацкевич осек ее.

– Не лезь, Белиал! Мы не можем вмешиваться. Это его выбор.

И в этот момент Лиза прыгнула вперёд. Реально прыгнула. Как кошка. Думаю, она хотела вырвать крест из моей руки. Совсем неожиданно, одновременно с рывком блондиночки, наконец, прозвучал выстрел. Капитан уставился на свой пистолет с ещё большим удивлением, чем когда из него летела всякая хренотень. Девчонка как-то резко выгнулась, но ее тело, по инерции, пролетело вперёд и упало прямо на меня. А точнее на крест, который я, за каким-то чёртом, ещё и со всей силы толкнул вперёд, по сути, пробив им грудную клетку женщины, которую, наверное, любил. Лизонька «охнула», повиснув на мне, а потом медленно сползла на пол.

– Твою мать. – Высказался Игорь, глядя на блондиночку,

которая лежала лицом вниз. Из-под нее медленно, как-то очень неохотно, растекалась темно-бордовая лужа.

Я опустился рядом, на пол. Не мог оторвать глаз от открытой женской шеи. Вспоминалось отчего-то, как я совсем недавно, целовал ее. Но в другом месте и в другом времени. Был ли мой жест случайным? Нет. Я сознательно сделал это. Сознательно в тот момент, когда Игорь ее ранил, а он на самом деле лишь ранил, ударил острым концом креста в грудь Лизе. Просто… все это неправильно. И девчонка жила эти годы неправильно. Не знаю, почему, но она изменилась. На самом деле. Книга была нужна ей вовсе не для того, чтоб уничтожить. Как подумалось мне сначала. И убивала она этих женщин тоже не во благо, как бы странно не звучало. Нет. У нее был свой план. Определенный. Конечная цель этого плана…

– Да Господи… – Мацкевич подошёл ближе и стоял теперь рядом, глядя на меня сверху вниз. – Господства мирового захотела девка. Что ты голову ломаешь? Все проще простого, Иван. Шла к этому долго. Много препятствий образовалось на пути. Но шла уверенно. И сейчас ты сделал правильный выбор. Наконец-то. Не промахнулся в этот раз ни в чем. Ну… ладно. Пора, Вань.

Боковым зрением я слишком поздно заметил, как Генрих Эдуардович ухватил стоявший поблизости стул. Когда мне прилетело по затылку, я уже не успел бы отклониться.

Глава 25

Уже привычная темнота, а потом сильная, невыносимая головная боль. В мозгу словно взорвалось что-то. Отличалось в этот раз мое пробуждение от привычных, тех что были раньше, лишь тем, что со всех сторон слышались звуки канонады и стрельбы. Прежде как-то поспокойнее происходило все.

Я резко открыл глаза. Небо над головой. Запах гари, крови и смерти.

– Очнулся? Я уж думала, придется тебя целовать, как в сказке очарованного принца. А это не моя тема, сам знаешь. И без того хожу шутом гороховым.

Голос раздавался справа и был, естественно, очень даже знаком. Осторожно поднял голову, пытаясь понять, где нахожусь.

Я лежал под деревом. Точнее, практически сидел. И не я, если уж говорит конкретно, а Иваныч. Чуть правее устроилась Наталья Никаноровна. Прямо задницей на земле. Подо мной имелось нечто сильно похожее на плащ-палатку. И, судя по звукам, мы находились совсем рядом с местом, где шли серьезные, ожесточенные бои. Все. Больше никого. Только я и бабка-демон.

– Чего башкой крутишь? Лизку ищешь? Нет ее. Запамятовал?

Тут же навалились воспоминания. Черт… Похоже, я убил Лизу… Хотел встать на ноги, но опять откинулся на ствол дерева. Голова болела настолько сильно, казалось, разорвется на части.

– Да ты не дергайся. Контузило тебя. Еле успела оттащить.

– Что происходит? – Мой голос звучал хрипло, горло саднило.

– Да все ровно, Вань. – Наталья Никаноровна, кстати, тоже выглядел не ахтец. Ее пресловутый твидовый костюм был разодран и прожжен в некоторых местах. Лицо испачкано то ли землёй, то ли сажей.

– Это был не Белиал. Я про Мацкевича. В теле Генриха Эдуардовича были Вы.

Я не спрашивал. Потому как точно знал, что прав.

– Угу. Видишь, сколь близки мы стали, Иван. Ты узнаешь меня из тысячи? Как там в вашей песне поется. – Никаноровна хохотнула, а потом поморщилась. Судя по всему, ее тоже задело нормально.

– Где мы?

– Сталинград, Ваня. Мамаев курган. Эх, черт… неприятно все это. – Бабка-демон совершенно беспардонно задрала юбку и я

увидел, что половины ноги у нее просто нет. Серьезно. Нет ноги! Сука! Это как? И крови нет, главное. Просто обрубок и все. Будто его прижгли.

– Епте мать!

Если бы сам не готовился сдохнуть от головной боли, наверное даже отскочил бы в сторону от неожиданности. Я видел раны. И похуже видел. Но черт… почему-то именно эта оторванная наполовину нога произвела на мою психику неизгладимое впечатление.

– Да ладно тебе. Вот солдатики, конечно, охренели, когда за твоей тушей приползла безногая бабка. Видел бы ты их лица. – Наталья Никаноровна тихо захихикала.

– Я по человечески прошу, расскажите, что происходит. Лиза… она… все?

Не мог произнести вслух слово «умерла». Наверное потому, что убил ее сам. Там, в зале дорогого ресторана.

– Эх… ладно, Вань. Ежели последний час пришел нам с тобой… расскажу. Догадки есть? Любопытно просто, начал ты соображать к концу хотя бы?

– Звезда Давида выбрала меня не случайно? Верно? И прошлое не важнее, чем будущее? Вам на самом деле нужно было подготовить меня к той встрече в ресторане. Чтоб я… чтоб я сделал то, что сделал.

– Ну… типа того. – Наталья Никаноровна подползла ближе, а потом тоже облокотилась о ствол дерева, почти прижимаясь ко мне плечом. – Видишь ли. Все дело и правда в книге. Тут лжи нет. И хитрости нет. Она настолько напиталась человеческой жадностью, жаждой наживы, убийствами, что в некотором роде обрела самостоятельность. Поэтому, наша партия, которую мы тут затеяли, с самого начала пошла не по плану. Книга стала проявлять собственную волю. Она не хотела больше «теряться». Именно по этой причине, в момент, когда ученик Мацкевича бежал с ней от чекистов, она попала в руки Иваныча. Чего быть, как бы, не должно. Эту часть событий ты знаешь. Василий, его смерть, потом чувство вины твоего деда. Да. Все так и было. Но … видишь ли Вань. Будущее имеет несколько возможных вариантов развития. А прошлое – нет. Оно одно. Его не изменить. И ты есть в этом прошлом. А точнее, нет сценария, в котором ты не появляешься. Все, что было пережито, он и было пережито. Твоя первая командировка и косяк со спасением Васьки. Твое второе появление и косяк с поступком Лизы. У меня тоже, кстати, не было выбора. Да. Я знал, что девчонка кинется тебя спасать. Но только так я мог выманить книгу у Тихонова. Только так… и при этом знал, что последует дальше. Чтоб Лизка осталась

жива, мне пришлось призвать одного из «своих». Вы, люди, знаете его как Левиафана….

Наталья Никаноровна прервалась, повернула голову и покосилась на меня. Я, естественно, бестолково хлопал глазами, потому что имя это видел, но мельком. Когда читал про демонов.

– Мда… Кто-то знает, а кто-то и нет. Забыл, что ты ноль в нашей теме. Это демон, практически равный мне по силе. Воплощение хаоса и пожиратель душ. Но довести девочку до Москвы мог только он. А она… она почувствовала, что значит настоящая сила. Не та, которой владела сама. Нет. Настоящая. Понимаешь? Которая способна переворачивать горы и делать реальностью любую мечту. Вот это и засело в Лизке. Сначала, после ухода Левиафана было ощущение потери. Это… если ты на какое-то время стал … ну, как тебе объяснить, чтоб понятно… стал волшебником, богом, всесильным существом… а потом – раз! И у тебя все отняли. Все. Даже способность ходить, дышать, слышать. Вот с чем можно сравнить. Ну, вот Лизка и начала думать, как бы ей вернуть утерянное. Но только чтоб демона в себе больше не таскать. Удовольствие тоже, скажу тебе, не из приятных для живого человека. Да ещё он, уходя, повредил ее силу. Она восстановится со временем. Насчёт расплаты за добрый поступок я соврал. Сорян. Короче, девке захотелось настоящего могущества. Вы, люди, так устроены. Что поделаешь. Ещё нас боитесь. – Наталья Никаноровна снова захихикала.

Буквально неподалеку раздался очередной взрыв. Так пониманию, отползли мы от места сражения не особо на большое расстояние.

– Всегда говорил … И с отцом сколько спорил. Люди – самые страшные создания. Ваша жадность не знает границ. Вот грехи взять, например. Разве кто-то под дулом пистолета заставляет вас грешить? Нет же. Ну, появляется поблизости демон, невидимый конечно, человеческому глазу, все как положено. Начинает искушать. И что? Откажись. Собери волю в кулак. Открой душу свету. Нет! Ни черта! Обязательно согрешите. Страсть? Значит надо непременно любовницу оприходовать. И по хрену, что дома семья, умница-жена, дети, все такое. Хочется ведь страсти. Огня. Или бабло. За бабло вы вообще на такие ухищрения идете… диву даёшься. Но… ладно. Не об этом сейчас речь. Лизка… Да, девчонка захотела власти. Книга была у меня, силой ее не отнимешь, как известно. Тем более у создателя. Поэтому пришлось Лизке терпеть до самого Сталинграда. Заодно прикидывала, планировала. Но… Я же тоже планировал. Потому и запретил тебе о смерти Мацкевича рассказывать. Генрих, то бишь Белиал, нагнал нас в том лесу, где я вас в будущее

отправил. Там мы обменялись. Я вручил ему настоящую книгу, а он мне – весьма неплохую подделку. Ради этого ему и надо было остаться в Ровно. Геббельс, заполучив в свое время копию, пытался восстановить оригинал. То есть, охренел от своей значимости настолько, что принялся сам писать ещё один экземпляр. Идиот… Даже не оправдывает тот факт, что он не знал, чьей рукой написан первоисточник. Короче, собирал информацию по крупицам. Что-то успел Мацкевич рассказать, когда был в Калинине. Не суть. Сварганили фашисты свою версию книги дьявола. В Ровно ее привезли… эх… дебилы всё-таки. Короче, решили, что должна новая книга быть омыта кровью. Тут без подробностей. Честно. Даже мне противно. Ну, вот ее, эту фашистскую книгу, Белиалу и надо было забрать, а потом привезти мне.

– Вот зачем… А я понять не мог, на кой черт Вы нас послали в будущее, если тела все равно остались в прошлом и никак переместиться не могли сами к Сталинграду. Вам просто потребовалось время, чтоб Лиза была в беспамятстве. Она же, типа заснула?

– Почти… – Наталья Никаноровна как-то подозрительно замялась.

– Так… давайте уже прямо.

– Ну, ладно. Ты вернулся в свое тело и Иваныч пришел в себя. А Лиза…Местами они поменялись. Твоя ненаглядная оказалась в будущем. А та, которая из будущего, очнулась рядом с Иванычем.

– Не понял. В чем прикол? А кто же там, в ресторане был?

В принципе, я уже знал ответ на этот вопрос. Просто боялся сам себе его озвучить.

– Твоя это Лизка, Вань… Прости… У нее жажда заполучить книгу была огромная. Она ведь не знала, что ей восемьдесят лет прожить предстоит. Что уйдет из НКВД, что собственноручно Тихонова на тот свет отправит. Из-за книги. Опять же. Что много смертей своих знакомых и близких переживет. Что решится на такой шаг, как ритуал. Да, она выбирала женщин, которые умерли бы в любом случае. Но человек – это не бог. Даже сильный человек. Даже ведьма. Решать судьбу не имеет права. Раз предначертано умереть от болезни, пусть страшно, с мучениями и болью, значит это так и должно быть. Своего рода, искупление. Ну, не буду снова тебя грузить… В общем, надо было, чтоб ты остановил именно эту Лизку. Настоящую. И по другому это никак бы не случилось. Скажи я тебе тут, в 1942, ты бы поверил? Нет. Можешь не говорить ничего. Сам знаю. Решил бы, мол владыка Ада тебя на преступление ради своих интересов толкает.

Поэтому пришлось провести вас через те события, которые закончились так, как и должны. Понимаешь?

– Очень приблизительно. То есть Лиза после того, как Вы ее из Клина привезли в Москву, задумала хапнуть книгу себе? Так?

– Угу. – Наталья Никаноровна удовлетворённо кивнула головой.

– Я в прошлом в любом случае был. Так? То есть при всех вариантах все события так и складывались? С моим участием?

– Верно.

– Ок. Соответственно мы шли к Сталинграду, чтоб уничтожить книгу. Потом в лесу вы отправили нас в будущее, заменили книгу. И-и-и-и-и?

– Что «и-и-и-и-и» в своем времени ты Лизку и грохнул. Все. Тем самым прошлое не изменил, конечно, но свое будущее немного исправил. Дело с маньяком муторное было. Последнее убийство имело улики. Появилась обвиняемая. Вы с капитаном ее разыскали и в процессе задержания, к сожалению, убили. Ну, а что делать, если у девки крыша поехала. Окончательно. На почве сатанизма. Там нормально все. Не ссы. Даже грамоту выписали. Вам обоим. Правда Игорёк сильно расстроился, но забыл, почему. Помнит, как Долгорукова Елизавета Николаевна открыла пальбу по ни в чем неповинным гражданам. И все. Причину своей обиды на тебя не помнит. Обижаться то как раз не за что. Ты, как настоящий герой, помог сумасшедшую остановить. Правда смертельное ранение нанес ей именно капитан. Так оно спокойнее, Вань. Его Контора оправдает, а тебе перед пенсией это не нужно.

– Кстати… – Я перебил Наталью Никаноровну. – Зачем ей крест был нужен?

– Ну не тупи, Вань. Я только поверил в силу твоего разума. Убить никого из нас обычной пулей или другим оружием не получится. Сам понимаешь. Да и видел, кстати. Тело пострадает, это да. Но содержимое – нет. А крест… Он же святыня. Помнишь? Крест раскаявшегося грешника. Да ещё и матушка твоя постаралась. Вот крестом то вполне возможно. Чтоб узнать эту информацию Лизке понадобился ни один десяток лет. Ездила, сучка, по миру, собирала по крупицам. Легенды, рассказы, байки народные. Все, что могла. Вот так и выяснила. Святым крестом можно. Оставалось дело за малым, ей этот крест подсунуть.

– Черт… – Я усмехнулся и покачал, недоумевая, головой. – Так и это было просчитано?

– Обижаешь! Конечно! Белиал Мацкевича для меня берег. Мы с ним обменялись после войны. Когда Лизка грохнула сначала

Тихонова, а потом и бабку. Ну, понял, да? Знала ведь, кто внутри, но понадеялась на собственные силы. Выбрала момент и тело повредила. Думала, меня выкинет обратно. Короче, самонадеянная девка. Затащила несчастную бабулю в храм, и под лопатку серебряный нож воткнула. Дура… только замудохался потом полы в церкви мыть от кровищи. Когда девка сбежала, уверенная чтоб справилась с дьяволом. Где вы только такой глупости понабрались, будто храм для нас подобен смерти. Идиотство. Это же отца дом. Ну, не суть. В общем пока девка скиталась по миру, готовилась к краже века, потому что в Сталинград она смоталась гораздо раньше, сразу после войны. Откопала книгу, которую мы зарыли. Кстати, вот минут пятнадцать назад и зарыли. В самом напитанном кровью месте. Фрицы охренели тоже. Мы с их стороны книгу похоронили. Короче, сначала одних удивляли, а потом перебрались к «нашим». Пришел черед и им удивляться. Весело… Ну вот. Книгу Лизка откопала, прекрасно знала ведь, где мы это сделали, и поняла, лажа, а не книга. Поэтому искала следы, концы, ниточки и так далее. Ну, а мы с Белиалом с глаз то исчезли. Дали девке время. Когда она на ритуал решилась, то меня и хотела вызвать. Помнила, гадина, что и как делать надо. Ну, вот тогда то и тебя уже в твоём времени в историю затянуло.

– Короче… Замкнутый круг выходит? Я в будущем должен был закончить то, что по сути я же в прошлом и начал?

– Можно так сказать. Да. Ты голову, Вань, не ломай. Оно тебе надо? Главное, что все закончилось. Я тебя сюда выдернул на время. Попрощаться, так сказать. Обещал ведь, что это – финальный этап. Вот. Закончилось. Но не мог отказать себе в удовольствии поболтать напоследок.

– Не понял… – Я ткнул пальцем в половину ноги Натальи Никаноровны. – А это? А моя контузия? А Лиза? Которая тут? Где она? Или смерть в будущем… как Вы и говорили. Умру я, умрет Иваныч? Типа того?

В этот момент из-за соседнего бугра показалась светловолосая голова. Девчонка, как червяк-переросток, ползла в нашу сторону. Живая. Настоящая. У меня буквально открылся рот от удивления. Правда, тут же отдалось грохотом в уши. Блин, контузия же.

– Это что? – Я повернулся к Наталье Никаноровне, изображающей рядом умирающую старуху.

– Это не «что», Ваня. Это «кто». Не видишь что ли? Лизка.

– А я кого убил?!

– Да ешкин кот… ты слушал, о чем тут тебе час вещаю? Лизку ты убил. Но первую, чтоб понятно было. Естественно, погибло

тело, погибло и сознание. Но та, из будущего, говорю же, вон она. Сидит в своем же прежнем теле, охреневает.

Девчонка подползла совсем близко, и села рядом, глядя на меня до боли знакомыми глазищами.

– Ну… привет. Я на разведку ходила. Линия боёв смещается. Сейчас в санчасть вас проволоку. Но по очереди.

– Не. В санчасть ты поволокешь меня и Иваныча. А Ванька домой отправится. Так что, поболтайте. Минут пять у вас есть.

Наталья Никаноровна отодвинулась в сторону и сделала вид, будто потеряла сознание. Причем, очень наигранно и картинно. С громким вздохом.

– Привет… – Я смотрел на Лизу, понятия не имея, что сказать.

– Да ладно. Чего ты. Все понимаю. Люцифер сказал, ты там, в нашем времени меня, вроде как, убил. Я в курсе. Но… Ты знаешь, я рада, наверное. Затмение какое-то это было, Вань. Почти столетнее затмение. Навязчивая мысль. Должна найти книгу. Должна забрать ее себе. Должна стать кем-то, кто вровень с богом. Вернее, с дьяволом. Так более точно. Представляешь? Всю жизнь этому посвятила. Очень долгую жизнь. Кстати долгую, благодаря Левиафану. Часть во мне все равно от него осталась. Поэтому и силы восстановились, и столько лет протянула в одной поре. Женщин этих. Ну… которых убила…Черт… Сейчас смотрю на все, что было, и муторно. Правда. Когда этот… – Лиза кивнула на валяющуюся рядом бабку-демона. – Когда он меня сюда притащил, сначала поверить не могла. Думаю, да как так? Заново что ли? Все опять по кругу. А потом поняла, нет. Просто… второй шанс, типа. Знаю ведь, что будет. И к чему приведет мое сумасшествие. Отпустило сразу. Клянусь. Ничего не хочу. По крайней мере того, что было, точно.

Девчонка подползла совсем близко. Я ощущал, практически ее дыхание на своей щеке. Она подняла руку и провела пальцами по скуле. Кожу сразу защипало.

– Рана небольшая… Ничего. Сейчас сначала Никаноровну, потом тебя… то есть Иваныча. Он помоложе. Сил больше. Дождется.

Я поймал ее пальцы и сжал их.

– А дальше?

– Что дальше, Вань?

– Ну… дальше что? Я вернусь и все? Как потом?

– А потом – суп с котом. – Раздалось со стороны бабки-демона. Она умирающую изображать перестала и теперь с насмешкой смотрела на нас с девчонкой. – Если дождешься, то встретитесь. Хрен с вами. Не можете без этого своего драматизма.

Все. Поболтали, хорош. Бабуля кровью истекает. В санчасть надо. Устал ты Иван. Поспи пока что.

Я не успел даже пискнуть, хотя хотел прям грубо высказаться, как меня в очередной раз накрыла темнота.

Очнулся моментально. Сразу. Вокруг суетились люди в форме. Рядом сидел Игорь. Смотрел он на меня с сомнением.

– Все нормально, Симонов?

Я молча принял сидячее положение и принялся осматриваться. Ресторан. Гостей уже нет ни одного. В сама центре, там, где лежало тело девчонки, пустота.

– Убрали. – Капитан без слов понял мой взгляд. – Слушай… у тебя как состояние? Нормальное? У меня в голове шум какой-то. Главное помню, как Долгорукова стрелять начала. Не помню свой выстрел. И откуда у нее оружие… Крест ещё этот дурацкий… А ведь говорил начальству. Херня выйдет. Не надо Мацкевичу позволять эту встречу. Нет, упёрлись. Иностранный гражданин, идёт нам навстречу. Тюфу ты!

Игорь в сердцах сплюнул на пол.

– Ладно… чего уж. Тело забрали в мой отдел. Сам понимаешь. Вся документация уедет туда же. Понял? Официально к убойному это все больше не имеет отношения. Да и закончилась… история твоего маньяка. С остальным мы теперь сами будем… возиться. Ладно. Ты вон к парню подойди. Видишь, стоит в сером пиджаке. Посмотрит голову. Когда стрельба эта началась, ты сильно об пол приложился. Эх… не пойму… почему крест у меня в руках оказался… я же стрелял в нее …

Капитан поднялся на ноги и, продолжая бормотать себе под нос, пошел к коллегам.

Я посидел минут пять, потом тоже встал, а потом, ни с кем не прощаясь, вышел из ресторана. Да на меня никто и не обращал внимания. Все, как говорила Никаноровна.

Приехал домой, искупался, завалился спать. Проснулся только на следующий день. Реально. От звонка мобильника. Матвеев, довольный и счастливый, сообщил, что вся эта дерьмовая история с убийствами нас больше не касается. Благодаря помощи коллег, в этом месте он сделал очень выразительный акцент, убийца найден и даже практически наказан. Может, не по строгости закона, но уж по закону божьему точно. Дословно, так и сказал. А я, соответственно планам, могу благополучно присоединиться к пенсионной прослойке нашего общества.

Дальше были проводы в родном отделе. Пьянка до зелёных соплей. Все, как положено. Все, как я хотел. Правда, неделю после этого сидел дома. Безвылазно. Почему-то казалось, если выйду

из квартиры, пропущу нечто важное. Однако, важного ничего не происходило. Только крутились постоянно в голове слова Натальи Никаноровны, что если дождусь, то будет мне счастье. Счастье так и не появилось. Ни через неделю, ни через две. Похоже, сбрехала бабка. Как всегда.

Но и ничего сверхъестественного рядом со мной тоже не происходило. Был звонок от капитана, мол, хотят меня пригласить на беседу. Я тактично поинтересовался, пригласить ли? После утвердительного ответа сказал, что планы мои не поменялись. Служба окончена. Все. Ни в каком отделе больше числиться не хочу.

– Почему-то так и думал… Слушай, Симонов, вот хоть убей, часть событий того дня не помню. Меня наградили за победу добра над злом, но наказали за смерть, пусть и вынужденную, столь важной и ценной подозреваемой. А я… прикинь, не помню, как это произошло. Вот заходили в ресторан, помню. А потом… белое пятно. Ты…ты же там был.

Я заверил капитана, будто у самого такая же ситуация. Мол, после нашего с ним появления в ресторане, начисто отшибло память.

– Да? – Игорь немного помолчал. – Ну, черт с ним. В нашем деле и такое бывает. Контингент особый. Короче, начальству передаю отказ?

У меня сомнений не было ни малейших. О чем и сообщил парламентеру. Его, видимо, отрядили сделать предложение о службе на благо секретного отдела в силу нашего общего участия в столь серьезном деле. Раз уж он мне и про детали специфической работы рассказал.

Скинул звонок и бестолково уставился в пустоту. Две недели прошло. Все. Можно не ждать. Точно обманул Люцифер. Надо жить как-то дальше. Не придет Лиза. Нет ее. Наверное, прожила обычный человеческий срок и все. А мне не сказали заранее, чтоб не расстраивать. Он ведь обещал, все закончится. Вот и закончилось. Мацкевич исчез ещё в ресторане. Официально уехал на родину. Бабка подавно. Когда очнулся, их не было уже обоих. Все.

Только подумал, что надо смириться, раздался звонок в дверь. Гостей я не ждал. Вообще никаких. Сначала даже не хотел открывать. Однако позвонили ещё раз. А потом ещё.

Блин, ну варианта два. Либо это мои уже бывшие коллеги решили проведать пенсионера. Либо это коллеги капитана решили не принимать отказ. А! Есть ещё третий. Может, заливаю соседей внизу? Так вроде воду не открывал.

Я встал с дивана, на котором сидел и подошёл к входной

двери. Открыл сразу, не глянув в глазок.

– Привет. Зашла познакомится с соседом. Купила вон квартиру. Справа от тебя. Соль есть? Или что там обычно спрашивают.

На пороге стояла довольная Лиза.

Конец.